

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПЫТ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО
ОСВОЕНИЯ
СИБИРИ**

27 МАЙ 2016

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОС-
ВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. ХУШ - ХХ ВВ.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК СТАТЕЙ

1-8130776

Томск, 1994

Тематический сборник статей включает материалы исследований по истории хозяйственного освоения Западной Сибири в ХУШ-ХХ вв., посвящается памяти известного историка, профессора Томского университета Г.Х.Рабиновича.

Редакционная коллегия: докт.ист.наук В.П.Зиновьев (отв. редактор), канд.ист.наук О.Н.Разумов, канд.ист.наук Э.И.Черняк, канд.ист.наук В.А.Бузанова.

Рецензент: докт. ист. наук А.Т.Топчий.

© Томский государственный университет

1994 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник посвящается 60-летию со дня рождения видного историка Григория Хацкельевича Рабиновича (1934-1981 гг.). Творческий путь этого ученого был коротким, но очень насыщенным и плодотворным. За двадцать лет он опубликовал около 50 научных работ общим объемом свыше 75 п. л.

Главной темой исследований Г.Х.Рабиновича являлась история сибирской буржуазии. Он выявил и впервые ввел в научный оборот многие архивные материалы из личных и семейных фондов предпринимателей, фондов окружных судов и судебных палат, Департамента герольдии Сената, частных банков и т.д., проанализировал численность, источники формирования, состав, степень социальной зрелости и основные сферы предпринимательской деятельности буржуазии восточных районов страны. Итоги большой работы были обобщены в его докторской диссертации и монографии "Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. (Томск, 1975), получившей высокую оценку в нашей стране и за рубежом.

В последние годы жизни Григорий Хацкельевич обратился к изучению истории российской буржуазии в целом. В качестве главного объекта своего исследования он избрал ее самый верхний и могущественный слой - финансовую олигархию. К сожалению, эта перспективная работа прервалась в самом разгаре. В настоящем сборнике публикуется статья, в которой Г.Х.Рабинович предпринял попытку - едва ли не первую в нашей историографии - определить состав финансовой олигархии России.

Статья написана в 1979-1980 гг. и не совсем закончена автором. Конечно, она несет на себе печать своего времени, страдает определенной политической заданностью. Но в тот период это было неизбежной платой за "легализацию" темы. Редакция сборника считает себя не в праве вносить в статью какие-либо кардинальные изменения. На наш взгляд, статья сохраняет научную ценность самой постановкой важной проблемы, систематизацией нового фактического материала (часть которого остается неизвестной до сих пор), некоторыми выводами автора. Несомненно, она будет способствовать дальнейшему изучению истории отечественного предпринимательства.

Редакция и авторы сборника пользуются возможностью почтить память своего коллеги и учителя, профессора Г.Х. Рабиновича.

В настоящий сборник статей вошли исследования по истории хозяйственного освоения Западной Сибири в ХУШ - ХХ вв., в том числе по истории предпринимательства (В.П.Бойко, О.Н.Разумов, В.П.Зиновьев), по истории промышленности и транспорта (Е.Н.Косых, В.Н.Большаков, П.С.Коновалов), по истории аграрного освоения Сибири (В.А.Бузариова, П.Ф.Никулин, В.Г.Зыкова, В.К.Андрищенко). В статьях затронуты малоизученные сюжеты истории сибирского региона, введены в научный оборот новые материалы, сделаны обобщения, которые будут полезны историкам-исследователям, краеведам, студентам и аспирантам гуманитарных факультетов вузов.

Редколлегия.

І. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ХУШ - ХХ ВВ.

Г.Х. Габинович

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОСТАВА ФИНАНСОВОЙ ОЛИГАРХИИ В РОССИИ

Одна из центральных проблем истории империализма и буржуазии в России - возникновение финансовой олигархии как верхушечного слоя класса буржуазии, ее численность, состав, источники и пути формирования, роль в социально-экономической и политической жизни России. Изучение финансовой олигархии необходимо для более глубокого уяснения предпосылок российских революций и расстановки классовых сил накануне и в период социальных потрясений начала ХХ века.

В ленинской теории империализма вопрос о финансовом капитале и финансовой олигархии занимает важное место. Образование финансового капитала и финансовой олигархии на базе концентрации производства и сращивания (слияния) капитала банковских и промышленных монополий - это один из важнейших признаков империализма. "Хозяиничанье" капиталистических монополий становится неизбежно, в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии", - писал В.И. Ленин¹⁾.

Ленинские работы являются методологической основой для разработки проблем истории империализма в России вообще и, в частности, ее классовой структуры, финансового капитала и финансовой олигархии.

Советские историки, осваивая ленинскую методологию, уже в 20-30-х гг. создали ряд ценных трудов по истории монополистического и финансового капитала в России²⁾. Однако в этих работах не ставился вопрос о финансовой олигархии, редко употреблялся и сам этот термин.

Исследования тех лет стимулировали более углубленную разработку в последующий период таких проблем, как концентрация производства и капитала, возникновение и развитие монополий в промышленности, на транспорте и в банковском деле. Расширялась источниковая база исследований, поднимались и широко использовались новые архивные материалы. Наряду с обобщающими трудами, появились многочисленные работы, исследующие проблемы экономики монополистического капитализма в отраслевом и территориальном разрезе.

Выявлена роль финансового капитала и доказано его преобладание в экономике России эпохи империализма. Многочисленные работы историков и экономистов, обосновывающие этот принципиальный вывод, служат прочной базой для специальных исследований истории финансовой олигархии³⁾.

Однако, приходится констатировать, что в большей степени изучена экономическая сторона проблемы (финансовый капитал), и в меньшей степени - социальная сторона (финансовая олигархия). Отдельные интересные наблюдения и выводы о финансовой олигархии содержатся почти во всех работах по истории монополистического капитализма, но до сих пор нет ни одной работы, специально посвященной финансовой олигархии России.

В советской и зарубежной марксистской историко-экономической литературе успешно исследуется финансовая олигархия США, Англии, Франции, Германии (ФГГ) и других стран⁴⁾. Отсутствие же специальных обобщающих работ о финансовой олигархии России затрудняет ее сравнительно-историческое изучение.

В.И. Ленин указывал на узость слоя финансовой олигархии в России и на громадную концентрацию в ее руках экономической мощи. В 1917 г. он писал: "Число крупнейших акционеров ничтожно; роль их, как и общая сумма богатства у них, - громадна. Не боясь ошибиться, можно сказать, что если составить список пяти или даже трех тысяч (а может быть даже и одной тысячи) самых богатых людей в России, или проследить... все нити и связи их финансового капитала, их банковских связей, то откроется весь узел господства капитала, вся главная масса богатства, накопленного на счет чужого труда, все действительно важные корни "контроля" за общественным производством и распределением продуктов"⁵⁾.

Слой же самых крупных магнатов, по Ленину, был еще более узким - "от нескольких сот" до одной-двух тысяч миллионеров - банковских и торгово-промышленных воротил⁶⁾. Эти ленинские положения могут послужить основой для изучения финансовой олигархии в России.

Следовательно, при изучении финансовой олигархии России прежде всего встает вопрос о границах этой верхушечной группы класса буржуазии, об основных критериях, позволяющих отнести того или другого капиталиста к финансовой олигархии. При решении этого вопроса основная методическая трудность заключается в отделении подлинных хозяев банковских и одновременно промышленных монополий - финансо-

вых магнатов от их высших служащих, управляющих.

Необходимо выработать четкую методику, позволяющую определить состав финансовой олигархии в России, очертить границы этой социальной группы.

При изучении финансовой олигархии необходимо учитывать важную объективную закономерность развития финансового капитала - отделение капитала - функции от капитала - собственности. Применительно к России конца XIX в. этот вопрос поставлен и изучен В.И.Бовыкиным⁷⁾.

Как показано К.Марксом и В.И.Лениным, в процессе прогрессирующего обобществления производства и общественного разделения труда, с развитием акционерной формы капиталистической собственности, возникает объективная потребность в появлении специальной категории работников, "перенимающих у капиталистов функции управления и выполняющих эту функцию за него и вместо него". При акционерной форме "функция в лице управляющего, отделяется от собственности на капитал" - писал К.Маркс⁸⁾.

Эта тенденция усиливается в период империализма⁹⁾. В крупных промышленных, транспортных, торговых, банковских предприятиях, в монополистических союзах разных отраслей функции высшего управления, как правило, передается наемным служащим, являющимся доверенными лицами. Сами же предприниматели, превращаются в рэпье, "стригущих купоны", что ведет к паразитическому перерождению капиталистов.

Следовательно, наряду с возникновением слоя монополистической буржуазии и финансовой олигархии, в период империализма появляется группа администраторов, управляющих капиталистическими предприятиями.

Финансовые капиталисты, опираясь на контрольные пакеты акций монополизированных предприятий, сохраняют функцию высшего контроля и надзора над управляющими-руководителями этих предприятий.

Верхушка управляющих - руководители монополий - непосредственно примыкает к финансовой олигархии, распоряжаясь большими массами не принадлежащего им капитала. Получая огромное жалованье, тантеньмы (премии), они накапливают значительные личные состояния, источником которых является прибавочная стоимость. Они нередко входят в состав монополистической буржуазии, а иногда и в состав финансовой олигархии. Однако, как правило, жалование управляющих несравнимо меньше дивидендов хозяев, личные состояния высших управляющих зна-

чительно уступают размерам капиталов финансовых капиталистов-собственников¹⁰⁾.

Следовательно, и применительно к дореволюционной России нужно отличать капиталистов-монополистов и финансовых олигархов от их высших служащих, членов финансовой олигархии от их представителей. Далее необходимо из числа управляющих определить и выделить тех, кто сами превращались в функционирующих капиталистов-монополистов.

Советские историки и экономисты уже отмечали, что исследование конкретных проявлений процесса отделения капитала-функции от капитала-собственности, определение размеров личных состояний крупных капиталистов - чрезвычайно трудное дело¹¹⁾.

Исходя из ленинской характеристики классового деления общества, для определения границ финансовой олигархии необходимо, прежде всего, учитывать ее отношение к средствам производства и ее роль в общественной организации труда.

Финансовые олигархи в России, как и в других империалистических странах, несомненно выделялись размерами своих богатств. Выявление обладателей крупнейших личных состояний, миллионеров и мультимиллионеров, может помочь очертить круг финансовой олигархии в России.

В данной статье предпринимается попытка наметить некоторые пути, которые, возможно, помогут решению действительно нелегкой задачи определения состава российской финансовой олигархии¹²⁾.

Это прежде всего, использование материалов об утверждении судебными учреждениями духовных завещаний капиталистов. Завещания капиталистов и материалы об их утверждении - массовый и репрезентативный источник, методика использования которого уже апробирована на сибирском материале¹³⁾. Эта методика может быть перенесена (с учетом региональных особенностей) на другие районы страны, и, прежде всего, московский и петербургский.

До 1917 г. умерли такие крупные капиталисты, как А.А. Ауэрбах, Н.С. Авдаков, М.П. Боткин, Л.И. Бродский, В.П. Бродке, А.А. Бунге, И. Вавельберг, А.Ф. Второв, А.И. Грубе, Д.Е. Елисеев, В.В. Жуковский, К.О. Жиро, Л. Кениг, М.Ф. Морозова, Н.С. Островский, В.Н. Печковский, А.Я. Прохоров, Н.И. Прохоров, П.М. и Ф.П. Рябушинские, Ф.К. Сан-Галли, И.С. Стахеев, Г.Г. Солодовников, М.А. Соловейчик, Н.Н. Суцов, Ф.А. Терещенко, В.Н. Тенишев, П.И. Харитonenko, В.Я. Якуничков, Я.И. Утин и другие. По-

ка удалось обнаружить материалы по утверждению завещаний лишь части умерших крупных капиталистов. Однако и имеющиеся материалы показывают, что многие из этих предпринимателей обладали огромными личными богатствами.

Так, наследство умершего в 1901 г. московского капиталиста Г.Г.Солодовникова оценивалось в 21,05 млн. руб. и включало ценных и процентных бумаг на 16,4 млн. руб. Это имущество давало ежегодно наследникам Г.Г.Солодовникова доход в 1,2 млн. руб., который также обращался в процентные бумаги. К июлю 1908 г. "наследственная масса" Г.Г.Солодовникова возросла до 28,5 млн. руб.¹⁴⁾ Капитал умершего в 1902 г. петербургского капиталиста П.Г.Элизеева оценивался в 25 млн. руб., из которых 21,3 млн. руб. были вложены в акции и облигации¹⁵⁾. В декабре 1899 г. после смерти П.М.Рябушинского каждый из его шести сыновей получил по духовному завещанию наследственный капитал, дававший 50 тыс. руб. чистого дохода в год. Кроме того, каждый из братьев получил по 400 тыс. руб. наличными деньгами¹⁶⁾. Состояние П.М.Рябушинского превышало 10 млн. руб. Умерший в 1910 г. один из братьев - Ф.П.Рябушинский оставил наследство 2 млн.250 тыс. руб.¹⁷⁾

Капиталы крупнейших землевладельцев и сахарозаводчиков графов Бобринских в 1897 г. составляли 17,1 млн. руб., в том числе 9,3 млн. руб. - земли и леса, 3,1 млн. руб. - заводы, 4,7 млн. руб. - капиталы в акциях, облигациях и на текущих счетах в банках¹⁸⁾. Утвержденное окружным судом завещание киевского сахарозаводчика Л.И.Бродского, умершего в 1904 г., показывает, что он передал своим наследникам - дочерям и внукам состояние около 35 млн. руб., значительная часть которого заключалась в паях сахарных заводов и акциях банков¹⁹⁾. Капиталы Г.Е.Гинцбурга - банкира и золотопромышленника в 1910 г. были исчислены окружным судом в 7 млн. руб. А совокупные капиталы семьи Гинцбургов (главных владельцев "Ленского золотопромышленного товарищества") в 1914 г. оценивались в 12-15 млн. руб.²⁰⁾

"Скромнее" оценивалась величина наследства князя В.Н.Тенишева - известного дельца и учредителя 90-х гг., умершего в Париже в 1903 г. Он оставил жене и дочери капитал в 1,4 млн. руб., большая часть которого была вложена в процентные бумаги²¹⁾.

Отнюдь не самый богатый представитель клана текстильных фабрикантов Морозовых - Савва Морозов, застрелившийся в Ницце в 1905 г.,

имел капитал 1534 тыс. руб.²²⁾ Его мать - М.Ф. Морозова входила в число богатейших людей России. Она умерла в 1911 г., обладая состоянием свыше 29 млн. руб.²³⁾ Хлебный торговец М.П. Ончуков (член Совета Волжско-Камского банка) имел капитал свыше 8 млн. руб.²⁴⁾

Размеры богатства крупнейших капиталистов резко возросли в годы первой мировой империалистической войны. По некоторым оценкам, личные капиталы биржевого дельца И.П. Мануса в 1916 г. составляли примерно 30 млн. руб., биржевика и подрядчика Н.Х. Денисова - 15 млн. американских долларов²⁵⁾, сахарозаводчика, будущего министра Временного правительства М.И. Терещенко - 60 млн. руб.²⁶⁾

Чистый капитал московских текстильных фабрикантов и банкиров Ф.Л. и А.Л. Кнопов составлял 23 млн. руб.²⁷⁾ Сахарозаводчик и крупный банковский деятель К.И. Ярошинский в марте 1917 г. оценивал свое имущество в 26,1 млн. руб. при задолженности 6,6 млн. руб.²⁸⁾ Капиталы в десятки миллионов рублей имели семьи Прохоровых, Нобелей, Лианозовых, Манташевых, Второвых, Стахеевых и т.д.

Огромные размеры личных состояний крупнейших капиталистов служили основой их господства в монополизированных банковских и промышленных предприятиях. Вместе с тем, опираясь на собственные капиталы, финансовые магнаты контролируют путем "системы участия", персональной унии и в других формах огромные массы не принадлежащего непосредственно им капитала. Они распоряжаются чужими капиталами, присваивая значительную часть их прибыли.

Для составления списка "самых богатых людей России", определения круга финансовых магнатов и выяснения их относительной экономической силы перспективным путем представляется также использование материалов учетно-ссудных комитетов Государственного и акционерных коммерческих банков, составляемых ими "клиентских списков" банков по вексельному кредитованию.

Величина открытого вексельного кредита соответствовала, как правило, кредитоспособности клиента, зависела от суммы его капитала²⁹⁾. Учетно-ссудные комитеты банков тщательно изучали кредитоспособность клиентов-капиталистов³⁰⁾.

В целом, если оперировать массовыми данными, вексельный кредит составлял 10-15% от суммы капитала предпринимателя. Размер вексельного кредита как бы указывал "сколько стоит" тот или иной капиталист. Анализ материалов по вексельному кредитованию позволит сос-

тавить список крупнейших капиталистов по их кредитоспособности, своеобразный "рейтинг" их денежного богатства.

Подсчет по материалам Государственного банка на 1 января 1915 года показал, что в России около 1700 лиц, которым был открыт вексельный кредит свыше 100 тыс. руб. (Такой кредит получали, как правило, лица, имевшие капитал не менее 1 млн. руб.³²) Сколо 90 лицам и фирмам был открыт вексельный кредит свыше 1 млн. руб. Их капитал, по-видимому, превышал 10 млн. руб. Одной фирме (наследникам сахарозаводчика Харитоненко) был открыт кредит в 9 млн. руб., трем (Кнопам, Н.И. Прохорову, В.Алексееву) - 6 млн. руб., участникам торгового дома "Воган" - 3,5 млн. руб., восьми фирмам - 3 млн. руб. (наследникам С. и В. Морозовых, Кузнецовым - приемникам Губкина - владельцам чаеоторговой фирмы, владельцам банкирского дома "Э.М.Мейер и Ко", семье сахарозаводчика Терещенко-Ханенко, текстильным фабрикантам Бардыгиным, Рябушинским).

В числе лиц и фирм, которым был открыт кредит от 1 до 3-х млн. руб. были московские капиталисты Гюбнер, Ковалов, Н.Коншин, братья Крестовниковы, Баранов, Бахрушин, Горбунов, Второв, Выецкий, Малютин, Котуар, Носов, Раззоронов, Найденов, братья Дьямгаровы и др., петербургские дельцы Аляфузов, Брант, Варгунин, Воронин, Громье, Торнтон и др.; киевские предприниматели - наследники Лязяря Бродского и Лев Бродский и т.д.

Наряду с капиталистами столичных городов - Петербурга и Москвы в списках крупнейших клиентов банков по вексельному кредитованию находились дельцы-миллионеры из Киева, Одессы, Нижнего Новгорода, Варшавы, Лодзи, Риги, Саратова, Баку, Ростова-на-Дону и других крупнейших торгово-промышленных центров. Наряду с капиталистами-промышленниками здесь находились торговцы, банкиры и т.д.

К 1917 г. списки крупнейших клиентов банков по вексельному кредитованию несколько изменились, пополнились новыми фамилиями, но в основе своей сохранились неизменными³³.

Для определения круга финансовой олигархии необходимо, но недостаточно выявление обладателей крупнейших состояний - миллионеров и мультимиллионеров. В домонополистический период в России было немало миллионеров-капиталистов и землевладельцев, но финансовая олигархия не сложилась. И в эпоху империализма в России имелись очень богатые люди, в том числе миллионеры, которых трудно

отнести к финансовой олигархии или даже к монополистической буржуазии. Это, главным образом, представители провинциального торгово-ростовщического капитала, слабо связанные с банками и крупной промышленностью.

В финансовую олигархию входят миллионеры и мультимиллионеры, олицетворяющие собой срочный, слившийся воедино промышленный и банковский монополистический капитал. Поэтому необходимо выявление обладателей крупнейших личных богатств дополнить характеристикой их участия во владении финансовым капиталом, анализом состава их богатств.

Финансовый капитал образуется двумя путями: а) подчинением банковского капитала промышленному; б) подчинением промышленного капитала банковскому. В России имели место оба эти пути, но преобладал второй, поскольку здесь "в процессе сращивания банковского капитала с промышленным, банки чаще всего были более сильной стороной..."³⁴⁾

Крупные банки в России, как и в других капиталистических странах, в эпоху империализма стали, по словам В.И. Ленина, центрами хозяйственной жизни страны, главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота..."³⁵⁾ В XX в. они превратились в банковские монополии. К 1 апреля 1917 г. 9 крупнейших банков (Русско-Азиатский, Международный, Азовско-Донской, Русский для внешней торговли, Волжско-Камский, Сибирский Торговый, Московский Купеческий, Соединенный, Торгово-Промышленный) располагали 74% ресурсов всех 50 банков страны³⁶⁾. Далеко зашел процесс "сращивания" капитала промышленных и банковских монополий. К 1917 г. крупнейшие банки контролировали 468 акционерных предприятий с капиталом свыше 2 млрд. руб., что составляло 44% капитала всех акционерных обществ в промышленности, торговле, транспорте и т.д.³⁷⁾ На этой основе сформировался финансовый капитал — качественно новая и высшая форма капитала, включающая слившийся воедино промышленный и банковский капитал. "Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии..."³⁸⁾, — считал В.И. Ленин.

Именно крупнейшие банки стали рычагами экономического господства финансовой олигархии, ее штаб-квартирами. Необходимо поэтому выявление подлинных хозяев банковских монополий, крупнейших финан-

СОВЫХ МАГНАТОВ.

По мнению некоторых историков члены финансовой элиты России занимали посты преимущественно в правлениях банков. Так С.Л. Ронин писал: "...чтобы приобрести решающее влияние на деятельность банка, было необходимо и достаточно завладеть его правлением"³⁹⁾. И.Ф. Гиндин считал, что "...директора русских банков оказались в значительно более "ответственном" положении, чем их западно-европейские коллеги, т.е. иными словами, в рамках зарождавшихся финансово-капиталистических отношений руководители банков оказались поставленными в положение "единоличных распорядителей", могущих хозяйничать в банках"⁴⁰⁾. Следовательно, члены правлений банков фактически включались в состав финансовой элиты, а члены наблюдательных советов банков - исключались из нее⁴¹⁾.

На наш взгляд, основной костяк финансовой элиты России в начале XX в. находился в советах крупных банков. Этим важнейшим органам банков в специальных работах не уделялось достаточного внимания, а их роль недооценивалась.

Русские акционерные коммерческие банки действовали на основе уставов, утвержденных правительством⁴²⁾. Уставы банков были единообразными по структуре. Все они содержали параграфы о внутреннем управлении банками, в частности, о функциях руководящих органов - общих собраний акционеров, правлений и советов.

По уставам банков (формулировки в уставах разных банков имели незначительные различия), в функции их советов входило общее наблюдение за ведением дел банка, проверка кассы банка, его фондового и вексельного портфеля, ревизия действий правления, предварительное рассмотрение и утверждение представляемых правлением годовой сметы расходов и плана действий, проверка годового отчета правления и представление его общему собранию акционеров со своим заключением⁴³⁾. Таким образом, деятельность правлений находилась под контролем наблюдательных советов.

Наиболее важные оперативные вопросы текущей политики банка также решались советами. Так, по уставу Международного банка компетенции совета относилось: "Рассмотрение всех вопросов, которые по своей важности будут представлены Правлением на разрешение Совета"⁴⁴⁾. Совет банка выступал главным арбитром и решающей инстанцией при возникновении разногласий между членами правления по

вопросам текущей деятельности банка. В уставах всех банков имелся пункт о том, что в функции совета входит "окончательное разрешение вопросов по которым мнения членов Правления разделялись"⁴⁵⁾.

Очень важной функцией совета было "предварительное рассмотрение вопросов, представляемых правлением на обсуждение общего собрания акционеров"⁴⁶⁾. Практически это означало, что совет готовил проекты решения общего собрания по всем принципиальным вопросам. Это фактически предreshало их утверждение общим собранием акционеров. Наконец совет давал общему собранию предложения по составу правления. Совет мог также кооптировать новых лиц в свой состав и в состав правления и пользоваться эти правом⁴⁷⁾.

Таким образом, уставы банков давали советам возможность не только контролировать деятельность правления, но и фактически определять его состав и главное направление деятельности.

Принципиальные различия в функциях, назначении правления и совета выявляются и при анализе размеров и способов оплаты, "вознаграждения" членов этих органов. В уставах банков точно определены размеры основных окладов "правленцев". В уставе Волжско-Камского банка говорилось: "За труды свои по заведованию делами общества члены правления получают жалование по назначению Совета"⁴⁸⁾. Совет же определяли размеры дополнительных выплат членам правления.

Члены совета не состояли на жалованье у банка, они не были его наемными служащими. Например, согласно § 53 Устава Русского Торгово-Промышленного банка, "члены Совета, за исполнение возложенных на них обязанностей, определенного жалованья не получают"⁴⁹⁾.

По уставам банков в распоряжение советов поступала определенная доля чистой прибыли (обычно 2%), которая использовалась обычно на представительные расходы. Но основным источником доходов членов советов банков было не жалованье (как у большинства "правленцев"), а дивиденды.

Особое положение членов советов как подлинных хозяев банков и положение "правленцев" как служащих подчеркивалось в уставах следующим пунктом: "Члены правления, директора-распорядители, а также директора отделений банка и служащие в нем лица (за исключением членов Совета), не могут пользоваться в банке кредитом в каком-бы то ни было виде"⁵⁰⁾. Следовательно, члены советов могли использовать

"свои" банки для кредитования собственных операций, директора — как служащие банка, по уставу не имели такой возможности. (Правда, практика знала примеры нарушения этого пункта Устава).

Наконец, уставы банков запрещали членам правления службу одновременно в других банках, но в них не было ограничений для вхождения в советы нескольких банков.

Таким образом, изучение по уставам функций советов банков указывает на то, что именно в них находились подлинные хозяева банков.

Об этом же свидетельствует и изучение состава банков. Советы банков избирались на общих собраниях акционеров, из числа крупнейших, наиболее влиятельных капиталистов, владельцев акций банка. Член совета должен был иметь в разных банках не менее 50—100 акций. В 1917 г. в советах только столичных акционерных коммерческих банков было занято 367 мест⁵¹). По мере роста основного акционерного капитала банков число членов советов увеличилось. Так в Азовско-Донском банке в 1907 г. совет состоял из 9 человек, в 1917 г. — из 18, в Волжско-Камском в 1895 г. в совете было 5 человек, а в 1917 г. — 15 и т.д.⁵²)

В советы крупных петербургских банков в разные годы конца XIX — начала XX вв. входили такие магнаты тяжелой промышленности, как В.Ф. Голубев, В.Н. Тенишев, А.П. Мещерский, Г.А. Блох, П.П. Рыковский, С.Н. Пастухов, М.Л. Балабанов; горнозаводчики В.А. Половцев, В.Ф. Трепов, В.А. Поклевский-Козелл, Я.В. Вишау, А.А. Ауэрбах, Ф.А. Иванов, А.Я. Ратьков-Рожнов, В.В. Жуковский, С.И. Яковлев; нефтяные короли Э.Л. Нобель, А.И. и А.Л. Манташевы, С.Х. Тагиев, П.О. Лукасов; железнодорожные магнаты Н.К. фон-Мекк, С.И. Кербеде, А.А. Бунге, В.Н. Печковский, Ф.А. Линский; текстильные фабриканты Н.И. Прохоров, Н.И. Гучков, Н.Л. Лосев, В. Вишняков, Н.Т. Каштанов, П.А. Торнтон, П.К. Жиро; кожевенные заводчики Д.П. Бахрушин, Э.Н. Алафузов, А.Н. Брусницын; сахарозаводчики братья Бродские, П.И. Харитоненко, Б.И. Ханенко, К.И. Ярошинский, крупнейшие торговцы П.Е. Елисейев, П.И. Лелянов, Р.Ф. Елессиг, Д.В. Сироткин, М.П. Ончуков, И.И. Крюков, И.С. Крючков, Н.С. Цвильев, А.Я. Прозоров, В.Э. Брант, владельцы банкирских домов и биржевики И.П. Манус, И.И. Драмгаров, И.С. Хесин, В.Г. Винтерфельд, Н.Х. Денисов; создатели русских концернов Н.А. Второв, И.И. Стажеев, П.П. Батолин и другие.

В советы московских акционерных коммерческих банков входили крупнейшие фабриканты и торговцы Центрального промышленного райо-

на. В списках членов советов этих банков находим фамилии капиталистов: Абрикосовых, Арено, Бардыгиных, Бахрушиных, Воткиных, Вурышкиных, Вакарных, Втсровых, Высоцких, Грибовых, Гучковых, Дербеневых, Ларзинкиных, Карповых, Котуар, Кнопов, Коноваловых, Крестовниковых, Кузнецовых, нескольких ветвей Морозовых, Найденовых, Носовых, Рабенек, Рябушинских, Смирновых, Стукен, Третьяковых, Толяевых, Шамшиных, Швецовых, Шукиных и т.д. Даже простое перечисление фамилий капиталистов - членов советов столичных банков говорит само за себя.

Вскруг отдельных банков складывались связанные деловыми интересами группы финансовой олигархии⁵³). Вместе с тем, наиболее богатые, крупнейшие финансовые магнаты входили в советы нескольких банков одновременно. Так, крупный горнопромышленник юга России В.Н. Тенишев входил в 90-х гг. XIX в. в советы Международного и Русского для внешней торговли банка. А.В.Половцев, унаследовавший многочисленные богатства банкира и промышленника А.Штиглица, тогда же возглавлял советы этих банков. А.И. и Л.А.Манташевы участвовали в советах Азовско-Донского и Русского для внешней торговли банка. Л.И. Бродский был членом совета Международного и Русского для внешней торговли банков, а также Киевского Частного коммерческого банка. Б.И.Ханенко (член семьи Терещенко) находился в совете Петербургского Частного и Русского Торгово-Промышленного банков. А.Н.Брусницын - Русского для внешней торговли и Петербургского Частного коммерческого банка. И.П.Манус - Азовско-Донского, Русско-Азиатского, и, некоторое время, Сибирского Торгового, П.Я.Хесин - Международного и Азовско-Донского, П.Г.Солодовников являлся одновременно членом совета трех коммерческих банков - Международного, Азовско-Донского и Русско-Азиатского⁵⁴).

Состав советов банков был довольно устойчивым, стабильным. Так, в Международном банке четыре члена совета находились в нем с 1907 по 1917 г. (В.Н.Юферов, А.М.Фейгель, П.Я.Хесин, П.Г.Солодовников, два - с 1909 по 1917 г. (Ф.Л.Радлов и А.И.Ценкер), два - с 1910 по 1917 г. (Н.И.Гучков, К.В.Хагелин). В Учетном и Саудном банке за 10 предреволюционных лет до 1917 г. совет практически не изменился (председателем совета с 1909 г. был К.А.Варгунин, членами совета - зять Варгуниина - Н.П.Кадебчевский, А.Г.Елисейев, Г.А.Грамме, М.Н.Бенуа. Ф.Ф.Утеман, В.Э.Брант, А.И.Гучков).

В Русско-Азиатском банке в совете с 1912 по 1917 г. находились А.Н.Вентцель, Н.Б.Глазберг, Н.Л.Марков, Н.К.фон-Менк, И.Х.Озеров, М.Р.Стахович, Н.И.Прохоров (до смерти в 1916 г.) и группа французских капиталистов (Гаттингер, Дежарден, Маттарель и др.)⁵⁵⁾ В совете Русского для внешней торговли банка было шесть членов, входивших в него неизменно с 1897 по 1917 гг. (Е.Е.Картавцев, О.Ф.Дараган, Н.А.Ратьков-Рожнов, Д.А.Бенкендорф, Н.Н.Брусицын, П.С.Елисеев). М.Л.Балабанов и В.И.Тимирязев были членами совета с 1907 по 1917 гг., пять членов - с 1909 по 1917 гг. (Н.И.Вилинкин, К.Гроотен, И.И.Гамель, С.Римский-Корсаков). В Волжско-Камском банке два десятка лет до 1917 г. в совете заседали Э.Л.Нобель, С.В.Кокорев, В.П.Верховский, И.К.Поляков, А.Я.Прозоров (умер в 1916 г.), а с 1904 по 1917 г. - Д.П.Бахрушин, В.П.Брадке, В.Н.Печковский, В.А.Поклевский-Козелл и т.д. Устойчивым состав советов был и в московских банках.

В годы первой мировой войны увеличение размеров акционерного капитала банков в связи с новыми выпусками акций привело к расширению состава советов, хотя их костяк в большинстве банков сохранился без изменений.

В ряде банков (Петербургский Частный, Русский Торгово-Промышленный, Сибирский Торговый) состав советов был менее стабильным, поскольку частое изменение состава крупнейших акционеров, вело к переменам в составе советов. Член правления Сибирского Торгового банка В.В.Тарновский отмечал в своих воспоминаниях, что в 90-х гг. XIX в. в состав совета этого банка входили "наиболее влиятельные и крупные акционеры из числа уральских и сибирских магнатов". Когда же в начале 1900-х гг. "часть принадлежащих им акций перешла в новые руки... в состав совета банка начали постепенно входить новые лица"⁵⁶⁾

В 1911 г. А.Ф.Второв купил крупный пакет акций Сибирского Торгового банка и вошел в его совет. В 1913 г. в совет этого банка вошел И.П.Манус, также приобретший большое количество акций этого банка⁵⁷⁾

Особенно большие изменения в составе советов банков произошли в годы первой мировой войны вследствие перегруппировки сил в рядах финансовой олигархии. Так, в 1916 г. в Русско-Французском

банке контрольным пакетом овладели В.О.Гукасов, Я.М.Ливаз, Б.И.Каглама и др. Это привело к изменениям в совете банка. "С переходом большого пакета акций Русско-Французского банка в другие руки, большинство влияния на дела банка перешло к новым акционерам. Прежний Совет коллективно сложил свои полномочия и предложил общему собранию акционеров приступить к новым выборам членов Совета банка"⁵⁸⁾ В Петроградском Частном коммерческом банке в 1916 г. контрольным пакетом овладела группа "нуворишей" (М.С.Залшупин, Л.Б.Немировский, Е.И.Гонцкевич и др.), все они вошли в совет банка⁵⁹⁾. А председателем совета этого банка стал Д.И.Куриленко - душеприказчик умершего в 1904 г. сахарозаводчика П.И.Харитоненко и представитель его наследников. Группа "старых" крупных акционеров (Н.С.Цвылев, Б.В.Догн и др.) вышла из совета⁶⁰⁾.

В 1917 г. сахарный магнат К.И.Ярошинский, скупавший акции петроградских банков, вошел в советы Русского Торгово-Промышленного и Русского для внешней торговли банков⁶¹⁾. В этом же году в совет Международного банка вошел И.И.Стахеев, а в совет Русско-Азиатского банка - его компаньон П.И.Батолин⁶²⁾. После перехода в мае 1917 г. крупного пакета акций Соединенного банка в Москве к И.И.Стахееву существенно изменился его совет⁶³⁾.

В 1917 г. произошли изменения в совете Учетного и Ссудного банка. Овладев крупным пакетом нового выпуска акций, в его совет вошли нефтяные магнаты Т.В.Велозерский и Э.И.Шеперд⁶⁴⁾. После покупки Учетным и Ссудным банком в октябре 1917 г. банкирского дома братьев Джамгаровых, оплаченной акциями банка, И.И. и Н.И. Джамгаровы были кооптированы в совет банка⁶⁵⁾.

Устойчивость состава советов банков была относительной. Внутри советов банков шла борьба за власть и влияние. Так, в начале 1917 г. шла ожесточенная конкурентная борьба за контроль над Сибирским Торговым банком между И.П.Манусом и А.Н.Второвым. Потеряв влияние в банке И.П.Манус, хотя и сохранил свой пакет акций банка, но демонстративно вышел из его совета⁶⁶⁾.

Изучение состава богатств, капиталов членов советов банков указывает на то, что они были обладателями большого количества акций банков. Так, в июне 1908 г. П.Г.Солодовников при капитале 28,5 млн. руб. имел 1935 акций Азовско-Донского банка на 1 млн.руб., 1224 акции Международного банка на 386 тыс.руб., 640 акций Учетного и

Судного банка, 2003 акции Нижегородско-Самарского и 2000 акций Московского земельного банков⁶⁷⁾.

Наконец, весьма показательно сопоставление состава советов и акционеров, представлявших на общих собраниях наибольшее количество акций. Например, в апреле 1916 г. на общем собрании акционеров Азовско-Донского банка наибольшее количество акций представили А.И.Каменко, И.П.Манус, братья Джамгаровы, П.Я.Хесин, П.Г.Солодовников, В.В.Обогонский, П.П.Рыковский, В.Г.Винтерфельд, А.М.Попов⁶⁸⁾. Все они, кроме Попова, находились в совете банка. Среди лиц, располагавших наибольшим числом акций на общих собраниях акционеров Учетного и Судного банка постоянно фигурировали участники "Торгового дома А.И.Варгунин", Елисеевы, В.Э.Брант, Ф.Ф.Утеман - члены совета этого банка. На общем собрании акционеров Международного банка в декабре 1916 г. 70 акционеров представили 45309 акций, в т.ч. И.П.Манус - 13580, Л.И.Бродский - 12833. Эти два капиталиста, являвшиеся членами совета банка, представили свыше половины всех акций⁷⁰⁾. В.В.Тарновский отмечал, что в Сибирском Торговом банке "наиболее влиятельные и крупные акционеры, входившие в то же время в состав Совета жиди постоянно в Петербурге"⁷¹⁾. Следовательно, в советах банков находились их наиболее крупные акционеры, владельцы контрольных пакетов акций, являвшиеся одновременно монополистами в различных отраслях хозяйства, обладатели миллионов и многомиллионных личных состояний.

Таким образом, члены советов банков, как правило, олицетворяли финансовый капитал, являясь финансовыми магнатами. Перечень членов советов банков за 1890-е - 1917 гг., включающий несколько сот фамилий крупнейших капиталистов, может составить основу "Списка" членов финансовой олигархии - самых богатых людей России.

На наш взгляд, в состав финансовой олигархии России входили не только члены советов петербургских крупных банков, но и верхи московской буржуазии.

Включая в состав финансовой олигархии управляющих, некоторые историки в то же время исключают из нее семьи богатейших московских капиталистов, сколотивших на протяжении жизни нескольких поколений состояния в сотни миллионов рублей, а в начале XX в. являвшихся участниками монополистических союзов в текстильной промышленности и тесно связанных с банковскими монополиями. Так,

И.Ф.Гиндин писал в одной из своих статей: "...неправильным является включение в состав финансовой олигархии как крупных биржевиков или владельцев банкирских домов (они не патронировали в России промышленных предприятий), так и московских текстильных магнатов (их банки не были банковскими монополиями эпохи империализма)"⁷².

В другой работе И.Ф.Гиндин развил этот тезис. "Московская буржуазия, - писал он, - в начале XX в. приобрела новые черты и в этом смысле стала монополистической буржуазией, но ее перерождение в финансовую олигархию оборвалось в октябре 1917 г. на самом начальном этапе. Это относится даже к Рябушинским, а тем более к Коноваловым, Третьяковым и т.п., которых в нашей литературе безоговорочно относили к финансовой олигархии. В действительности же у московской буржуазии явственно выступали свойства до-монополистической буржуазии с характерной для России примесью старокупеческих черт"⁷³.

И.Ф.Гиндин лишь с большими оговорками относит некоторых представителей московских текстильных магнатов к монополистической буржуазии и отрицает (за исключением Второва и Рябушинского) их принадлежность к финансовой олигархии, резко противопоставляя московскую буржуазию крупной петербургской буржуазии⁷⁴.

Между тем, участие московских текстильных фабрикантов в монополистических союзах доказано⁷⁵. Доказано даже, что признавалось и И.Ф.Гиндиным, участие этих капиталистов в московских банках. Они были созданы и контролировались текстильными магнатами. И.Ф.Гиндин считает, однако, что эти банки не были банковскими монополиями⁷⁶.

Безоговорочно признавая крупные банки Петербурга банковскими монополиями, И.Ф.Гиндин прошел мимо того важнейшего факта, что крупные московские текстильные фабриканты были совладельцами этих банков и, опираясь на принадлежавшие им пакеты акций, входили в состав их советов, контролируя их деятельность, приобщаясь к их прибыли. И.Ф.Гиндин сам справедливо отмечал, что "скупка акций является и тем признаком, который показывает перерождение крупного капиталиста-промышленника до-монополистической эпохи в представителя финансовой олигархии"⁷⁷.

В совет Волжско-Камского банка в разное время входили москов-

ские капиталисты В. Морозов, И. К. Поляков (один из учредителей и пайщик "Товарищества В. Морозова"), В. Вишняков, К. Солдатенков; Международного банка - Н. П. Боткин и П. Г. Солодовников; Русско-Азиатского - П. К. Жиро и Н. И. Прохоров; Сибирского Торгового - А. Ф. Второв (позднее - Н. А. Второв); Азовско-Донского - П. Г. Солодовников; Русского для внешней торговли - Н. П. Прохоров; Учетного и Ссудного - А. И. Гучков. Гучков⁷⁸⁾ был некоторое время председателем совета в Международном банке.

Имеются факты о владении московскими капиталистами крупными пакетами акций петербургских банков. Так, В. Вишняков в феврале 1917 г. на общем собрании акционеров Русского для внешней торговли банка представил второй по величине пакет акций (3525)⁷⁹⁾. Присконыульт Рябушинских московский адвокат С. В. Шереметьевский постоянно был председателем общих собраний акционеров Международного банка⁸⁰⁾.

Наконец, можно указать и на то, что в эпоху империализма верхи московской буржуазии вкладывали капиталы не только в текстильную промышленность. Так, в состав имущества М. В. Морозовой, оцененного в 29,4 млн. руб., в паи Никольской мануфактуры вложено было менее трети (9,67 млн. руб.), а в закладные листы земельных банков свыше 2 млн., в облигации железных дорог - 5,8 млн., государственные процентные бумаги - 6,6 млн., акции банков - 0,5 млн. руб.⁸¹⁾

В состав финансовой олигархии России в начале XX в. на наш взгляд, входили и владельцы крупных банкирских домов ("И. В. Дункер и К^о", "Э. М. Мейер и К^о", "И. Е. Гинцбург и К^о", "В. М. Бродокий", "Вавельберг", "Братья Джемгаровы", "Маврикий Нелькен", "Братья Рябушинские", "Т. Лесин", "М. Ашкенази").

Часть из них возникла еще в I-й половине и в середине XIX века⁸²⁾. К началу XX в. их владельцы (Вавельберги, Мейер, А. Шварц, Джемгаровы, В. Е. Винтерфельд, Г. Е. Гинцбург, Л. Ашкенази, К. Ф. Винберг и др.) относились к числу богатейших людей России. За ними стояли богатства накопленные двумя-тремя поколениями банкиров. В начале 1900-х гг. некоторые из названных банкирских домов преобразуются владельцами в акционерную форму ("Московский банк" братьев Рябушинских, "Петроградский торговый банк" - бывший "Вавельберг", Московский Промышленный банк - бывший "И. В. Дункер", Петроградский банк - бывший "Маврикий Нелькен")⁸³⁾. Другие банкирские

дома сохраняют прежний статус. По размеру основных капиталов, характеру операций крупные банкирские дома сближались с некоторыми петербургскими и московскими акционерными банками. Эти банкирские дома участвуют в финансировании промышленности, в учредительстве различных предприятий, они участвуют в банковских картелях и входят в банковские синдикаты (консорциумы)⁸⁴. В банковских монополистических союзах они выступали как самостоятельные, хотя, естественно, и второстепенные партнеры, уступая таким гигантам, как Русско-Азиатский, Азовско-Донской или Международный банки.

При рассмотрении роли банкирских домов в монополизации банковского дела важно также учесть еще одну сторону — участие их владельцев в создании и функционировании крупных акционерных коммерческих банков, их роль в составе руководства этих банков. В одной из статей биржевого журнала справедливо отмечалось: "Всюду единоличные владельцы банкирских домов являлись соиздателями банковского дела, пионерами его, проложившими путь для коммерческих банков во всех видах... Подобно тому, как на родине банковского дела — в Италии, а затем в Англии и Франции, и у нас первыми деятелями на банковском поприще оказались владельцы банкирских домов и контор⁸⁵). Владельцы банкирских домов нередко оказывались учредителями акционерных банков⁸⁶), они являлись совладельцами пакетов акций этих банков, входили в их советы. Так, в совет Азовско-Донского банка входили И. Джамгаров и В. Винтерфельд (участник банкирского дома "И.В. Юнкер и К^о"), М.И. Джамгаров был членом совета Соединенного банка. В совет Русско-Азиатского банка входили участники дома Гиндбургов, связывавшие его с французским капиталом.

Следовательно, владельцы банкирских домов, участвовали в процессе формирования финансового капитала в России. Они олицетворяли ускорившийся процесс слияния воедино капитала банковских и промышленных монополий и включались в состав финансовой олигархии⁸⁷).

Наконец, по нашему мнению, было бы неправильно исключать из состава финансовой олигархии и крупных биржевиков⁸⁸). Из среды биржевых маклеров вышел владелец банкирского дома Г. Лесин, ставший перед первой мировой войной крупным финансовым магнатом.⁸⁹ Еще в 1869–1879 гг. маклером на Московской фондовой бирже начинал предпринимательскую деятельность И.И. Джамгаров, основавший в 1874

году банкирский дом "Бр. Дамгаровы"⁹⁰⁾. С биржевых операций начал П. Я. Хесин. Биржевая игра, спекуляция на фондовой бирже — один из важнейших источников обогащения таких капиталистов как И. П. Манус, А. Живатовский, А. и И. Абельсоны, И. Г. Гепнер, В. И. Тессен, скупивших в годы первой мировой войны большие пакеты акций банков, многих промышленных предприятий и пробившихся в ряды финансовой олигархии⁹¹⁾.

В эпоху империализма фондовая биржа все более подчинялась банковским монополиям. В совете петербургской фондовой биржи находились руководители крупнейших банков. "Банковские деятели" (например, А. И. Путилов) не брезговали участвовать в спекулятивных операциях с фондами, вместе с И. П. Манусом⁹²⁾.

"Биржевик" И. П. Манус и ему подобные, владея крупными пакетами акций петербургских банков и монополизированных промышленных предприятий, несомненно, входили в состав финансовой олигархии.

Таким образом, в состав финансовой олигархии России входили не только члены советов крупных петербургских или московских банков, но и владельцы банкирских домов, а также богатые биржевики.

Если финансовых магнатов — собственников капитала — преимущественно надо искать в советах банков, то администраторов, управляющих — в их правлениях, директоратах.

Как показал В. И. Бовыкин на материале 90-х гг. XIX в. многие руководители крупнейших банков (члены их правлений), такие как А. Ф. Ротштейн, А. Ф. Кох, Д. И. Петрокино, Л. И. Мураций представляли не что иное, как высших олукающих, "а образование верхушки капиталистических управляющих в России являлось как бы оборотной стороной зарождения российской финансовой олигархии"⁹³⁾. В 1900-х гг. этот процесс проявился более отчетливо.

Ранее в ряде петербургских банков (Частный, Учетный и Судный) советов, как особых органов не существовало. Крупные акционеры из числа учредителей непосредственно входили в правления банков. Эта отсталая форма управления банком с конца XIX века изживает себя. В уставы банков вносятся изменения, создаются советы банков. Так в мае 1908 года группа крупных акционеров Петербургского Частного банка, владевших в совокупности 18442 акциями этого банка, поставила на чрезвычайном общем собрании акционеров воп-

рос о создании совета банка и внесении соответствующих изменений в устав. В представленной собранию записке указывалось на необходимость представления совету "функции как контроля, так и института, могущего в известные моменты своими постановлениями указать правлению на желательность или нежелательность того или иного направления банка"⁹⁴⁾. В 1910 г. в банке был создан совет, и крупные акционеры из правления переходят в новый орган.

Правления становились рабочим, исполнительным органом советов банков. Их роль не была самостоятельной. В начале XX в. большинство членов и директоров правления являлись высокооплачиваемыми служащими. Их главная функция заключалась в управлении имуществом, в том, чтобы обеспечить его владельцам монопольные прибыли. Они также представляли интересы банка в подконтрольных ему предприятиях, осуществляли личную унию.

Большинство "правленцев" не имело сколько-нибудь значительных пакетов акций "своего" банка, не обладало миллионными капиталами⁹⁵⁾. Это были специалисты банковского дела, находившиеся на жалованьи банков, нередко они переходили служить из одного банка в другой⁹⁶⁾.

Директора правления при поступлении на службу в банк заключали контракты, в которых определялись сроки пребывания на посту директора и размеры окладов жалования. Наряду с окладами "правленцы" и директора получали процентное вознаграждение ("тантьемы"). В период первой мировой войны доходы правленцев достигали десятков тысяч рублей в год. Вместе с тем, эти доходы были несравненно меньше прибылей крупных акционеров банков (членов их советов), получаемых в форме дивидендов.

Вверяя "правленцам" руководство текущей работой банков, крупнейшие акционеры (в лице советов банков) представляли им относительную самостоятельность. Степень этой самостоятельности была различной. Так в Сибирском Торговом банке некоторое время определяющую роль играл А.М.Соловейчик - предводитель его правления. Однако следует учитывать, что семье Соловейчиков принадлежал крупный пакет акций этого банка. Член семьи - С.М.Соловейчик входил в совет банка⁹⁷⁾.

Аналогичное положение сложилось в Азовско-Донском банке, где председателем правления был Б.А.Каминка, а членом совета - его

двогородный брат - А.И.Климинка. Таким образом, это семейство крупных акционеров банка было представлено в двух его главных органах.

В большей степени правление лигалось самостоятельности при переходе контроля над акционерным капиталом банка к одному крупному капиталисту. Так, после покупки Н.А.Второвым "Денкер банка" и преобразовании его в Московский Промышленный банк, ему принадлежали 24 тыс. акций банка из 30 тыс. Он стал председателем совета банка и его полным хозяином. По сообщению хорошо информированной газеты, "Н.А.Второв заявил главным директорам, что дает им автономию, но потом будет строго требовать отчета... Можно заранее сказать, что гг. Коган, Каштанов и Чемберс (директора банка - Г.Р.) все-таки не будут проводить никакой собственной инициативы, а будут творить волю Н.А.Второва. Перспектива "строгого" отчета перед Н.А.Второвым, лишит гг. членов правления самостоятельности"⁹⁶).

Нередкими были случаи отстранения от работы и увольнения до окончания срока контракта неугодных заправилам банка служащих. Так в 1912 г. был отстранен от директорства в Сибирском Торговом банке Э.С.Мандль. Ему была выдана единовременная компенсация в 100 тыс. руб. за преждевременное аннулирование договора. Руководил этой операцией член совета банка Н.А.Второв⁹⁷).

Длительное пребывание в правлениях банков, получение огромных вкладов и тантьем, как в банках, так и в подконтрольных ему предприятиях, открывало для "правленцев" широкие возможности личного обогащения. Поэтому нередкими были случаи перехода "правленцев" в советы банков. Так, многолетний председатель правления Волжско-Камского банка В.Ф.Мухин в 1917 г. перешел в состав его совета. В Азовско-Донском банке из правления в совет перешли Г.И. Рубинштейн и В.А.Верт, М.А.Стахович.

Особенно большую роль в управлении банками играли председатели правлений и директора-распорядители. Это были люди достаточно беззастенчивые в охране интересов крупных акционеров, в наибольшей степени удовлетворявшие требованиям господствовавшей в том или ином банке группировки финансовых магнатов. Многие из них ранее были крупными чиновниками экономических министерств и ведомств, а их "избрание" на посты председателей правлений частных банков санкционировалось правительственными учреждениями.

Некоторые из председателей правлений и директоро-распоряди-

телей крупных банков еще до вступления на эти посты обладали собственными крупными состояниями. Так, председатель правления Учетного и Ссудного банка Я.И.Утин – сын и один из наследников богатого откупщика дореформенного времени, железнодорожный учредитель 70–80-х гг., покинувший правительственную службу в Сенате для занятия частным предпринимательством. А.И.Вышнеградский – директор – распорядитель Международного банка – бывший директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, сын и наследник министра финансов И.А.Вышнеградского, имевшего к концу жизни состояние в несколько миллионов рублей¹⁰⁰⁾. Из семьи богатого хлеботорговца происходил председатель правления Волжско-Камского банка А.Ф.Мухин¹⁰¹⁾. Наконец, братья Рафаловичи, служившие директорами в разных русских банках, были сыновьями богатого капиталиста и землевладельца Бессарабской губернии¹⁰²⁾.

Другие из председателей правлений и директора – распорядители происходили из сравнительно небогатых семей. Они обогащались и сколачивали состояние, находясь на ответственных постах в руководстве банков. Так, известно, что А.И.Путилов не имел большого наследственного имущества. Вступление на пост председателя правления Русско-Азиатского банка в 1910 г. открыло перед ним возможности быстрого обогащения. По расчетам И.Ф.Гиндина, жалование, танъемы, премии в банке и в подконтрольных ему предприятиях дали А.И.Путилову доход в 250 тыс. руб. в год¹⁰³⁾. Позднее, вместе с ростом операций и прибыли банка доходы А.И.Путилова возрастали, составив в 1917 г. около 2,5 млн. руб. По нашему подсчету, с 1910 по 1917 г. А.И.Путилов только за счет жалования, танъем в банке и подконтрольных предприятиях получил свыше 5 млн. руб. Но жалование не единственный и, возможно, не главный источник его доходов. Этот "гений финансовых проделок" использовал свое положение в банке для личного обогащения, спекулируя акциями различных предприятий. Во всяком случае, к 1917 г. у Путилова было многомиллионное состояние. Он имел и собственный крупный пакет акций Русско-Азиатского банка¹⁰⁴⁾.

И для других высших служащих банков их положение давало возможность быстрого обогащения. В.И.Ленин писал о факте перехода директора кредитной канцелярии В.Ф.Давыдова на службу в крупный банк за жалование, которое за несколько лет должно было составить

сумму свыше I млн. руб.

Огромные личные капиталы сколотили и такие директора-распорядители, как М.С.Плотников, Е.Г.Шайкевич и некоторые другие¹⁰⁵). Следовательно, не смешивая членов советов банков, как их подлинных хозяев, и "правленцев", как их служащих, все же, на наш взгляд, высших из них (председателей правлений, и, возможно, директоров-распорядителей) нужно выделить в особую группу, приближающуюся и по размерам личных состояний, и по влиянию в деловом мире к членам советов банков. В общей массе их доходов все большую роль играли дивиденды, а меньшую - жалованье в банках и подконтрольных предприятиях. Путем часто незаметных переходов верхушка высших служащих банковских монополий сливалась с финансовой олигархией, а отдельные из них входили в состав ее. На наш взгляд, полезно было бы провести специальное изучение этого вопроса.

В России, как и везде, в империалистических странах, финансовая олигархия, представляла собой узкую верхушку эксплуататорского капиталистического класса¹⁰⁶). Развитие финансового капитала привело к господству финансовой олигархии в торгово-промышленной сфере России.

Примечания:

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.27. С.344.

2. См.: Цыперович Г.В. Синдикаты и тресты в России. Пг., 1918; Ванаг Н.Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала России. М., 1921; Ронин С.Л. Иностраный капитал и русские банки. К вопросу о финансовом капитале в России. М., 1926; Гиндин И.Ф. Банки и промышленность в России до 1917 г. К вопросу о финансовом капитале в России. М.-Л., 1927; Градовский Е.Л. Монополистический капитализм в России. Л., 1929. и др.

3. См.: Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Т.П.М., 1948; Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948; Лившин Я.И. Монополии в экономике России. Экономические организации и политика монополистического капитала. М., 1961; Шемякин И.Н. О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции // Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М.,

1959; Гиндин И.А., Шепелев Л.Е. Бюрократские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции//Исторические записки.Т.66; Лаврычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России.М., 1963; Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России.М., 1967; Из истории империализма в России.М.-Л., 1959; Монополии и иностранный капитал в России.М., Л., 1962; Об особенностях империализма в России.М., 1963; Китанина Т.М. Военно-инфляционные конверты в России.М., 1969 и др.

4. См.: Меньшиков С.М. Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии в США.М., 1961; Зорин Вал. Некоронаванные короли Америки.М., 1968; Черников Г.П. Финансовая олигархия Франции.М., 1966; Цатолов Г.Н. Миллиардеры из провинции.М., 1969 и др.; Аптекер Т. Лауреаты империализма.М., 1955; Перло В. Империя финансовых магнатов.М., 1958; Кэппелл Э. Шестьдесят семейств, владеющих Австралией. М., 1964 и др. Следует отметить также работы зарубежных историков либерально-демократического направления: Лэндберг Ф. Богачи и сверхбогатые.М., 1975; Селигмен Б. Сильные мира сего. Бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976; Энгельман В. Райх распался, олигархия жива.М., 1966; Томас Д. Воротили финансового мира. М., 1976.

5. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.32.С.109.

6. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.32.С.121-122.См. также Т.23. С.268.

7. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России.М., 1967.С.289-291.

8. Маркс К., Энгельс Ф.Соч.Т.25.Ч.1.С.479.

9. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.27.С.356-357.

10. Меньшиков С.М. Современный капитализм.М., 1974.С.171-173.

11. Меньшиков С.М. Миллионеры и менеджеры.М., 1965.С.30; Бовыкин В.И. Указ.соч.С.290.

12. На данном этапе работы не ставится задачи выяснения численности, источников и путей формирования финансовой олигархии России, ее связи с политическими партиями и царизмом. Все эти интересные вопросы требуют специального изучения.

13. См.: Рабинович Г.Х. Малоизученные источники по истории буржуазии в России.(Некоторые вопросы методологии и методики исследования)//Методологические и историографические вопросы исторической

науки. Томск, 1972. Вып. 7-8. С. 192-218.

14. Сборник материалов по делу о наследстве, завещанном действительным статским советником Гавриилом Гавриловичем Солодовниковым. Вятка, 1909. С. 8-9, 95-97, 124-125.

15. Шемякин И. Н. О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции. С. 28.

16. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 2719. Л. 2, 6.

17. Там же. Ф. 142. Оп. 6. Д. 564. Л. 1, 5, 6.

18. Минарик П. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX-начала XX вв. М., 1971. С. 24.

19. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 433. Оп. 2. Д. 1645. Л. 3. Позднее состояние Бродских (наследники Лазаря Бродского и его брата Льва) значительно возросло.

20. Подробнее см.: Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX-начала XX вв. Томск, 1975. С. 140-141.

21. Российский государственный архив (РГИА). Ф. 626. Оп. 1. Д. 1085. Л. 177, 182.

22. ЦГАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

23. Там же. Д. 22. Л. 1-6.

24. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1074. Л. 148-149.

25. Тарновский В. В. История Сибирского Торгового банка (1872-1917 гг.) // Материалы по истории России периода капитализма. М., 1976. С. 158.

26. Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 44.

27. ЦГАМ. Ф. 343. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-6.

28. Шемякин И. Н. Указ. соч. С. 66.

29. См.: Ададуров И. Е. Основы кредитоспособности. Способы ее определения и проверки. Пособие для заведующих отделами кредитов в банках, торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятиях. СПб., 1914.

30. "Назначаемая каждому отдельному лицу норма кредита служит мерилем доверия, которого он заслуживает по своему имущественному положению со стороны банков". (Дмитриев-Мамонсов В. А., Евагин В. Организация и техника коммерческого банка. Пг., 1916. С. 35.

31. В. И. Ленин отмечал, что и "...ведение текущих счетов дан-

ного предприятия позволяет банку — а это так и бывает — все детальнее и полнее узнавать экономическое положение клиента. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 337).

32. ЦГАМ. Ф. 450. Оп. 8. Д. 1223 (выборка и подсчет).

33. См.: Списки лиц и фирм окредитованных в конторах и отделениях Государственного банка для предъявления к учету векселей с указанием долгов на 1-е июня 1917 г. (Библиотека РГИА).

34. Минц И. И. История Великого Октября. М., 1967. Т. 1. С. 61.

35. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 163.

36. Шепелев Л. В. Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 157.

37. Гладков И. А. Очерки советской экономики. 1917—1920. М., 1956. С. 64.

38. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 357.

39. Ронин С. Л. Иностранный капитал и русские банки. М., 1926.

40. Гиндин И. Ф. Банки и промышленность в России... С. 179.

41. Впрочем, И. Ф. Гиндин делал исключение для московских банков. Специально изу. в состав и деятельность совета Московского Купеческого банка, он отметил, что в нем главным органом был совет банка, "полностью определявший... направление его деятельности" (Гиндин И. Ф. Московские банки... С. 46, 51—52).

42. Свод законов Российской империи. Устав кредитный. СПб., 1893. Т. XI. С. 203—204.

43. Уставы столичных банков краткосрочного кредита. (Составил Н. Николаев). СПб., 1916. С. 11—12, 27—28, 42—43, 54—55, 72—73, 87—88, 102—103.

44. Там же. С. 26.

45. Там же.

46. Там же. С. 12, 28, 43, 56, 73, 88, 103.

47. Там же. С. 103.

48. Там же. С. 42. В уставах многих банков указывалось: "Члены правления и директор сверх процентного вознаграждения получают и определенное жалованье по назначению Совета".

49. Там же. С. 103.

50. Там же. С. 145. (Из устава Русско-Азиатского банка).

51. Русские банки в 1917 г. Пг. 1918. (Подсчет).

52. Составы советов петербургских банков за 1894—1916 гг. приведены в издании "Весь Петербург" (с 1914 г. — "Весь Петроград")

за соответствующие годы. Состав советов банков за 1917 г. дан в издании "Русские банки в 1917 г." (Пг., 1918). Здесь и далее все подчеты и сведения о советах банков даны по этим изданиям.

53. Об основных группах финансовой олигархии в России см.: Минц И.И. Указ.соч.С.81-89.

54. Члены советов банков широко кредитовались в своих банках. Так И.П.Манус в конце 1917 г. (к моменту национализации имел задолженность в Русско-Азиатском банке - 3,5 млн.руб., в Болжско-Камском - 6 млн.руб. Лианозов, Гукасов, Нобель имели задолженность от 6,5 до 8-10 млн.руб. в 3-5 банках (Гиндин И.Ф.; Шепелев Л.Е. Указ.соч.С.33.

55. На наш взгляд, доля иностранных подданных в совете того или иного банка прямо указывает на степень влияния иностранного капитала в банке. Так в Русско-Азиатском банке в 1916 г. из 15 членов совета, 6 были французскими капиталистами, а в 1917 г. из 22 - 9. Это еще одно подтверждение большого влияния французского капитала в этом банке.

56. Тарновский В.В. Указ.соч.С.138.

57. Тарновский В.В. Указ.соч.С.139.

58. Биржа.1916.

59. Дякин В.С.Германские капиталы в России.Л.,1971.С.232-233.

60. Русские банки в 1916 г.Пг.,1918.С.52; ЦГАМ.Ф.450.Оп.8. Д.105.Л.150; Биржа.1917.№ 1-2.С.17.

61. Биржа.1916.№ 18-19.С.10;1917.№ 14.С.4.

62. Тарновский В.В. Указ.соч.С.163; Биржа.1917.№ 9-10.С.1.

63. Китанина Т.М. Указ.соч.С.145.

64. Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е.Указ.соч.С.38.

65. Биржа.1917.№ 24.

66. Коммерческий телеграф.1916.6 июля. В.И.Бовыкин и К.Ф.Шаццлло справедливо отмечали, что "... в советах крупнейших банков находились обычно представители других, иногда даже конкурирующих финансовых групп" (Бовыкин В.И., Шаццлло К.Ф. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны//Вестник Московского ун-та.1962.№ 1.С.58).

67. Сборник материалов по делу о наследстве, завещанном действительным статским советником Гавриилем Гавриловичем Солодовниковым. Вятка,1909.С.95-97,120,124-125.

68. Биржа.1916.№ 12-13.С.18.

69. Там же. 1916. № 39-40. С. 9; 1917. № 24.

70. Финансовая газета. 1917. 15 янв.

71. Тарновский В. В. Указ. соч. С. 136.

72. Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 3. С. 43.

73. Гиндин И. Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в. // История СССР. 1966. № 3. С. 48.

74. В другой работе И. Ф. Гиндин называет еще финансово-монополистические группы Вогтау и Кноппа (Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 347).

75. См.: Лаврышев В. Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности. М., 1963; Лившин Я. И. Монополии в экономике России. М., 1961.

76. См.: Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма // Исторические записки. М., 1956. Т. 58. С. 39-39. "...Эти банки и в период империализма оставались типичными банками домонополистического периода." (Гиндин И. Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры... С. 61).

77. Гиндин И. Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры... С. 63.

78. А. И. Гучков был членом совета Московского Учетного банка и Московского Частного банка; Н. И. Гучков был председателем совета Московского Частного банка. Их отец, еще при жизни передал большую часть своих капиталов сыновьям. Гучковы демонстрируют своеобразный путь превращения промышленных капиталистов домонополистической эпохи в финансовых магнатов империализма. Еще в 1896 г. они закрыли свою известную текстильную фабрику, а затем, в 1911 г., по словам П. И. Шукина, "свое дело совсем прикончили", вкладывая освободившиеся капиталы в акции банков и промышленных предприятий. (Воспоминания П. И. Шукина // Шукинский сборник. М., 1912. Вып. 10. Ч. 3. С. 380). И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев справедливо отмечали, что в нашей литературе "недооценивался... такой представитель московского крупного капитала и лидер русской империалистической буржуазии, как А. И. Гучков. Между тем братья А. И. и Н. И. Гучковы фигурируют в годы войны в правлениях ряда московских банков и даже обзавелись "собственным" банком - Московским Учетным" (Указ. соч. С. 34).

79. Биржа. 1917. № 3-4. С. 18.

80. Биржа. 1914. № 1. С. 13; 1916. № 3. С. 12. ЦГАМ. Ф. 142. Оп. 6.

Д.564.Л.1. Вызывает возражение вывод о том, что "ни Рябушкиные, ни Второв не проникли в петербургские банковские монополии" (И.Ф. Гиндин, Л.Е.Шепелев. Указ.соч.С.34).

81. ЦГАМ.Ф.450.Оп.1.Д.29.Л.1-6.

82. Шустов А.С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию абилею столицы. Иллюстрированный альбом.СПб.,1903.С.20-21.

83. См.: Шепелев Л.Е. Акционерное учредительство в России. (Историко-статистический очерк)//Из истории империализма в России. М.-Л.,1959.С.174-177.

84. См. наприм.: Циперович Г. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР.Л.,1927.С.152; Шемякин И.Н. Указ.соч.. С.37-38; Бовыкин В.И. Указ.соч.С.274-275.

85. Биржа за неделю.1915.№ 48.С.6.

86. Первые русские акционерные банки учреждаются учредителями-профессионалами или при их содействии. Всюду в списках учредителей попадают петроградские банкирские дома - "Э.М.Мейер и К^о", "И.Е.Гинцбург", "Винекен и К^о", Леон Розенталь, Н.Я.Оболонский, варшавские банкиры Леопольд Кроненберг, Олий Вертгейм, С.Френкель, рижские - Гейман и Циммерман, торговые дома - бр. Елисеевых и С. Гвейер, "Воган и К^о", Стукен и Шпис - в Москве... Большое значение имела наличность уже на местах в провинции небольшого числа банкирских домов. Они принимали нередко активное участие в учреждении местных банков" (Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России.Т.1.Пг.,1917.С.183.)

87. В Англии и ныне сохраняются и играют важную роль в системе финансового капитала банкирские дома Барингов, Лазаров, Варбурггов. По словам советского исследователя В.Н.Шенаева: "Банкирские дома в настоящее время часто являются штаб-квартирами финансовой олигархии ФРГ, связывают последнюю с иностранным капиталом" (Шенаев В.Н. Банки и кредит в системе финансового капитала ФРГ. М., 1967.С.24.)

88. В.И.Ленин критиковал Е.Агада, делившего капиталы на помещенные "продуктивно" - в промышленность и торговлю и "спекулятивно" - в биржевые и финансовые операции и считавшего, что можно "отделить первый вид помещения от второго и устранить второй вид" (Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.27.С.348.)

89. См.: Лесин Г.//Русский торгово-промышленный мир.Б.м.,б.г.

90. Гиндин И.Ф. Банки и промышленность в России до 1917 г. С.178.

91. Один из организаторов концерна Гессена-Демкина Б.И. Гессен, "недавно еще обыкновенный агент одного строительного общества... нажился на игре с одной бумагой" (Биржа за неделю. 1915. № 50. С. 8).

92. В.И. Ленин писал о Манусе: "Биржевый делец Манус, разбогатевший на бирже, награвивший состояние "в несколько миллионов" ... при участии гг. Меньшиковых и т.д., ведет кампанию в "Новом времени" за удаление министра Коковцева" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 7). Прав был И.Н. Шемякин, который считал Мануса членом финансовой олигархии, хотя признавал, что это "грубая, одиозная фигура" (Шемякин И.Н. Указ. соч. С. 35).

93. Бовыкин В.И. Указ. соч. С. 291. Следует подчеркнуть, что процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции шел также в промышленных и транспортных монополизированных предприятиях. В крупнейших из них - Товариществе "Братья Нобель", Товариществе Проводник, в синдикатах "Продуголь", "Продамет", РОПИТ, общества Московско-Казанской железной дороги и т.д. возникли советы в которых находились собственники капитала, подлинные хозяева, и правления - состоящие преимущественно из высших служащих монополий. Советы стали создаваться и в "семейных" предприятиях московских текстильных магнатов. Так, 2 октября 1917 г. по измененному уставу Товарищества Викулы Морозова и с-я в этом предприятии был учрежден совет в составе И.Ф. Морозова (председатель), И.К. Колыкова, И.И. Ануфриева - главных владельцев паев товарищества и правления в которое вошли служащие (ЦГАМ. Ф. 450. Оп. 8. Д. 35. Л. 40).

94. Петроградский частный коммерческий банк за пятидесятилетие его существования. 1864-1914 гг. Пг., 1914. С. 16.

95. Хорошо знавший положение в "деловом мире" И.П. Манус писал, что в России имелись "некоторые уже состарившиеся на службе ограбления российских акционеров директора правления, не имеющие ни гроша в предприятии", люди, "не имеющие ни одной копейки в акционерном обществе". (Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени. СПб., 1905. С. 20, 25).

96. Типичен путь директора Русско-Азиатского банка В.З. Иванова. Он в 1898 г. 18 лет от роду поступил на службу в банкирскую контору братьев Джамгаровых в Москве. Прослужив до 1910 г., он затем руководил созданием отделения этого банкирского дома в Петербурге. Обратив на себя внимание "финансовых кругов" Петербурга, он в 1912

году занял место первого вице-председателя в правлении Русско-Азиатского банка, а в 1913 г. был назначен директором правления. (Торгово-промышленный мир России. Пг., 1915. Отдел П.С. 16). Д.И. Дормалатов с поста управляющего конторой Государственного банка в Харькове в 1897 г. перешел на более высокооплачиваемое место члена правления Азовско-Донского банка, которое занимал 18 лет. (Биржа за неделю. 1915. № 36-37. С.9).

97. После смерти А.М. Соловейчика на общем собрании акционеров 30 марта 1916 г. самый крупный пакет акций был представлен "опекой над имуществом" М.А. Соловейчика (1982 акции). (Биржа. 1916. № 9.).

98. Коммерческий телеграф. 1916. 14 окт.; Биржа. 1916. № 31-32. С. 13-14.

99. Тарновский В.В. Указ. соч. С. 146. В.В. Тарновский вспоминал: "По соглашению Соловейчика с Груббе и некоторыми наиболее влиятельными членами Совета было решено не выдвигать кандидатуры Мандля для переизбрания на новый срок, а на открывшуюся вакансию члена правления выбрать более приемлимое и желательное лицо". (Там же. С. 145-146).

100. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. П. С. 361.

101. А.Ф. Мухин, родившийся в 1848 г., после окончания Петербургского Коммерческого училища 5 лет находился на службе в банкирских домах Лондона, изучал банковское дело. Вернувшись в Россию, он обратил на себя внимание крупнейшего капиталиста В.А. Кокорева и был приглашен им для организации Волжско-Камского банка. В 1870 г. он занял в банке должность главного кассира, с 1879 г. стал членом правления, в 1881-1917 гг. занимал пост председателя правления, а затем перешел в совет банка. (Афанасьев Н.И. Альбом биографий... СПб., 1909. Т. I. С. 184).

102. Слиозберг И. Русские биржевые дивидендные бумаги. СПб., 1896. С. 143. Член правления и директор Русского для внешней торговли банка Арт. Ф. Рафалович, умерший в 1915 г., оставил в наследство в 1425 тыс. руб. (РТИА. Ф. 1364. Оп. II. Д. 1816. Л. 6).

103. Гиндин И. Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник // Малоизвестные источники по истории СССР XIX-XX вв. М., 1964. С. 98-99.

104. Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 37; РТИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 140. Л. 3-8, 26. II.

Юб. Торгово-промышленный мир России. Пг., 1916. ч. 2. Отдел П. С. 21.

Юб. В состав финансовой олигархии входило немало представителей обуржуазившейся знати, дворянской аристократии (граф А. Бобринский, князь В. Н. Тенишев, В. А. Поклевский-Козелл, В. Я. Ратков-Рожнов, А. Половцев и др.). Вместе с тем, верхушка русской буржуазии, вошедшая в состав финансовой олигархии, в значительной своей части одворянилась. Так, Полежаевы получили дворянство в 1869 г., Терещенко - в 1872 г., Мекк - в 1873 г., Кноп - в 1879 г., Коншины - в 1883 г., Л. Утин - в 1886 г., Харитоненко - в 1901 г., Крестовниковы, Елисеевы, Прохоров - в 1910 г., Манус - в 1912 г. и т. д. (См.: напр., Луковский В., Тройницкий С. Списки лицам, вошедшим высочайше пожалованным дипломами и гербами на дворянское достоинство Всероссийской империи и царства Польского. СПб., 1911).

Зиновьев В. П.

ВИННЫЕ ОТКУПА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVIII В. - 1863 ГГ.)

Винокурение и винная продажа являлись "самой древней российской регалией", т. е. предметом монопольного права центральной власти с самого начала производства и продажи питей на Руси. Есть сведения, что в XVII столетии в Европейской России применялась откупная система, и что к 80-м годам этого века она была заменена казенным управлением¹⁾. О применении в это время откупной системы в Сибири сведений не сохранилось, но известно, что во второй половине XVII века была устроена сеть казенных и первые частные винокуренные заводы²⁾. Для продажи вина во всех сибирских городах были устроены кружечные дворы, т. е. кабаки, и торговля помимо этих заведений запрещалась под страхом ссылки или смертной казни. Лица, заведывавшие питейными заведениями назывались головами и целовальниками. Они поступали под непосредственное подчинение воевод. Сибирские заводы были маломощны и основное количество вина подражалось в Европейской России, обычно из Московской губернии. Кружечные дворы находились только в городах, основное же население Сибири жило в деревнях и селах, поэтому там процветало корчемство, курение вина в "каштаках", несмотря на запреты. Петр I в наказе от 7 ноября 1718 г. велел в Енисейске, Иркутске, на Красном яре, Нерчинске и Томске "построить двор и приставить людей добрых и умеющих вино курить на кабацкие расходы, а построенные по слободам и деревням

со всякой жесточью искоренять". Далее в наказе объяснялась причина устройства казенных дворов в Сибири: "В русских городах хлебу нынче недород, да и вина подрядные московские в дальнем провозе провозагые переменяют и воровски подмешивают, и до Енисейска приходят не в полной мере и поздно"³⁾. Мерой против корчемства было также установление продажных цен в Сибири на простое ведро по 40 алтын на ведро, а на двойное с анисом по 2 рубля 4 гривны, для того, чтобы снижением цен на вино по кружечным дворам подорвать тайную торговлю вином купцами. В начале XVIII века потребность в спиртных напитках в Сибири увеличилась из-за роста населения и казенного вина стало не хватать. В 1714 г. указом Петра I в Сибири разрешалось курить вино людям всяких чинов свободно "с объявлением об этом начальству и в заклеянной посуде, полагая обору со всякого ведра по полуполтине в год". До 1764 г. по всей Сибири существовала продажа на "вере", т.е. вино продавалось от казны через так называемых, "верных сборщиков". Известно также, что в 50-х годах часть округов сибирских губерний сдавалась на откуп. В 50-х годах иркутский откуп держал генерал-прокурор А.Глебов, богатейший помещик и винокур, он и построил самый крупный завод того времени знаменитый впоследствии как Александровский централ близ Иркутска в 1757 г. В это же время был откупщиком в Сибири и М.М.Походяшин, один из самых состоятельных людей России того времени, владелец медеплавильных заводов на Урале. О нем есть у Карновича Е.Я.: "Походяшин Максим Михайлович завел 5 винокурных заводов в Томени, Екатеринбурге, Ирбите и около Тегильского завода, с 1752 по 1756 год он держал верхотурский откуп с купцом Власьевским и был винным откупщиком в Сибири до конца 70-х годов"⁵⁾. Наряду с М.М. Походяшиным и А.Власьевским крупным откупщиком в Сибири был граф П.И.Шувалов, за которым числились в 1863 г. 5 винокурных заводов. Вероятно это были заводы М.М.Походяшина, временно перешедшие к П.И. Шувалову вместе с откупом. В 1870-1880 гг. ишимский и тарский откупа держали с компаньонами Яковлевым и Ф.Журавлевым московские предприниматели И.Г. и И.И.Савельевы⁶⁾. Первые сибирские откупщики не были удачливы. Их деньги, вложенные в сибирские горные заводы, пропали зря (Савельев И.Г., Власьевский А., Патков). Больше оправдали себя в этом отношении уральские горные заводы.

Существование различных систем взимания питейного дохода не было выгодно казне, это увеличивало расходы, создавало путаницу в

отчетах, затрудняло контроль и не приносило должного эффекта. В 1764 г. комиссия Фермора сделала попытку упорядочить систему взимания налога. Она признала наиболее выгодным для казны способом - откупа. В Российской империи была широко распространена практика сдавать в откуп продажу предметов широкого потребления и сбор пограничных пошлин. Из всех видов косвенного налога наибольший доход приносили винные откупа⁷⁾.

В 1767 г. винные откупа были введены в Сибири, но только для двух губерний Тобольской и Томской, в Иркутской губернии, за неимением желающих взять ее на откуп, до 1799 г. существовала продажа "на вере". Как уже говорилось выше, М.М.Походяшин был в это время откупщиком в Сибири, а также поставщиком вина. На этой почве он столкнулся с царской администрацией, которая находила, что вино Походяшина слишком дорого.

Комиссия, расследовавшая в 1774 г. этот конфликт, пришла к выводу, что заведение казенных винокуренных заводов в Сибири является необходимостью, "ибо сим способом прекратятся все обыкновенно происходящие затруднения при подряде вина в ту губернию"⁸⁾. К этому времени относится переход всех частных винокуренных заводов к казне. В 1791 г. к казне перешел и Успенский завод Походяшина близ Томени.

Хотя царская казна и откупщики были партнерами по сбору питейной дани, министерство финансов тщательно следило за откупщиками и пыталось по возможности урезать их долю. Чрезмерное увеличение питейного налога оказывалось недоимками по прямому обложению населения. Правительство было заинтересовано в откупной системе только потому, что министерство финансов не могло само собирать питейный налог из-за крайней продажности и взяточничества среди царской администрации и оно боролось с корчемством и тайной торговлей вином. Откупщикам были даны большие права и привилегии. Они приравнивались к дворянскому сословию и носили шпаги, имели право на обыск любой квартиры в дневное время для розыска корчемного вина, любое вино, некупленное у откупщика данного округа, считалось корчемным и даже дворянам это грозило тюрьмой и ссылкой. Все это говорит о том, что правительство придавало огромное значение питейному доходу, который составлял во второй половине XVIII века от 20 до 29% государственного бюджета и при этом его доля постоянно возрастала⁹⁾. Росли и злоупотребления откупщиков, правительство все

более и более упускало контроль над этой важной статьей государственных доходов в руки откупщиков, они получали все большие права и большие прибыли. "... в то время как в 1765 г. из каждых 100 рублей, потраченных населением на вино, в распоряжение казны поступало не менее 80 рублей, к 1775 г. из тех же ста рублей поступало уже около 72 рублей, а к концу царствования Екатерины II уже всего около 56 рублей"¹⁰), - пишет об этом Н.Д.Чечулин, основываясь на анализе чистого и валового дохода казны от питей. В начале XIX века злоупотребления откупщиков стали носить такой характер, что правительство пошло на замену откупной системы для Европейской России государственной монополией на период с 1819 по 1827 гг.

Для Сибири откупная система оставалась неизменной: с 1799 по 1807 гг. Тобольская, Томская и часть Иркутской губернии были сданы на откуп, а с 1807 по 1811 год Иркутская губерния была сдана в откуп на "сидельческом праве", т.е. взявшие ее обязаны были распродать назначенную пропорцию вина, внося плату в казну по продажной цене, а сами получали доход от перевозки вина и продажи пива и меда¹¹). С 1811 по 1847 год откупа в Сибири сдавались на неизменных правилах: Томская и Тобольская - по округам и уездам, Иркутская - целиком. Торги проходили через каждые четыре года на общих для Восточной Сибири правилах. Назначенную на торгах откупную сумму откупщик выплачивал ежемесячно, по количеству проданного вина. Выплата денег в казну обеспечивалась залогом в одну десятую от величины откупной суммы, но задолжавший откупщик отвечал прежде всего имуществом, а затем залогом. Откупщики получали вино с казенных и частных винокуренных заводов, а также с собственных заводов (в 1843 г. винокурение на них было запрещено). Казна обязывалась поставлять определенную пропорцию вина, в случае невыполнения вятых ей обязательств, откупная сумма уменьшалась. Для контроля над откупщиками, питей поступали в питейные дома не прямо с заводов, а через государственные винные магазины, помимо которых откуп вина запрещался. Откупщик содержал аппарат поверенных во главе с управляющим откупом. Поверенные надзирали за производством вина на заводах, за перевозкой питей, за хранением его на складах и казенных магазинах. Поверенные различных рангов образовывали систему контроля над сидельцами, боролись с корчемством. На последней ступени управления откупными находились сидельцы - кабатчики, непосредственно продающие вино потребителю. Особо до-

верным лицом был главный контролер, следивший за работоспособностью всего откупа.

Все доходы от продажи вина, за вычетом заготовительной цены и откупной суммы, получал откупщик - лицо, взявшее в откуп ту или иную местность. Е.С.Козловский в своей статье "Винные откупа и их место в первоначальном накоплении капитала в России" выделяет два условия получения откупщиками сверхприбыли: 1) получение в откуп округов с высоким потреблением вина (например, для Европейской России - Московский и Санкт-Петербургский, для Сибири - районы золотых приисков), что дает возможность продавать вино сверх пропорции, за которое не платилась откупная сумма; 2) получение на торгах откупов за низкую откупную сумму¹²⁾. Он же делит доходы откупщиков на легальные и нелегальные. Если первые поддаются учету, хотя и приблизительно, то вторые определить абсолютно невозможно.

К легальным доходам откупщиков следует отнести разницу между ценой на вино для потребителя и его ценой для откупщиков. Первая складывалась из заготовительной цены на вино, откупной суммы и прибыли откупщика. Вторая - из заготовительной цены и откупной суммы. Заготовительные цены на вино в Сибири колебались от 60 коп. до 1 руб. 40 коп. за ведро в зависимости от цен на хлеб, технологии производства на заводах и стоимости рабочей силы. В первой половине XIX в. сибирские откупа обеспечивались вином в основном за счет трех казенных заводов: Успенского, Екатерининского, Александровского, первый находился близ города Тюмени, второй - в Тарком округе Тобольской губернии, третий - близ Иркутска. Стоимость производства ведра полушара на этих заводах была такова: Успенский (от 40 коп. сер. (1858 г.) до 79 3/4 коп. сер. (1861 г.); Екатерининский - от 43 коп. сер. (1858 г.) до 97 7/16 коп. сер. (1861 г.); Александровский - от 65 коп. сер. (1858 г.) до 1 руб. 20 коп. сер. (1861-1863 гг.)¹³⁾. В 1840-е - начале 1850-х гг. заготовительная цена колебалась в пределах 60-80 коп. сер. на всех заводах. Заготовительная цена в этот период была равна стоимости производства вина на казенных заводах плюс вознаграждение винокурам (контрагентам) по 15-25 коп. сер. с выкуренного ведра вина.

Второй основной частью продажной цены являлась откупная сумма на каждое проданное ведро вина. Ее величина постоянно возрастала. Если в десятилетие с 1827 по 1838 гг. она была равна

от 1 руб. 30 коп. до 2 руб., то с 1830 г. по 1846 г. она равнялась от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп. на ведро вина¹⁴⁾. В то же время продажные цены на ведро полугара (в кол. серебром) существовали та-кие:

	1827-1842 гг.	1843-1846 гг.
Западная Сибирь	228 4/7	300
Енисейская губерния	247 1/4	350
Иркутская губерния	285 5/7	350

Если сумму заготовительной цены и откупной суммы на ведро вина сопоставить с продажной ценой вина, то в период с 1827 по 1834 гг. соотношение будет примерно таким - 1 руб. 80 коп. - 2 руб. сер. к 2 руб. 28 4/7 коп. сер. для Западной Сибири, и 2 руб. 50 коп. к 2 руб. 90 коп. для Восточной Сибири. Можно заметить, что прибыль откупщи-ков с ведра вина в этот период колеблется от 50 коп. до 1 руб. на ведро, в зависимости от места и времени откупа. В четырехлетие с 1835 по 1838 гг. прибыль откупщиков от этой статьи дохода сводится к минимуму. А с 1839 по 1846 гг. они сами вынуждены были выплачи-вать государству от 1 до 2 руб. сер. с ведра, поскольку продажные цены иногда оказывались ниже откупной суммы.

Вторым источником дохода откупщиков являлась продажа вина сверх установленной пропорции по вольным ценам, при этом вся раз-ница между заготовительной ценой и ценой на вино для потребителя поступала откупщикам, так как за это вино не выплачивалась откуп-ная сумма. В Сибири же продажа вина сверх установленной пропорции была обычной. Это будет ясно при сопоставлении данных об обяза-тельной пропорции вина, назначенного к выбору из казны и данных о количестве вина выбираемого из казны:¹⁶⁾

Таблица I.

Выбор вина из казны откупщиками Сибири в 1827-1846 гг.

Годы	Получено к выбору (в ведрах)	Выбрано (ведер)	Перебор (в ведрах)
1827-30-е	2264000	2544979	280979
1831-1834	2264000	3379840	1115840
1835-1838	2718000	4028009	1310009
1839-1842	2778000	3836894	1058894
1843-1846	2922000	4206312	1284312
Итого:	12946000	17996034	5050034

Таким образом за эти двадцать лет было выбрано сверх пропорции свыше 5 млн. ведер. Несложные подсчеты показывают, что это принесло откупщикам около 11 млн. рублей чистой прибыли и с лихвой перекрыло убытки от продажи обязательной пропорции вина.

Предыдущие выводы основывались на ценах полугарного вина, но ведь откупщики имели право переводить простое вино в наливки и настойки, тем самым повышая цену на вино и получая большую прибыль. Откупщики затрачивали незначительные суммы на приготовление улучшенных сортов питей, выручая на этом огромные барыши, так как настойки и наливки разрешалось продавать на 50-80 коп. сер. дороже обычного вина¹⁷⁾. Прибыли откупщиков от этой статьи дохода не поддаются учету, поскольку неизвестно, какое число питей было переведено в наливки и настойки.

К легальным доходам откупщиков относятся также сборы за право продажи холодных закусок в кабаках, прибыль от продажи пива и меда собственного приготовления, акцизы с питейных заведений.

Незаконные доходы откупщиков не менее разнообразны и значительны. К ним относятся прежде всего произвольное повышение цен на вино и настойки. "...откупщики, по невозможности собирать акцизно-откупную сумму с назначенных в положении статей, обращают недовыручку ее на цену вина и продают оное под названием водок по вольным ценам, простиравшимися от 5 до 10 рублей за ведро", - читаем в "Сведениях..."¹⁸⁾. Немалый доход приносило разбавление вина водой, произвольное увеличение акцизных сборов с трактиров и ресторанов, штрафы с сидельцев за порчу вина и за разного рода беспорядки, злоупотребления по борьбе с корчемщиками. Об этом хорошо сказано авторами "Сведений..." при перечислении обязанностей управляющего откупом: "Впрочем при нынешнем положении откупов трудно исчислить все обязанности управляющего, требующие большой изворотливости. Так например: управляющий всегда сумеет найти случай или повод, возбуждающий подозрение в корчемстве и сочинить подсыл к трактирщику, погребщику, пивоваренному или водочному заводчикам и даже в частный обывательский дом, и, не доводя дело до дальнейших формальностей, окончить мировую сделкою, т.е. содрать (техническое выражение) денег столько, сколько возможно, в противном случае, передать дело судебному рассмотрению, которое все, кроме откупщиков, считает нашествием хуже моровой язвы; обобрать сидельца (винооторговца) до нитки; под предлогом причиненных откупу неизвест-

ных злоупотреблений, не считая за грех; отыскать корчемное вино в бабьих холостах случается сплошь и рядом; словом, для управляющего нет определенного плана действий, но есть определенная цель — больше прихода из каких бы то ни было источников, и меньше расхода "что бы люди не пили, лишь бы платили"¹⁹⁾. В обязанности управляющего откупом входил также подкуп всех чиновников, имеющих возможность повредить откупному делу, т.е. вскрыть злоупотребления откупщика и его поверенных. Это делалось "посредством денег, напитков, обедов и вечеров"²⁰⁾. Учитывая то, что простое полугарное вино продавалось иногда не по государственным ценам, а "по 8 и даже по 10 рублей за ведро"²¹⁾, надо полагать, что и продажа обязательной пропорции вина не приносила откупщикам больших убытков. К тому же в период с 1827 по 1834 гг. была выгодна продажа такого вина по государственным ценам, она приносила чистой прибыли не менее 250 тыс. рублей сер. ежегодно, что составляет за 8 лет более 2 млн. рублей сер. В последующие годы повышение откупной суммы (в руб. сер.) показывает на обострение в России конкуренции на торгах;²²⁾

1827-30-е гг. 1831-1834 гг. 1835-1838 гг. 1839-1842 гг. 1843-1846 гг.

2866000

3762600

5870000

8662000

10074000

Такими гигантскими темпами растет откупная сумма, толкая откупщиков к изысканию новых доходов для ее уплаты и получения прибыли, так как о продаже полугарного вина по ценам министерства финансов ее невозможно было получить. Это обстоятельство и приводит ко все увеличивающимся злоупотреблениям откупщиков.

К одним из наиболее мрачных сторон деятельности откупщиков относится спаивание коренных народностей Сибири, ради скупки за бесценок пушнины, и торговля вином на золотых приисках. По уставу 1822 г. ввоз в улусы инородческие вина для продажи строжайше был запрещен, вина могли покупаться и потребляться только в местах откупной продажи. Но это постановление не соблюдалось из-за массовых случаев его нарушения и крайней коррупции среди местного чиновничества. Министерство внутренних дел констатировало, что "в Березовском, Сургутском и Нарымском крае происходят от сего зло-

употребления и притеснения с одной стороны и разорения с другой²³⁾.
Винным откупщикам можно с полным правом предъявить обвинение как
одним из виновников вымирания коренных народностей Сибири в первой
половине XIX века.

Еще более грабительский характер принимало спаивание рабочих
золотых приисков, возвращавшихся домой, не смотря на попытки мес-
тной администрации предотвратить это²⁴⁾.

Общую прибыль откупщиков в период с 1827 по 1846 гг. включи-
тельно можно представить в виде 13-15 млн. рублей сер. Конечно, эти
цифры не совсем верны, так как доходы откупщиков вычислить труд-
но, даже приблизительно.

С 1847 г. для великороссийских и сибирских губерний была введе-
на система акцизно-откупного комиссионерства - модернизированный
вариант откупной системы. Сущность ее заключалась в том, что заго-
товленное казной вино отпущалось по определенной министерством фи-
нансов цене содержателю откупа, который, как и ранее, получал мо-
нопольное право продажи вина в пределах откупной территории. Кроме
того откупщик обязывался выплачивать в казну акцизно-откупную сум-
му назначенную на торгах. По сути дела государство продавало вино
откупщикам, обеспечивая себе еще до продажи его потребителю устой-
чивый доход. Акцизно-откупная система являлась платой казне за мо-
нопольную продажу вина. Отношения казны и откупщиков строились уже
на некоторых элементах коммерческого расчета, в соответствии с вре-
менем. Откупщик получал право на сбор акциза с частных заводов,
производящих любые сорта питей, с ренсковых погребов, портерных ла-
вок и трактирных заведений²⁵⁾. Размер акциза определялся по обо-
юдному согласию договаривающихся сторон, что открывало перед от-
купщиками простор для злоупотребления своим правом. Откупщикам так-
же дозволялось производить и продавать водки различных сортов в
любой местности при согласии администрации²⁶⁾, которую легко мо-
жно было подкупить, так что это ограничение не оставляло труд-
ностей для содержателей откупов. Лица, взявшие откуп, назывались
акцизно-откупными комиссионерами и получали комиссионерские вознагра-
ждения: "В Тобольской и Томской назначено 15%, в Енисейской -
20%, а в Иркутской с Якутской областью 20% и 25%, потому что с
обширности Сибирского края и отдаленности его создается несхо-
димость употреблять на содержание откупов более расходов, чем в
Великороссийских губерниях²⁷⁾". Таким образом государство попыта-

лось фиксировать доходы откупщиков, строить отношения с ними на коммерческом расчете, носящем более буржуазный характер, чем на отношениях средневековой ренталии. Но как видно будет дальше, откупщики не довольствовались разрешенными комиссионными процентами и произвольно увеличивали их. Обязательная к выбору пропорция государственного вина была увеличена по сравнению с предыдущим четырехлетием почти вдвое, что не давало возможности откупщикам получать доход от продажи вина сверх пропорции. Если в 1843-1846 гг. она равнялась 730500 ведер ежегодно, то в 1847-1850 гг. она была равна 1364970 ведер ежегодно²⁸⁾. С этого времени стал обычным даже недобор вина из казны, министерство финансов лишило откупщиков одной из наиболее важных статей дохода. Это наглядно показывает данные "Сведений..."²⁹⁾

Таблица 2.

Выбор вина из казны откупщиками Сибири в 1847-1859 гг.

Годы	Количество ведер вина	
	назначено к выбору	выбрано из казны
1847	1364970	1373414
1848	1364970	1410629
1849	1364970	1346115
1850	1364970	1361265
1851	1100000	967457
1852	1100000	1222151
1853	1100000	1084503
1854	1100000	1081451
1855	1150000	1130508
1856	1150000	1106833
1857	1124500	1114986
1858	1124500	1282872
1859	1615000	1425843

Наиболее убыточным для откупщиков явилось первое четырехлетие существования акцизно-откупной системы. Обязательная пропорция была слишком велика, а цены на полугар слишком низкими, чтобы откупщики смогли заплатить откупную сумму. Задолженность откупщиков за эти четыре года составила более 1250 тыс. руб. сер.³⁰⁾ В следующее четырехлетие обязательная к выбору пропорция вина была снижена, а цены

(в сер. руб.) на вино повышены:

местность	1847-1850 гг.	1851-1858 гг.
Западная Сибирь	3	4,25
Енисейская губ.	4,5	5
Иркутская губ.	3,5	5

В следующие восемь лет за откупщиками Сибири недоимки не наблюдались.

По этим колебаниям можно заметить попытки министерства финансов найти оптимальный вариант, позволяющий получать сполна питейный налог, с одной стороны, и стремление откупщиков получить более приемлимые условия откупа, с другой стороны. И казна, и откупщики стремятся получить как можно большую долю прибыли. При этом правительство вслещески урезает легальные доходы откупщиков, те же, в свою очередь, всемерно расширяют нелегальные, применяя подкуп царской администрации вплоть до высших чиновников Сената и министерства финансов. От этой борьбы проигрывало только население Российской империи, выплачивавшее все больший питейный налог. О росте его в первой половине XIX в. может дать представление следующая таблица³²⁾.

Таблица 3.

Доход казны от продажи вина в России и Сибири в 1819-1863 гг. (руб. серебром).

Годы	Сибирь	Российская империя
1819-1822	3172357	95600000
1823-1826	4220096	92936000
1827-1830	3042398	96042000
1831-1834	3520965	108352000
1835-1838	5974886	142412000
1839-1842	8517066	155478000
1843-1846	9000551	193051000
1847-1850	13201918	203638000
1851-1854	14265437	277304000
1855-1858	15350395	301065000
1859-1863	29039000	503524000
Итого:	109236069	2170802000

Доля питейного налога в бюджете России непрерывно возрастала и в период 1857-1861 гг. составляла 39,2% бюджета в среднем³³⁾. Рос-

сийский бюджет всегда называли пьяным бюджетом, в 1862 г. доля питейного налога в бюджете страны составила 43%. Из таблицы видно, что в России питейный налог вырос за 45 лет в 5,5 раз, а в Сибири — не менее чем в 9 раз. Такой высокий рост питейного дохода в Сибири объясняется более высокими темпами прироста населения, и высоким потреблением вина в районах золотых приисков, где оно было на 60% выше, чем по всей остальной империи и в три раза выше, чем по другим районам Сибири. Об этом может дать наглядное представление следующая таблица, взятая из "Сведений по питейным оборотам в России"³⁴⁾.

Таблица 4.

Потребление вина в Сибири в 1859 г.

Губернии	Число жителей (в тыс.)	Вино выбранное из казны (в тыс.ведер)	На душу (в ведрах)
Енисейская	280,0	338,9	1,21
Томская	687,7	302,0	0,44
Тобольская	1017,633	422,0	0,41
Иркутская	928,968	363,0	0,39
Итого:	2914,291	1425,8	0,49
По империи:	56404,030	50521,001	0,86

Население Сибири в этот период возрастало очень быстрыми темпами. Оно составляло в 1795 г. — 595 тыс. ревизских душ (около 1200 тыс. чел.), в 1820 г. — 1693500 чел., а в 1852 г. — 2712000 чел.³⁵⁾ В Енисейской губернии было сосредоточено наибольшее количество рабочих золотых приисков, это и сказалось на высоком показателе потребления вина в Енисейской губернии. В целом же Сибирь далеко отставала от Европейской России по потреблению казенного вина. Деревенские каштаки здесь успешно конкурировали с откупной системой.

Повышение доходов казны, естественно, сопровождалось повышением прибыли откупщиков. Если учитывать только разрешенные комиссионные проценты полученные откупщиками, то за время осуществления акцизно-откупного комиссионерства в Сибири откупщики получили не менее 15 млн. рублей сер. чистой прибыли. Но откупщики не довольствовались разрешенными комиссионными процентами и произвольно увеличивали их. По утверждениям авторов "Сведений...", в период с 1852

по 1859 гг. это превышение доходило до 1/3% и не было менее 33%³⁶⁾. Отсюда "по самому умеренному подочету откупщики должны получить акциз по крайней мере за 320000000 ведер для того, чтобы иметь возможность уплачивать казне сумму равняющуюся акцизу с 240000000 ведер". Значит к прежним 15 млн. рублей можно прибавить не менее 5 млн. рублей, чтобы получить громадную сумму в 20 млн. рублей. И даже эта цифра не отвечает действительности, поскольку реальные доходы откупщиков были несомненно выше. Трудно определить на какие из районов Сибири приходится большая часть этой суммы, так как нет сведений раздельно по губерниям, но можно определенно сказать, что наибольший доход получался в районах золотых приисков, т.е. в Енисейской губернии и более населенной Тобольской губернии, а также в алтайских, Томском, Иркутском, Верхнеудинском округах.

Одной из особенностей сибирских округов было то, что откупщиками в этих губерниях являлись крупные российские предприниматели и титулованные особы. Такие как камергер В.Воеволожский, князь А.Голицын, барон Е.Гинцбург. В приводимом авторами "Сведений.." описке лиц, участвующих в откупах на четырехлетие 1859-1862 гг.³⁷⁾ встречаются имена Д.Венардаки, отставного поручика, крупного золотопромышленника, заводчика, судовладельца, основателя Софмовского судостроительного завода; И.Ф.Базилевского, сибирского помещика, владельца винокуренных заводов, золотопромышленника; Утина, банкира. Из местных откупщиков наиболее значительными были купец Соловьев, взявший на 1851-1856 гг. Иркутскую губернию в откуп за 3 млн. рублей, на особых условиях при помощи протекции генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева, кяхтинский купец-миллионер Я.А.Немчинов.

Наиболее интересна фигура А.Ф.Поклевского-Козелло. В.В.Струве в своих воспоминаниях пишет о нем: "В это время (конец 40-х годов - В.З.) начинал в Томске, в звании чиновника по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири, свою деятельность А.Ф.Козелло-Поклевский, один из богатейших теперь собственников на Руои, ему была поручена развозка спирта с винокуренных заводов по всей Западной Сибири на праве коммерческом"³⁸⁾. После окончания откупов он за бесценно скупил у казны два завода (за 100 тыс. рублей) с запасами хлеба в 150 тыс. пудов³⁹⁾ и стал одним из крупнейших винокуров и виноторговцев Западной Сибири и Урала, он был

также судовладельцем, владельцем различных заводов и фабрик, крупным торговцем. Он создал один из крупнейших торговопромышленных комбинатов Сибири⁴⁰⁾.

Откупная оумма на последнее четырехлетие и в Сибири и в Европейской России поднялась чуть ли не в два раза. Из 216 лиц в России, взявших откуп на оумму 127769 тыс. рублей в год, трое (Бенардаки, Ромин, Базилевский) взяли Сибирь за оумму до 7250750 рублей в год⁴¹⁾.

Сибирские губернии были особо выгодны откупщикам, т.к. цены на вино были здесь в 1,5-2 раза выше, чем в Европейской России. Отдаленность и слабый надзор администрации создавали большой простор для инициативы. Здесь давались более высокие комиссионные проценты. Но сибирские откупа имели и определенные минусы для откупщиков вследствие трудности транспортировки вина, более высоких, чем в России, заготовительных цен, а также малой населенности Сибири и невысокого уровня потребления.

Откупа - средневековая система взимания косвенных налогов центральной власти на предметы широкого потребления, один из спутников феодально-крепостнического строя, поэтому с отменой крепостничества они ушли со сцены экономической и финансовой жизни России. Капитал, нажитый на откупах более, чем какой-нибудь другой, по выражению К.Маркса, "источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят"⁴²⁾. Большое значение в устранении откупов сыграло трезвенное движение в России 50-х годов XIX в. Откупная система была ненавидима не в меньшей мере, чем феодально-крепостнический строй, она возбуждала всеобщее недовольство. С 1 января 1863 года была введена повсеместно в России чисто акцизная система, основанная на принципах капиталистической коммерции, на основе свободной конкуренции.

Откупная система в России и в Сибири была важнейшим источником накопления капитала. Она выступала как совокупность действий трех партнеров: поставщиков вина (помещиков), государства (министерства финансов), откупщиков (купцов) и являлась реализацией монопольного права государства на производство и продажу вина. К такому выводу приходит Яковцевский В.П. в своей монографии "Купеческий капитал в феодально-крепостнической России", касаясь ро-

ли винных откупов в первоначальном накоплении в России⁴³⁾. Для Сибири поставщиком вина было большей частью само государство, поэтому сибирские откупа можно рассматривать как взаимодействие казны и откупщиков.

За первую половину XIX века государство получило не менее 120 млн. рублей чистой прибыли, а — откупщики — 45—50 млн. рублей только от сибирских откупов. Как источник первоначального накопления в Сибири откупа занимают второе место после золотопромышленности (около 500 млн. руб.).

Денежные средства, полученные от ограбления населения Сибири, не оседали в ней, а служили, главным образом, источником накопления капитала для крупной российской буржуазии и лишь малая часть из них шла на капиталистическое развитие Сибири. В значительной своей части доходы от сибирских винных откупов были вложены в уральские заводы (Походяшины, Всеволожские, Яковлевы, Поклевские-Козеллы, Рмины), в золотые прииски — Бенардаки, Базилевские. Откупная система своими грабительскими действиями приводила к постоянному напряжению платежных сил населения, чем способствовала его разорению и пролетаризации. Нищета и вымирание коренных народностей Сибири тоже не в малой степени следствие откупной системы в Сибири в первую половину XIX века.

Таким образом откупная система оказывала двойное воздействие на процесс первоначального накопления капитала в России и Сибири. Во-первых, она прямо передавала огромные денежные средства мелким собственников — крестьян и горожан в руки лиц, бравших откупа, — представителей российской буржуазии. Во-вторых, питейный налог передавал огромные средства государственной казне, откуда они в виде субсидий, поощрений, уплат за государственные заказы и поставки поступали вновь буржуазии, т.е. были средством "фабрикация фабрикантов".

Примечания:

1. Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность. 1862. Т. VI. № 10. С. 480.
2. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 24, 29, 30.
3. Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность. 1862. Т. VI. № 10. С. 482.

4. Там же. С. 483, 485.
5. Карнович. Е. Л. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 252.
6. ЦГАДА. Ф. 412. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6841. Л. 8, 9; Ф. 271. Оп. 1. Кн. 2143. Д. 2. Л. 422-446.
7. Козловокий Е. С. Винные откупа и их место в первоначальном накоплении капитала в России // Труды Ленинградского финансово-экономического институт. Л., 1947. С. 281-289.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIX. С. 971.
9. Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 153.
10. Там же. С. 173.
11. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. I. С. 209.
12. См.: Труды Ленинградского финансово-экономического института. Л., 1947. С. 287.
13. Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность. 1862. Т. У1. № 10. С. 490.
14. Составлено на основе "Сведений..." СПб., 1860. Ч. IV. С. 82-83, 290.
15. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. IV. С. 386.
16. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. IV. С. 290.
17. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1844. Т. XLIII. С. 217.
18. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. У. С. 6.
19. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. III. С. 95-96.
20. Там же. С. 94.
21. Там же.
22. Составлено по данным "Сведений..." Ч. IV. С. 82-83.
23. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета о ввозе вина к инородцам кочевым и бродячим // ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1834. Т. 8. Отд. I. С. 709.
24. См.: Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. I. С. 156, 256, 458; Т. 2. С. 8-52 и др.
25. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. У. С. 4.
26. Там же. С. 4.
27. Там же. Ч. I. С. 220.

28. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. IУ. С. 220.
29. Там же. С. 290.
30. Сведения о питейных сборах в России. СПб. 1860. Ч. IУ. С. 82-83.
31. Там же. С. 386.
32. Составлено по: Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. III. С. 6-10; Печерин Я. И. Исторический обзор государственных доходов и расходов с 1844 по 1861 гг. СПб., 1878. С. 172-195; Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. П. С. 80.
33. Антропов П. А. Финансово-статистический атлас России 1885-1895 гг. СПб., 1898. Диаграмма I. Лит. А.
34. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. IУ. С. 473-475.
35. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 363.
36. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. У. С. 87.
37. Там же. С. 62-65.
38. Струве В. В. Воспоминания о Сибири (1848-конец 1855 гг.) // Русский вестник. 1886. Апрель. С. 159-161.
39. Левитов И. Сибирские коршуны. СПб., 1894. С. 14.
40. Альфонс Фомич Поклевский-Козелл // Ирбитский ярмарочный листок. 1891. 20 февр.
41. Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. III. С. 62.
42. Маркс К. Капитал. М., 1955. Ч. I. С. 770.
43. Яковцевский В. И. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 156.

В. П. Бойко

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯН БАЗИЛЕВСКИХ В СИБИРИ

Фамилия дворян Базилевских достаточно хорошо известна в истории России. Из нескольких ветвей этой фамилии нас интересует ветвь, происходящая из Оренбургской губернии, так как ее представитель, Иван Федорович Базилевский (1791-1876), являлся крупнейшим сибирским предпринимателем. Его отец получил потомственное дворянское достоинство благодаря своему сану протоиерея Богородицкой церкви г. Стерлитамака¹⁾. По традиции его сыновья, Иван и Виктор, должны были получить духовное звание, но они выбрали для себя другое по-

прище. Подобно героям французских писателей А. Дюма и О. Бальзака они отправились покорять мир в столицу. Петровская "Табель о рангах" давала возможность незнатному провинциальному дворянству продвигаться по социальной лестнице вверх. Но и этот путь ловли "счастья и чинов" И. Ф. Базилевский отверг, отказавшись от государственной службы и став одним из членов компании по продаже вина в Сибири.

Такая форма торговли называлась откупам и возникла в первой половине ХУП в. В это время еще не были преодолены тяжелые последствия социально-экономического и политического кризиса начала века, последствия Смуты. Чтобы эффективно организовать поступления доходов в казну от различных статей торговли, правительство стало отдавать эти статьи, т.е. виды или отрасли, на откуп отдельным лицам или компаниям. Для того, чтобы казна не терпела убытки в случае неудачи откупщиков, они должны были представить правительству залоги в виде недвижимого имущества, а также поручительства состоятельных людей своими капиталами и именьями. В целом система откупов в России и Сибири в нашей литературе изучена слабо.²⁾ Между тем, откупа представляли широкие перспективы для составления огромных капиталов, это был один из самых быстрых, грубых и хищнических путей первоначального накопления капиталов. Проследить некоторые детали этого процесса в Сибири, выявить основные черты деятельности Базилевских в откупах и золотопромышленности - основная задача данной статьи.

Предшественниками откупной компании И. Ф. Базилевского в Сибири была компания в составе действительного камергера В. А. Всеволожского, полковника, князя А. Б. Голицына и московского I-й гильдии купца К. Н. Кузина. Эта компания брала на свой откуп почти всю территорию Сибири, представив залогом в 1822 г. в Опекунский Совет в Петербурге имение Всеволожского в Пермской губернии в 3554 души муж. пола по 50 рублей за душу и имение тайного советника барона Строганова в Смоленской губернии в 2399 душ муж. пола по 50 руб. за душу. Всего залог составлял 297650 руб.³⁾ Откупщикам были предоставлены широкие права не только в экономической сфере - назначать цены на хлебное вино, места его продажи, порядок найма управляющих и приказчиков и режим работы и многое другое, но и в сфере социальной - борьба с "непозволительной продажей и пригото-

нием" спиртных напитков, кроме пива и медов, недопущение к продаже питей евреев, т.е. обладали по сути дела правами полицейских органов⁴⁾.

Однако широкие полномочия компании Всеволожского и Голдына, которые сделали их монополистами в области виноторговли на огромной территории, не смогли гарантировать устойчивость и доходность их дела. Вероятно, откупа в Сибири были не главным полем деятельности представителей высшей российской аристократии. Они не входили во все тонкости откупного дела, были здесь малокомпетентны. У предпринимателей же давно замечено, что дело "без глаза", т.е. без хозяйского надзора, перестает приносить владельцу доход, т.к. его получает тот, кто распоряжается делами, имеет полную информацию о их состоянии, динамике цен на сырье и готовую продукцию, отношении к делу своих управляющих и приказчиков и многом другом. Мелочей здесь, как правило, не бывает - любая деталь может принести доход или нанести убыток.

Одним из слабых звеньев в цепи коммерческих дел компании Всеволожского был подбор управляющих, этих генералов питейных откупов. Их преданность и трудолюбие не могли обеспечить ни огромное жалованье, ни гарантированный комфорт им и их семьям, ни параллельное продвижение по службе. Например, главному комиссионеру по винному откупу в Томской губернии коломенскому купцу Митрофану Горохову в 1822 году годовое жалованье определялось в 12 тыс. рублей (примерно в 3-4 раза выше жалованья губернатора) на всем готовом - квартира, дрова, свечи, экипажи и проч. Семейству комиссионера обеспечивался бесплатный проезд по всей России, а ему самому в случае благополучного расчета следовали награды - 6 тыс. руб.⁵⁾ Однако и от таких щедрот М.И.Горохов не стал верно служить и в июле 1826 г. оказался в самовольной отлучке в Коломне, якобы по делам губернского правления. Доложивший о том комиссионер того же откупа вольский купец И.Н.Попов получил за это донесение награду - половинное годовое жалованье, а Горохова в том же 1826 г. от должности освободили⁶⁾. Аналогичные процессы происходили в Иркутской губернии, где откупщиков-аристократов вытесняли иркутские купцы Патюков и Кузнецов. В залог от них казной было принято имение генеральши Бахметевой в 2484 души муж. пола, а когда срок доверенности истек, они внесли 130000 руб. залога⁷⁾.

Таким образом, купцы, с одной стороны, находясь на службе у откупщиков-аристократов имели возможность "пополнить свой карман", поступать, как упомянутый выше М.А.Горохов "не в интересах конторы откупа, а единственно в свою только заботливость". С другой стороны, купцы вместе с мелкими чиновниками и разночинцами вытесняли знать из этой чрезвычайно выгодной, но хлопотной сферы предпринимательства. Вместо фамилий высшей аристократии появляются в числе откупщиков имена мелкого чиновника Базилевского, поручика Бенардаки, дворянина Рюмина, купцов Поповых, Кузнецовых, Сосулиных и др. Для них откупа были едва ли не единственной возможностью быстро и без больших собственных капиталов разбогатеть. Эту возможность они блестяще использовали, подкрепив свои миллионные капиталы, заработанные на откупах, громадными капиталами, полученными в сибирской золотопромышленности.

Большой интерес в связи с этим представляет история Базилевских. И.Ф.Базилевский, взяв первые откупа в конце 1820-х гг., уже через два десятилетия начал приобретать имения в Уфимской и Смоленской губерниях. Даже в Сибири у него было несколько десятков крепостных и больше тысячи десятин пахотной земли, которая давала ему доход по 10 руб. с каждой десятины. На этих землях, в Каинском и Томском округах, выращивалось зерно для нужд арендованного у казны Базилевским Александровского винокуренного завода⁸⁾. Трудно выделить точно долю доходов Базилевских только от винных откупов, но представляется, что эта доля была наибольшей по своим размерам в сравнении с другими отраслями семейного предпринимательства. Поэтому вызывает доверие информация, которую передает в письме к родным И.Ф.Базилевский, что в 1840 г. он имел уже "в наличных деньгах капитала более полутора миллионов рублей"⁹⁾.

Эффективность откупов достигалась за счет иных, более жестких и в то же время демократичных отношений со своими подчиненными. Трудно представить, чтобы камергер Всеволожский или князь Голицын находился в личной переписке со своими управляющими. Поэтому и были возможны отлучки и злоупотребления, о которых хозяева узнавали последними. Судя по переписке, сохранившейся в фонде известного винозаводчика, золотопромышленника, и собирателя архивов Г.В.Клина И.Ф.Базилевский держал руку на пульсе всего дела. С одними доверенными лицами он находился в дружеской переписке, делился планами развития дела и обсуждал неудачи. С другими обходился сурово,

пресекая любые попытки "бунта на корабле" своей компании. "Кто имеет капитал, тот не идет в приказчики", - строго пеняет он своим управляющим, поручику Малевинскому и подполковнику Риппасу. Не щадит он своего брата Виктора, когда тот начинает наносить ущерб семейному делу. В письме к своему управляющему П.И.Шумахеру, он пишет, что Виктор самовольно сменил управляющего откупом и поставил своего человека, с которым начал играть в карты и заниматься безобразиями. "В результате компания понесла убытки, а Виктор пустил на ветер полста тысяч рублей"¹⁰⁾. Только угроза отлучить от дел компании и лишить содержания заставила его брата немного остепениться.

Такое отношение к делу, тщательный отбор помощников и младшего персонала, контроль за их действиями не могло не дать положительного результата. И.Ф.Базилевский и его компаньоны - Рюмин и Бенардаки - продержались на откупах в Сибири необычайно долго, около трех десятилетий. Их дела процветали до самой отмены откупной системы в начале 1860-х гг. Подтверждение тому мы находим в "Отчетах по общей выручке от продажи хлебного вина по Томской губернии". Эта выручка имела постоянную тенденцию роста: в 1851 г. составляла 1203346 руб., в 1855 г. - 1512693 руб., в 1858 г. - 1976680 руб.¹¹⁾ Это были колоссальные по тем временам деньги. Получались они путями отнюдь не праведными. Откупа ассоциировались в общественном сознании того времени как дело связанное со многими злоупотреблениями. Деятельность откупщиков тяжелым бременем ложилась на всю округу. "Пиявки-откупщики" - выражение, которое часто употреблялось в литературе середины XIX в. и характеризовало отношение общества к ним. "Лихоимство и система откупов суть два величайших врага общественного быта Сибири", - писал декабрист Н.В.Басаргин, который мог наблюдать операции откупщиков в Сибири, когда там господствовала компания Базилевского. Поэтому характеристику Басаргина практически полностью можно отнести к характеристике откупов этой компании. Басаргин называет операции откупщиков "бескровными преступлениями", раскрывает механизм их обогащения: "Откупщики, принимающие на себя обязанности удовлетворять народную потребность в спиртных напитках, заключают с правительством такие условия, которых они не могут выполнить, если будут действовать в смысле заключенного договора. Они только потому и соглашаются на все ограничения, что наперед уверены, в том, что будут иметь возможность не стесняться

своими обязательствами и действовать более или менее произвольно. Для этого они сами или их доверенные весьма естественно прибегают к подкупам лиц, от коих зависит надзор за их действиями, и, стало быть, распространяют лихоимство, и без того уже повсеместное" (12). Другой наблюдатель сибирской жизни того времени, В. Вагин, также подтверждает, что откупа давали возможность для больших злоупотреблений: "Сидельцы почти везде продавали вино незаконной доброты и выше установленных цен" (13).

Таким образом, деятельность Базилевских в откупной виноторговле носила черты наиболее грубого первоначального накопления капитала. Спаивание местного населения о максимальной пользой для своего кармана являлось одним из основных источников их обогащения. Винные откупа в Сибири представляли из себя крупные, защищаемые государством монополии, которые давали право узкому кругу лиц торговать вином без конкуренции и, по сути дела, без контроля со стороны государства. Винные откупа - это не только торговые операции, это участие в получении доли от правительственных оборотов с виноторговли. Поэтому капиталы откупщиков так легко и естественно ложились в основание некоторых крупнейших в России банкирских домов, которые были тесно связаны с правительством и императорским домом (14). Откупная система противоречила основным принципам капитализма, являлась составной частью феодально-крепостнической системы и неизбежно была отменена в период буржуазных преобразований середины XIX в.

Значительные капиталы, скопленные Базилевскими на откупах, были частью вложены в сибирскую золотопромышленность, частью вывезены в Европейскую Россию. Там на них покупались поместья с крепостными, строились доходные дома и особняки, делались крупные пожертвования. И. Ф. Базилевским была даже построена "обсерватория в Петербурге при доме его на Петербургской стороне на берегу Невки" (15).

Следующим этапом предпринимательской деятельности Базилевских была сибирская золотопромышленность. Известно, что золото добывалось в Сибири еще в XVIII в., но добыча производилась на казенных или кабинетских заводах попутно при выплавке серебра. В конце 1820-х гг. екатеринбургские купцы Федот Попов и Яким Рязанов перенесли поиски золота с северных отрогов Урала в Мариную тайгу Томской губернии. Случай помог, занимавшемуся также откупам Ф. Попову, открыть богатейшие россыпи на границе Томской и Енисейской

губерний. Правда, этот случай был подготовлен огромными тратами на снаряжение более 40 экспедиций¹⁶⁾. С 1830 г. начинается сибирская золотая лихорадка. Не избежали искушения приумножить свои капиталы: Базилевские. В 1830-е гг. И.Ф.Базилевский снарядил в Енисейскую тайгу несколько экспедиций. Наибольший успех выпал на долю экспедиции отставного поручика Н.И.Малевицкого, который был также приказчиком по откупам. Катати и у Ф.Попова экспедиции возглавляли "приказчики по питейным сборам". Малевицкий после своего открытия считал себя обделенным и предъявил И.Ф.Базилевскому претензии. На этот выпад Базилевский отвечал, что наградил его по царски, выделив десятую часть паев, в то время как Голубков или Кузнецов, красноярские золотопромышленники, наградили бы его каими-то 5 тыс.рублями и "пустили бы вас продолжать заше приказичье поприще"¹⁷⁾.

Нужно отдать справедливость его словам, т.к. пай давали полный значительный доход. В начале 40-х гг. XIX в. И.Ф.Базилевскому удалось на некоторое время объединить капиталы своих родственников и откупных управляющих в одну компанию по добыче золота. Дела в ней шли вполне успешно, так как от золота, добытого в 1841-1843 гг. последовало прибыли на 10 паев 2859589 руб., которые записывались на счета компаньонов следующим образом: И.Ф.Базилевскому причиталось на 3 пая 857856 руб., В.Ф.Базилевскому на 1 1/2 пая - 714897 руб., А.Ф.Базилевскому на 1/2 пая 142979 руб. Таким образом из 10 паев компании 6 принадлежало братьям Базилевским. Остальные пай делились следующим образом: Н.И.Малевицкому - 2 пая с доходом 571917 руб., В.Г.Гриневицу 1 пай приносил доход в 285958 руб., а полпая у Н.Я. и И.Ф.Прейнов приносили им по 142979 руб. каждому¹⁸⁾. В следующем, 1844 г., прибыли этой компании увеличились и составили 1087920 руб в год¹⁹⁾. В этом году в компании было 87 олукащих, которым выплачивалось 97211 руб. жалованья (кроме наградных). Из их числа вышло много будущих крупных золотопромышленников. Наибольшую известность получили Н.И.Малевицкий, А. и Е.Китмановы, Г.Голубков, Н. и И.Прейны, М.Окулов и др. Помимо высокого жалованья (3-4 тыс.руб. в год) и наградных (от 100 до 2000 руб.), они имели доход от махинаций с добываемым старательскими артелями золотом, от снабжения приисковых рабочих одеждой и продовольствием. Одним словом, управляющие проходили "хорошую" школу перед самостоятельным предпринимательством.

К 1850 г. дела Базилевского и К^о шли не так удачно как прежде. В этот год компания самостоятельно разрабатывала два прииска, где трудилось 168 и 297 рабочих и добывалось более 23 пуд. золота²⁰⁾. В среднем пуд золота давал тогда 20-25 тыс.руб. прибыли или, как тогда говорили, "пользы", что в сумме давало около полумиллиона рублей дохода, т.е. наполовину меньше, чем в 1844 г.

Несколько упрочило положение Базилевских в золотопромышленности в середине XIX в. участие И.Ф.Базилевского в делах конкурсного управления над имуществом несостоятельной компании золотопромышленников в лице Горохова, Атопкова и Филимоновых. Философ Горохов был сибирской знаменитостью, в период золотой лихорадки сказочно разбогател и, проживая в Томске, буквально утопал в роскоши. Под будущие, еще не открытые россыпи золота, Горохов брал все новые и новые кредиты и, как зачастую тогда водилось, прогорел. Началась продажа имущества и золотоносных участков. Базилевские принимали активное участие в перекупке этих участков. Причем их не омучала продажа таких участков более мелким предпринимателям. Воегда находились рычаги воздействия на них и, в конце-концов, они получали нужные земли в свои руки. И.Ф.Базилевский писал своему доверенному лицу: "Прииск Воскресенский, оставшийся за Хотимским, должен перейти ко мне, о чем вероятно Вы уже заявили конкурсу, согласно моей доверенности"²¹⁾.

Документы свидетельствуют о интересах Базилевских к золотым промыслам в других регионах России. Например, они снаряжали поисковые экспедиции в Киргизские степи (Северо-Восточный Казахстан). Но они тогда, в середине XIX в., не увенчались успехом. Тенденция к поискам новых золотоносных площадей в Сибири и других районах говорит о том, что разведанные запасы золота в доступных местах были в основном исчерпаны. После реформы 1861 г. наблюдается дробление золотодобывающего производства на более мелкие прииски. Происходит выработка приисков с низким содержанием золота в песках, переработка песков на уже отработанных в годы золотой лихорадки приисках. В связи с этим используются другие формы организации труда. Прииски отдаются в аренду золотодобывающим артелям и отдельным старателям. Добыча золота в это время падает, т.к. отрасль переживает кризис. Только внедрение в сибирскую золотопромышленность монополистического банковского капитала, капиталов акционерных компаний, которые были способны финансировать разработку зо-

жота в новых, ранее не доступных районах Сибири, закупку, перевоз и установку там разного рода машин приведет в конце XIX - начале XX вв. к подъему этой отрасли.

В такую схему (золотая ляхорадка - упадок - подъем) вполне вписывается история золотопромышленников Базилевских. По сведениям И. Завалишина, которые основаны на подсчетах специалистов Главной конторы Алтайского горного округа о 12-ти самых богатых приисках, среди владельцев которых были и Базилевские, было в 1846 году "выхвачено" 608 пуд. золота, в 1847 году - 702 пуд., в 1848 году - 803 пуд., а в последующие годы добыча стала снижаться и в 1860 г. опустилась до 192 пуд. золота в год²²⁾. Всего же с 1819 по 1861 гг. добыто в Сибири 35587 пуд. 8 фунт. 23 зол. 70 долей золота на 470746170 руб. 25 1/4 коп. сер., т.е. свыше двух миллиардов франков²³⁾. В пересчете на современные меры веса это было около 584 тонны золота, что для тех времен является колоссальным богатством. Однако оно не дало благополучия и порядка ни сибирскому краю, ни обеспеченность капиталами подавляющему большинству владельцев приисков. Не были среди них исключением и Базилевские.

Перекачивая капитал в Европейскую Россию, пуская его на непроизводительные расходы, Базилевские выходили постепенно из числа крупнейших промышленников золота. Наследником И. Ф. Базилевского стал его сын Виктор, который, в отличие от своего отца, на государственной службе не находился и для и именовался просто "дворянин Базилевский". В 1888 г. он одновременно разрабатывал в Енисейской губернии 16 приисков с добычей в 6 пуд. 6 ф. 18 зол. 17 дол. золота и в компании с купцом И. Д. Черемных добывал еще 12 пуд. 10 ф. 17 зол. золота²⁴⁾.

Кроме этого, В. И. Базилевский разрабатывал прииски в Иркутской губернии, где самым крупным был прииск Верный. Там в 1888-1889 гг. работало 286 рабочих (мужчин) и 40 женщин. На заработную плату на них уходило 66088 руб. 17 коп. для мужчин и 4348 руб. 16 коп. для женщин, т.е. всякий работник зарабатывал в среднем 36 руб. 34 коп. в месяц и 15 руб. 9 коп. работница²⁵⁾. Это, по мнению анонимного автора, вероятно одного из управляющих Базилевского, были огромные для хозяина расходы и, в конечном счете, давало ему чистой прибыли всего 39387 руб. и составляло 16% на растроченный в I I/2 года капитал. Такие данные, по мнению автора, снимали с имени сибирского золотопромышленника обвинение, что он "кулак-мирод" и "богач-Крез"²⁶⁾.

Вскоре В.И.Базилевский начал избавляться от своих приисков. В 1896 г. на основе двух договоров он продал известной компании "Лензолото" 16 приисков в полное владение, а 8 приисков - в аренду, которые также были вскоре проданы²⁷⁾. Постепенно Базилевский свертывал добычу золота на других своих предприятиях, т.к. дальнейшее участие в золотопромышленности становилось для него убыточным делом. В 1909 году В.И.Базилевский был объявлен несостоятельным должником и для погашения долгов и ликвидации его дел было создано конкурсное управление²⁸⁾. На этом печальном для рода Базилевских факте заканчивается история предпринимательской деятельности рода Базилевских в Сибири. По крайней мере нам не удалось обнаружить сведений о их дальнейшей работе в экономике Сибири. История их предпринимательства позволяет сделать некоторые выводы. Часть их содержится в характеристике деятельности Базилевских в виномартовле по откупам.

В целом же, этих народолюбивых, безпоместных представителей русского дворянства не сдерживали никакие сословные и моральные препятствия для занятия предпринимательством. Жестокими и грубыми методами ими скапливались огромные капиталы, которые растрачивались однако, большей частью на непроизводительные цели и не могли служить основой для создания крепкой семейной фирмы.

Препятствием для утверждения в Сибири капиталистов Базилевских являлась их раздвоенность в территориальном смысле. Имея производственную базу на российских окраинах, они в основном проживали в Петербурге. В Европейскую Россию, в столицу, утекали как их капиталы, так и основной продукт их предпринимательской деятельности - золото. Поэтому Базилевские теряли многие возможности для расширения своего производства в Сибири и вместе с этим статус сибирских капиталистов. Плавного перелива семейных капиталов дореформенного и пореформенного периодов в монополистические формы у них не произошло. Отсутствие преемственности вместе с другими особенностями сибирского и русского капитализма являлась одной из причин его неустойчивости, которые привели его к общему кризису падению в начале XX века.

Примечания:

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1891.
Т. 4. С. 695.

2. См., напр.: Веселовский С.В. Азартные игры как источник дохода Московского государства в ХУП в. // Сборник статей посвященных В.О.Ключевскому. М., 1909; Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913; Демкин А.В. Откупа как форма накопления капитала в России ХУП в. // Проблемы социально-экономической феодальной России. К 100-летию со дня рождения С.В.Бахрушина. М., 1984.

3. ГАИО.Ф.7.Оп.1.Д.3.Л.46.

4. Там же. Л.59.

5. ГАРО.Ф.51.Оп.1.Д.175.Л.8.

6. Там же. Л.106.

7. Сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири о 1819 по 1822 год. Собраны В.Вагиным. СПб., 1872. Т.1. С.433.

8. Толчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861-1899 гг.) Томск, 1979. С.31.

9. ГАКК.Ф.57.Оп.1.Д.5.Л.10.

10. Там же. Д.65.Л.1-2.

11. Там же. Оп.14.Д.210.Л.12.

12. Басаргин Н.В. Записки // Мемуары декабристов. Главное общество. М., 1982. С.118.

13. Сведения о деятельности графа М.М.Сперанского... С.432.

14. См., напр.: Ананьич В.В. Банкирские дома в России. 1860-1914 гг. Л., 1991.

15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т.4. С.695.

16. Шпалтаков В.П. Сибирская купеческая фирма Поповых в первой половине XIX в. // Из истории буржуазии России. Томск, 1985. С.25.

17. ГАКК.Ф.57.Оп.1.Д.5.Л.10.

18. Там же. Д.18.Л.2.

19. Там же. Л.17.

20. Там же. Д.103.Л.18.

21. Там же. Д.209.Л.14.

22. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1. С.173.

23. Там же. С.140.

24. ГАКК.Ф.393.Оп.1.Д.11.Л.18.

25. ГАИО.Ф.328.Оп.1.Д.82.Л.8.

26. Там же.

27. Аксенов Д.С. Ленские события 1912 г. М., 1960. С. 12-13.
28. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1781. Л. 17.

О.Н.Разумов

ИЗ ИСТОРИИ БИРЖЕВОГО ДЕЛА В СИБИРИ

В связи с переходом России к рыночной экономике, появлением таких атрибутов рынка, как биржи, полезно обратиться к истории биржевого дела в дореволюционный период. В данной статье рассматривается история возникновения и, отчасти, деятельности товарных бирж в Сибири в XIX - начале XX в. Эта тема еще не получила должного освещения в научной исторической литературе, хотя ряд сведений о сибирских биржах содержится в работах И.Г.Мосиной, Г.Х.Рабиновича и других исследователей¹⁾.

Товарные биржи - центры оптовой торговли заменимыми товарами по образцам и стандартам - в Сибири появились позднее, чем в Европейской России. Как и повсеместно, возникновение их было вызвано расширением масштабов торговли и отремлением к совершенствованию ее форм. Для Сибири биржи были особенно необходимы, поскольку ее отдаленность от главных промышленных районов страны, большие расстояния между населенными пунктами края, неразвитость путей и средств сообщения сильно затрудняли и удорожали доставку товаров. Однако создание бирж в этом регионе растянулось на несколько десятилетий.

Официально первая в Сибири биржа была учреждена в 1864 г. в Иркутске²⁾. Однако она фактически не действовала и через несколько лет прекратила свое существование.

В 60-е гг. XIX в. возникла также идея создания биржи в Томске, являющемся крупнейшим товарно-распределительным центром Сибири. Ее активно пытался проводить городской голова П.П.Набалов. Но в то время дело не дошло до практической реализации³⁾. Видимо, сама идея учреждения биржи еще не встречала понимания и широкой поддержки томского купечества. Вполне возможно, что и центральные власти отнеслись к ней неодобрительно (по российскому законодательству требовалось "высочайшее" - самим царем - утверждение устава биржи).

Ситуация изменилась лишь к концу столетия. В марте 1898 г. в

Томске под председательством городского головы купца А.П.Карнакова состоялось собрание более 30 местных торгово-промышленных фирм, которое приняло решение подготовить специальный доклад с обоснованием необходимости биржи. Вскоре такой доклад был подготовлен и представлен в городскую думу, которая единогласно постановила возбудить соответствующее ходатайство в Министерстве финансов. Очевидно, в связи с этим ходатайством Томск посетил (в сентябре того же года) один из ближайших сотрудников министра финансов С.Д.Вите, директор департамента торговли и мануфактур В.И.Ковалевский. Он обещал лично содействовать благоприятному решению вопроса о Томской бирже⁴⁾.

При рассмотрении этого дела в центральных инстанциях, видимо, были серьезные возражения. К тому времени Томск, оставшийся в стороне от Транссибирской магистрали, уже в значительной мере потерял свое выгодное положение главного торгово-распределительного пункта Сибири. И учреждение здесь биржи представлялось далеко не бесспорным. Однако ходатайство городской думы поддержал Томский губернатор, который в ноябре 1898 г. писал министру внутренних дел, что именно открытие в Томске биржи поможет городу "сохранить свое значение крупного распределительного и промышленного центра Сибири"⁵⁾.

Продвижение этого дела через необходимые инстанции заняло около двух лет. Наконец, 10 июня (по старому стилю) 1900 г. был утвержден устав Томской биржи. Она учреждалась только как товарная (сделки с ценными бумагами — акциями, облигациями и т.п. не разрешались). Членами биржевого общества могли стать как местные, так и иногородние торговцы и промышленники, имевшие промысловые свидетельства, соответствующие купеческим свидетельствам первой и второй гильдий, а также представители акционерных и паевых компаний. Они обязаны были вносить ежегодную плату (на содержание биржевого здания и т.д.).

Важнейшие вопросы функционирования биржи подлежали решению общих собраний, на которых необходимо было присутствие не менее трети членов общества. Для текущего руководства и представительства должен был избираться на три года биржевой комитет в составе: председатель, 6 членов (биржевых старшин) и старший маклер. Предусматривалась ротация: каждый год из состава комитета выбывали два члена. В уставе биржи содержался также пункт о ревизионной комиссии, в обязанности которой прежде всего входило осуществление контроля за

финансовой деятельностью комитета⁶⁾.

Первое собрание членов Томского биржевого общества прошло 23 ноября 1900 г. Председателем биржевого комитета был избран представитель одной из самых солидных фирм города И.Е.Кухтерин. Членами комитета (биржевыми старшинами) первого состава стали предприниматели В.А.Горохов, Н.А.Молчанов, Н.Н.Плотников, А.Д.Родюков, М.Ф.Сапожников и Н.В.Тряпицын⁷⁾. Официальное открытие Томской биржи состоялось 15 апреля 1901 г.⁸⁾ Она и явилась фактически первой биржей в Сибири.

В дальнейшем товарные биржи стали появляться и в других городах края. В целом процесс учреждения бирж в Сибири протекал следующим образом:

№ п/п	Местонахождение	Дата учреждения (утверждения устава)
1.	Томская	10 июня 1900 г.
2.	Омская	25 июня 1904 г.
3.	Новониколаевская	23 декабря 1907 г.
4.	Курганская	5 февраля 1910 г.
5.	Тюменская	5 февраля 1910 г.
6.	Иркутская	18 июля 1911 г.
7.	Барнаульская	22 сентября 1911 г.
8.	Бийская	4 октября 1911 г.
9.	Читинская	9 марта 1915 г.
10.	Красноярская	27 апреля 1916 г.

Следовательно, всего в Сибири было учреждено 10 бирж (без Дальнего Востока)⁹⁾. Пик учредительства пришелся на 1910-1911 гг., когда появилась половина из указанных бирж.

В создании и деятельности сибирских бирж активную роль играли руководители местных отделений акционерных коммерческих банков. Так, инициатором учреждения биржи в Омске и первым председателем ее комитета стал управляющий Омским отделением Сибирского Торгового банка П.Д.Подшивалов¹⁰⁾. В Новониколаевске несколько лет занимал пост председателя биржевого комитета директор местного отделения Русского для внешней торговли банка Иконников, а затем его сменил директор отделения Русско-Азиатского банка Пименов. Курганский биржевой комитет возглавлял управляющий отделением Сибирского Торгового банка Едлинек, Иркутский - директор отделения Русско-Азиатского ба-

ника А.В.Витте, Барнаульский - управляющий отделением того же банка А.Р.Михайловский¹¹⁾. Это, несомненно, отражало возросшую в начале XX в. роль банков в экономике Сибири.

Сибирские биржевые общества объединяли сравнительно небольшую часть предпринимателей. Видимо, самым многочисленным было Томское биржевое общество, в которое вошло более 300 местных и иногородних торговцев и промышленников¹²⁾. В Иркутское биржевое общество вступили 149 человек, Омске - 133, Новониколаевске - 90, Барнауле - 62 и т.д.¹³⁾

Большинство членов биржевых обществ не принимали активного участия в их деятельности, даже не посещали торги и собрания. Например, практически ни одно годовое отчетно-выборное собрание Томского биржевого общества не состоялось в первоначально назначенные сроки из-за отсутствия кворума. Как правило, они проходили в повторно назначенные сроки, при небольшом количестве присутствующих (25-40 человек)¹⁴⁾.

Собственно торговая деятельность сибирских бирж не развернулась в полную силу. Конкретных сведений о масштабах биржевых операций очень мало. Показательно, например, что в выявленных отчетах Томского биржевого комитета (за 1902, 1904-1905 гг.) об этом ничего не говорится¹⁵⁾. Сообщения в газетах также не дают конкретного представления о размерах сделок. "Сибирская жизнь" в начале 1903 г. писала, что два томоких купца заключили "очень крупные сделки на пшенице (так в тексте - О.Р.), по размеру, пожалуй, и первые еще в Томске"¹⁶⁾. Возможно, этот эпизод так и остался единственным заслуживающим внимания в торговой деятельности Томской биржи. Во всяком случае, в 1912 г. авторы известной книги о Томске отмечали, что "она не играет никакой роли в товарообмене города. Через нее проходит очень мало крупных и даже мелких сделок"¹⁷⁾.

Аналогичным было положение и на большинстве других сибирских бирж. Сравнительно крупные сделки совершались лишь на Омской, Новониколаевской и Барнаульской биржах. Омская биржа специализировалась преимущественно как хлебная. В 1909 г. на ней было продано различных грузов (в основном пшеницы и ржи) 4738 вагонов весом 3,8 млн. пуд., в 1910 г. - 2642 вагона, в 1911 г. - 2208, в 1912 г. - 6423, в 1913 г. - 3216,5 вагонов¹⁸⁾.

Значительно активнее действовали сибирские биржи в качестве пре-

дствительных предпринимательских организаций. Они собирали сведения о состоянии и нуждах торговли и промышленности, обращались с различными ходатайствами в местные и центральные органы власти (о снижении тарифов на перевозку грузов и почтово-телеграфные услуги, о строительстве новых железных дорог, об углублении русла р. Томи, об улучшении подъездных путей к вокзалам, пристаням и т. д.). Правда, большинство этих ходатайств осталось без последствий.

Обсуждались в биржевых обществах и комитетах и политические вопросы: введение земства в Сибири, представительство сибирских биржевых комитетов в Государственном Совете и др.¹⁹⁾

Таким образом, в целом биржевая торговля в Сибири не получила широкого развития. Это объясняется многими причинами. Например, неудачная судьба Томской биржи была в известной мере предопределена тем, что город остался в стороне от Транссибирской магистрали и потерял свое прежнее торгово-распределительное значение. Возникшие в годы мировой войны Читинская и Красноярская биржи изначально не имели шансов на успех. Общей причиной олабой активности всех сибирских бирж являлось пассивное отношение к ним со стороны большинства предпринимателей, не привыкших к этой новой форме торговли. Наконец, следует отметить, что такое количество бирж (10) превышало потребности региона, обрекало многие из них на бездеятельность.

Примечания:

1. Говорков А.А., Мосина И.Г., Рабинович Г.Х. "Представительные" организации буржуазии в Сибири (конец XIX в. - 1914 г.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 6. С. 26-40; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск, 1975; Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978 и др.

2. Первая сибирская товарная биржа в Томске // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г. Томск, 1901. Отд. П. С. 185.

3. Там же.

4. Там же. С. 186-187.

5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4226. Л. 16.

6. Устав Томской биржи см.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1900. № 102. Ст. 2018 (приложение).

7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4226. Л. 19. Еще одним членом комитета стал

позднее старший маклер П.И.Богомолов (Сибирская жизнь.1901.13 июня).

9. Первая сибирская товарная биржа...С.187; Сибирская жизнь. 1901.17 апр.

9. Собрание узаконений...Отд.П.№ 38.Ст.583; 1908.№ 30.Ст.189; 1910.№ 29.Ст.204-205; 1911.№ 152.Ст.1013; № 206.Ст.1359; 1912.№ 47. Ст.321; 1915.№ 66.Ст.467; 1916.№ 80.Ст.870 (уставы бирж). В дальневосточном регионе было учреждено 4 биржи:Владивостокская (1901), Благовещенская (1909), Хабаровская (1910) и Николаевская-на-Амуре (1917). См.: Собрание узаконений...1901.№ 117.Ст.2409; Отд.2.1909. № 44.Ст.388; 1910.№ 44.Ст.307; 1917.№ 105.Ст.976.

10. Сибирская жизнь.1906.3 марта.

11. Говорков А.А., Мосина И.Г., Рабинович Г.Х. Указ.соч.С.36.

12. Сибирская жизнь.1902.12 янв.

13. Мосина И.Г. Указ.соч.С.105.

14. См.: Сибирская жизнь.1902.12,26 янв.; 1903.4 февр.; 1904. 29 янв., 14 февр.; 1905.20 марта и др.

15. См.:Отчет Томского биржевого комитета за 1902 год.Томск, 1903; Отчет Томского биржевого комитета за 1904 год.Томск,1906; Отчет Томского биржевого комитета за 1905 год.Томск,1906.

16. Сибирская жизнь.1903.16 янв.

17. Город Томск. Томск,1912.С.31.

18. Рабинович Г.Х. Указ.соч.С.230.

19. О деятельности биржевых комитетов в этом качестве см.: Мосина И.Г.Указ.соч.С.106-III и др.

II. ПРОМЫШЛЕННОЕ И ТРАНСПОРТНОЕ ОСВОЕНИЕ

В.Н.Большаков

К ИСТОРИИ ОБЪ-ЕНИСЕЙСКОГО ВОДНОГО ПУТИ (НАЧАЛО XX В.)

Интенсивное железнодорожное строительство в России во второй половине XIX - начале XX столетий не решило в полной мере ее транспортных проблем. Слабо еще были вовлечены в орбиту общенационального рынка многие регионы; существовало немало и настоящих "медвежьих углов". Опыт лидирующих в промышленно-экономическом отношении отраслей показывал, что создание и удовлетворительное функционирование транспортной сети предполагало взаимодействие железных дорог, шоссейных сообщений и речных путей. Разумеется, и в России осознавали это, в общем-то очевидное, обстоятельство.

Видный инженер путей сообщения В.М.Лохтин, оценивая ситуацию, отмечал, что "при огромных наших расстояниях железные дороги не в силах объединить в экономическом отношении удаленные области отечества, что грузовое железнодорожное движение может совершаться только до известного предела и этот предел ограничен дороговизной стоимости провоза товаров". Данные, приведенные В.М.Лохтиным, показали, что перевозка по железной дороге хлебных грузов, например, оказывалась рентабельной на расстоянии до 700 верст, каменного угля - до 480 верст; в среднем для всех грузов этот показатель составлял 500-580 верст¹⁾.

Известный ученый по проблемам транспорта, профессор В.Е.Тимонов отмечал, что доставка хлебных грузов в западном и восточном направлениях, перевозка нефти от берегов Волги в центральную Россию и дальше, транспортирование угля Донецкого бассейна и железной руды Криворожского, - все это совершается по железным дорогам. При этом, - продолжал он, - для таких грузов как каменный уголь район перевозок по необходимости ограничивается, несмотря на огромную нужду в этом топливе в России. В результате, имея колоссальные запасы угля, Россия покупала его за границей. В С.-Петербурге цена английского угля составляла 17-23 коп. за пуд. В то же время при наличии водного пути из Донбасса он обходился бы, примерно, по 12-13 коп. за пуд.²⁾

Отсюда вытекала потребность более дешевых путей сообщения, которую могли удовлетворить прежде всего реки.

Фактор обширности территории и ее удаленности от центра страны выступал в отношении азиатской части империи с особенной силой. Соответственно водные пути должны были играть здесь более значительную роль. С начала русской колонизации Сибири так оно и было: речные сообщения имели исключительное значение. Исследователи отмечали образно и точно: "Сибирские речные системы - это единственные пособники в деле предшествовавшего заселения Сибири..."³⁾ Однако сезонный характер их функционирования обусловил постепенное устройство сухопутных дорог круглогодичного действия, хотя и весьма несовершенных, но все же удовлетворявших самые насущные потребности. Железнодорожное строительство в Сибири в конце XIX - начале XX вв. несколько снизило интерес к водному транспорту. Это проявилось в частности в том, что было остановлено сооружение Обь-Енисейского канала или, точнее, соединительного водного пути между бассейнами этих великих рек.

Бурное экономическое развитие Сибири, как и России в целом, в начале XX в. и еще большие потенциальные возможности такового, с одной стороны, а с другой - недостаточная рентабельность железнодорожного транспорта, - эти и другие обстоятельства обусловили в очередной раз повышение интереса к водному транспорту. Отнюдь не случайно в этой связи в отраслевых журналах стали появляться статьи с симптоматическими названиями⁴⁾. В публикациях такого рода настойчиво проводилась мысль о водных путях как средстве наиболее дешевого и удобного передвижения значительных масс грузов. Заинтересованный читатель убеждался: утверждение о том, что водным путем можно доставить грузы быстрее чем по железной дороге, парадоксально лишь относительно небольшого количества грузов. Это утверждение приобретало, по словам авторов, тем большую истинность, чем больше грузов следовало перевезти.

Показательный пример в этом отношении приведен в журнале "Русское судоходство". В частности, необходимые для Петербурга 50 млн. пуд. груза можно было доставить по Мариинской водной системе (при соответствующей организации судоходства) за 2,5 месяца. По железным же дорогам Рыбинской и Николаевской на перевозку этого количества грузов требовалось до 5 месяцев.⁵⁾

Недостаточная пропускная способность железных дорог создавала повсюду "хронические залежи грузов". На юго-западных магистралях, например, к 1906 г. скопилось до 40 тыс. вагонов невывезенных грузов⁶⁾

зов⁶⁾. Очевидной была недостаточная пропускная способность Трансиби-биройкой железнодорожной магистрали⁷⁾.

Идея непрерывного водного пути от С.-Петербурга до Байкала была высказана инженером П.П.Чубинским в докладе, а затем в статье, опубликованной в 1906 г.⁸⁾ Существовавший к тому времени Обь-Енисейский водный путь рассматривался как составная часть общего замысла. П.П.Чубинский совершенно справедливо охарактеризовал состояние имевшегося к тому времени соединительного пути между бассейнами Оби и Енисея как "не имеющего никакого судоходного значения" и нуждающегося в серьезной перестройке⁹⁾.

И в докладе и в статье П.П.Чубинский смог представить, естественно, лишь "общую схему" грандиозного водного пути. Тем не менее главная цель была достигнута: идея вызвала интерес. С докладом П.П.Чубинского ознакомилась Комиссия по вопросу об устройстве внутренних водных путей императорского общества судоходства. Как следует из протокола от 13 февраля 1906 г. комиссия постановила "возбудить ходатайство о производстве на рассматриваемом водном пути необходимых изысканий"¹⁰⁾. Эта задача совпадала с пероспективной программой работы министерства путей сообщения, наметившего приступить с 1908 г. к систематическому исследованию российских рек для создания искусственных водных путей для транзитного грузового движения¹¹⁾.

Однако до 1910 г. изучение водных путей в России не имело характера системы, не было связано общим планом. Отдельные работы этого рода выполнялись по мере необходимости и возникавшего интереса к тому или иному вопросу водного строительства. Результаты исследований и проекты в этот период времени в значительной части сохранялись в оригинале, печатались лишь частично. Следует попутно заметить, что среди опубликованных материалов параллельно издавались атласы планов рек Азиатской России, в том числе Иртыша, верхней части Оби, Ангары и др.¹²⁾.

Разумеется, выступления П.П.Чубинского устное и в печати имели известное значение, но они являлись всего лишь своего рода резонаторами, причем не единственными. И в более общем плане и в отдельных вопросах идея коренных реформ на речном транспорте, в том числе по созданию искусственных водных систем, вынашивалась давно и в начале XX в., можно сказать, витала в воздухе.

В начале 1909 г. была создана Межведомственная комиссия

для составления плана работ по улучшению и развитию водных сообщений империи. Она должна была выработать общую программу деятельности правительства на водных путях. Комиссия состояла из представителей министерств путей сообщения, внутренних дел, торговли и промышленности, финансов и др., а также обществ русского географического, судоходства и др. Заседания этой комиссии начались 11 апреля 1909 г.; ее работу отражал "Бюллетень...", выходящий как приложение к журналу "Пути сообщения России". Первые реальные результаты занятий комиссии ожидалось министерством путей сообщения к концу того же года. Уже в предварительном обзоре задач комиссии ее председатель профессор В.Е.Тимонов констатировал необходимость введения в состав сети водных путей магистралей, направленных от востока к западу, в том числе связывающих сибирские реки. Он отметил, что "в Сибири ближайшее внимание останавливает на себе не имевшее пока никаких результатов соединение Оби с Енисеем, требующее хорошего переустройства". Изыскания и составление проекта по соединению Оби с Енисеем, как и по некоторым другим рекам, были определены как дело ближайших лет¹³⁾.

На одном из заседаний междуведомственной комиссии в ноябре 1909 г. выступил с докладом "О нуждах водных сообщений Западной Сибири" начальник Томского округа путей сообщений Б.А.Аминов. Среди многих нужд сибирского судоходства он отметил необходимость переустройства Обь-Енисейского соединительного пути как составного звена Транссибирской магистрали. Тогда же с докладом "О деятельности Министерства путей сообщения на реках Сибири и программа предстоящих по ним работ" выступил начальник партии по исследованию системы Верхнего Енисея инженер В.М.Родевич. Он изложил программу "технической деятельности" Управления внутренних водных путей и шоссежных дорог. В отношении Сибири во главу программы ставилось осуществление непрерывного водного пути от Урала до Байкала. По разделу исследований изучение района Обь-Енисейского соединительного пути было отнесено к работам первой очереди¹⁴⁾.

Другие доклады В.М.Родевича, сделанные тогда же, в ноябре 1909 г., уже своими названиями ("О наиболее прямом соединении рек Оби и Енисея" и "Проект постановки работ по осуществлению водного пути Тобольск-Иркутск") свидетельствуют о конкретизации задач¹⁵⁾. Деятельный, масштабно мыслящий инженер В.М.Родевич был переведен

вскоре на должность заведующего бюро изысканий Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог.

В 1910 г. в Управлении водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения был принят общий пятилетний план (1911-1915 гг.), исследования рек и водных путей. Цель этого плана заключалась в изучении предполагаемых направлений главных непрерывных магистралей водных путей, которые могли быть проложены на всей территории России. Изучение побочных речных протяжений подчинялось этой главной задаче. Публикацией результатов исследований, обнародованием предварительных отчетов, имелось в виду обеспечить достаточную гласность, дать возможность заинтересованным лицам и учреждениям своевременно выступить с замечаниями и предложениями, что способствовало бы наиболее целесообразному решению вопросов текущего и перспективного устройства водных путей¹⁶⁾.

Рассмотрение практической работы министерства в данном направлении, т.е. реализации программы изысканий, свелось бы в рамках настоящей статьи к перечислению и самой общей характеристике значительного числа экспедиций на реки Сибири, действовавших накануне и в годы первой мировой войны. Поэтому свою задачу мы ограничиваем анализом изысканий по сооружению Обь-Енисейского водного пути. Этого требует прежде всего логика предыдущих наших работ относительно названного водного соединения¹⁷⁾. По поводу же идеи создания грандиозного водного пути, который связал бы европейскую часть страны с восточными окраинами, здесь достаточно отметить следующее. Изыскания по соединению Волго-Камского бассейна с Обь-Иртышским велись с 1910 г. Возглавлял их начальник исследований водных путей Среднего Урала инженер А. И. Фридман. Экономическое обоснование проекта было поручено известному ученому, профессору Петербургского политехнического института В. С. Никольскому¹⁸⁾. Эта масштабная работа нуждается в отдельной публикации.

Как следует из отчета по исследованию Обь-Енисейского водного пути¹⁹⁾, экспедиционная партия для этого района была организована Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог и действовала с 1 марта 1911 г. Программа работ данной партии на 1911-1915 гг. включала три главные задачи. Первая как раз и предусматривала исследование и составление проекта Обь-Енисейского водного сообщения по более южному, чем существовавшее, направлению. (Другая задача заключалась в исследовании реки Енисей между городами Красноярском и Ени-

ейском, а третья состояла в изучении сложных для судоходства мест по Енисею от города Енисейска и до Северного ледовитого океана).

В 1911 г. на водоразделе между бассейнами Оби и Енисея предстояло произвести общий рекогносцировочный осмотр, а также инструментальную разведку водоразделов Кетско-Кемского и Сочур-Кемского. Начальником Обь-Енисейской партии был назначен опытный инженер путей сообщения Е.В.Близняк. Анализируя историю вопроса о рассматриваемом водном пути, сопоставляя картографические материалы, инженер Е.В.Близняк перечислил семь теоретически возможных вариантов соединения бассейнов Оби и Енисея. Это следующие варианты, начиная с севера²⁰):

1. р.Вах (приток Оби)-водораздел-р.Елогуй (приток Енисея);
2. р.Тым (приток Оби) - перевал - р.Сым (приток Енисея);
3. рр.Кеть, Озерная с притоками (со стороны Оби) - канал - рр.Малый и Большой Касы (со стороны Енисея);
4. рр.Кеть, Сочур (со стороны Оби) - перевал - рр. Песчанка, Кемь (со стороны Енисея);
5. р.Кеть (приток Оби) - перевал - рр.Тыя, Кемь (со стороны Енисея);
6. рр.Чулым, Кемчуг (со стороны Оби) - перевал - р.Кемь (приток Енисея);
7. р.Чулым (приток Оби) - перевал у д.Яновой - Енисей.

При "схематическом" сравнении вариантов Е.В.Близняк исходил из того соображения, чтобы выход Обь-Енисейского соединения оказался как можно ближе к устью Ангары, мыслившейся единственным звеном Транссибирской водной магистрали. При соблюдении данного условия сразу же отвергались первый и седьмой варианты. Кроме того при сооружении канала по первому, северному, варианту соединительный путь прошел бы по безлюдной местности на средней широте 62° .

Наиболее южный, седьмой, вариант отличался очень высоким водоразделом, недостаточным количеством воды для питания водораздельного бьефа и значительным удлинением пути. Вариант Тым-Сымский, т.е. второй, не имел, с точки зрения Е.В.Близняка, особых преимуществ перед уже существовавшим Кеть-Касовским сообщением, но соединение по этому варианту прошло бы также по местам совершенно пустынным. По варианту Чулым-Кемчуг - Кемскому, или шестому, пришлось бы пересекать три водораздела. Причем последний водораздел между Кемью и

Енисеем возвышался над ними, согласно уже имевшимся данным на 27 и 51 сажень соответственно. По этому варианту также был очевидным недостаток воды для питания водораздельного бьефа.

Таким образом, по рассуждению Е.В.Близняка, детальному рассмотрению подлежали три оставшихся варианта: существующий Кеть-Касовский, Кеть-Сочур-Кемский и Кеть-Тыя-Кемский. По Кеть-Сочур-Кемскому варианту исследования производились Обь-Енисейской партией в 1911 году. По предварительным предположениям в состав соединительного пути по этому варианту включались (расстояния в верстах):

1. р.Кеть от устья до р.Озерной	- 517
2. р.Кеть от устья р.Озерной до устья р.Сочура	- 158
3. р.Сочур от устья до водораздела	- 161
4. водораздельный бьеф	- 14
5. р.Песчанка Плотбищанская	- 15
6. р.Песчанка	- 19
7. р.Кемь	- 15

869

Однако на основании данных, полученных экспедицией в 1911 г., этот вариант представляется проблематичным. Своими впечатлениями об этом районе инженер Е.В.Близняк поделился позднее с читателями журнала "Водные пути и шоссейные дороги". Он писал, что "водораздел между реками Сочур и Песчанка являл собою возвышенную болотистую местность, заросшую глухой тайгой и совершенно безлюдную. По его овидетельству, места эти были настолько глухие, что даже старожилы ближайших к верховьям Сочура деревень не знали этой реки. Не было о ней сведений и в известном географическом словаре Семенова-Тян-Шанского. Изыскательской партии, работавшей здесь в 1911 г., пришлось искать Сочур в течение пяти дней²²⁾".

Как следует из журнала (протокола) технического совещания Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог от 17 марта 1912 года, Кеть-Сочур-Кемский вариант был изучен достаточно полно в условиях рекогносцировочных исследований с использованием в необходимых случаях совершенных приемов (мензуральная съемка, двойная нивелировка и др.)²²⁾. Малую пригодность этого варианта Е.В.Близняк объяснял главным образом недостаточными запасами воды для питания водораздельного бьефа и системы в целом. Партией был произведен ряд определений расходов воды на реках предполагаемой системы. Для опре-

деления количества осадков и величины испарения воды устраивались дождемерные и испарительные посты. Тем не менее инженер Е. Курдюмов, выступавший экспертом на этом техническом совещании, сделал заключение о пригодности в гидрографическом отношении Кеть-Сочур-Кемского варианта. Он подчеркнул то обстоятельство, что определения расходов воды производились в особенно благоприятных для этого условиях, благодаря исключительно засушливому лету.

В 1911 г. Обь-Енисейская партия успела провести разведочные работы, хотя и менее детальные, с применением упрощенных приемов исследования (барометрическое нивелирование и др.) на Кеть-Тыя-Кемском направлении, отстаиваемом Е. В. Близняком. Этот вариант содержал три подварианта соединительного пути²²⁾.

I

1. р. Кеть от устья до устья р. Шайтанки	- 809
2. р. Шайтанка	- 27
3. водораздельный бьеф	- 21
4. р. Нижняя Березовая	- 10,5
5. р. Тыя	- 55
6. р. Кемь	- 37,5

960 верст

II

1. р. Кеть от устья до устья р. Шайтанки	- 809
2. р. Шайтанка	- 39
3. водораздельный бьеф	- 13
4. р. Верхняя Березовая	- 10
5. р. Тыя	- 60
6. р. Кемь	- 37,5

968,5 верст

III

1. р. Кеть от устья до слияния Б. и М. Кети	- 850
2. р. Большая Кеть	- 30
3. водораздельный бьеф	- 13
4. р. Тыя	- 67
5. р. Кемь	- 37,5

997,5 верст

Материал по Кеть-Тыя-Кемскому направлению, так же как и предыдущий рассматривался в отделе водных и шоссейных сообщений, возглавляемом инженером И.Калининым. По вопросу о необходимости более подробного исследования одного из южных направлений соединительного пути последовало заключение в том роде, что из всех сколько-нибудь изученных вариантов только Кеть-Тыя-Кемский представляет интерес, как решающий вопрос питания системы без сооружения специальных водохранилищ. Это заключение основывалось на предполагаемом избытке воды. Данный фактор, при соответствии остальных условий имел бы весьма важное значение. Дело в том, что в расчет принимались будущие экологические изменения. Предполагалось, что с заселением и развитием края будут изменяться в отрицательную сторону и его гидрографические условия. В зависимости от этих соображений определялся и объем работ партии на полевой сезон 1912 г.²³⁾

Участники технического совещания, состоявшегося 17 марта 1912 года, ознакомились с данными, полученными Обь-Енисейской экспедицией в 1911 г. Детальному рассмотрению и обсуждению подверглись вариант Кеть-Сочур-Кемский и третий подвариант Кеть-Тыя-Кемского варианта. Два других подварианта Кеть-Тыя-Кемского направления не обсуждались на том основании, что они со всей очевидностью не представляли никаких преимуществ в сравнении с рассматриваемыми и, самое главное, являлись "совершенно необеспеченными водой"²⁴⁾.

Анализируя данные по Кеть-Сочур-Кемскому варианту, участники технического совещания убедились в том, что при сооружении соединительного пути по этому направлению потребовалось бы устройство значительного по размерам водохранилища для питания канала на водораздельном бьефе. Кроме того было выяснено, что в дополнительном питании водой будет нуждаться и шлюзованная часть рек на протяжении около 200 верст. Картографический и иной материал ставил под сомнение возможность собрать в этом районе необходимое количество воды. Поэтому участники совещания отвергли необходимость более детального обследования Кеть-Сочур-Кемского варианта.

Третий подвариант Кеть-Тыя-Кемского направления анализировался в сравнении с существовавшим соединительным водным путем (Кеть-Касовским). Учитывались основные данные об условиях питания водой района, протяженность пути, стоимость гидротехнических работ и пр. При этом на стороне Кеть-Тыя-Кемского направления преимущество оказалось лишь в водопитании системы. Следует однако заметить, что

присутствовавший на совещании начальник Томского округа путей сообщения инженер В.А.Аминов, руководивший в свое время строительством Обь-Енисейского водного пути, заявил о существовании к северу от построенного пути значительных, но еще не исследованных озер, способных обеспечить водопитание при развитии системы в будущем.

Учитывая недостаток точных данных по Кеть-Тыя-Кемскому направлению в сравнении с подробно исследованным Кеть-Касовским, где уже существовал соединительный путь, техническое совещание высказалось за необходимость более детального исследования первого. В соответствии с этим решением была определена программа работ Обь-Енисейской экспедиции на 1912 г. Основная задача состояла в отыскании наиболее пониженной точки водораздела. Коль скоро таковая была бы найдена, то это существенно снизило бы объем работ по выемке грунта при строительстве канала. Следует отметить, что по предварительным изысканиям 1911 г. стоимость части гидротехнических работ составляла около 38% общей проектной стоимости соединительного пути. В рамках этой задачи предстояло производство буровых работ и др.²⁵⁾

Обь-Енисейскую экспедицию 1912 г. возглавлял, как и в предшествующий полевой сезон, инженер путей сообщения Е.В.Близняк. В теоретическом плане исследуемое направление представлялось весьма заманчивым. Предполагаемый водный путь проходил по району более перспективному в сельскохозяйственном отношении, что имело немаловажное значение в условиях столыпинской аграрной реформы. Этот район, располагающийся, примерно, на широте Енисейска, был достаточно известен в истории торговых отношений России с Китаем благодаря издавна устроенному волоку, олужившему для переброски груза между бассейнами Оби и Енисея.

Кеть-Тыя-Кемский вариант был исследован в районе наибольшего сближения рек Кети и Тыи основательно. В этом убеждает журнал технического совещания Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог, состоявшегося 19 апреля 1913 г.²⁶⁾ Предварительно изучались также материалы предшествующих экспедиций, в частности исследований 1875 г., проведенных под руководством лейтенанта А.К. Сиденсера. Были тщательно проведены инструментальная и подробная барометрическая нивелировки.

Полученные данные позволили составить проектные предположения на сооружение ветви Обь-Енисейского водного пути по рекам Кети (от

устья до р.Озерной), Тые (другое название - Еловка) и Кеми. Примерная стоимость этого пути исчислялась в 54,8 млн.руб., что на 31,5 млн.руб. превышало сумму, необходимую для коренного переустройства существовавшего водного пути по Кеть-Касовскому направлению. Столь значительная разность была обусловлена, помимо прочего, необходимостью значительных работ по выемке грунта на водораздельном бьефе по Кеть-Тыя-Кемскому варианту. (При устройстве канала длиной около 14,5 верст глубина выемки должна была составлять 17 саженей).

По мнению Е.В.Близняка, разность в стоимости гидротехнических сооружений по указанным вариантам, даже без учета технических трудностей Кеть-Тыя-Кемского варианта, заставляла "решить вопрос категорически в пользу Кеть-Касовского направления"²⁷⁾, т.е. в пользу существовавшего водного пути. Аналогичным по сути было и заключение технического совещания²⁸⁾. Таким образом предостояло более углубленное изучение возможностей коренного переустройства созданной ранее соединительной системы между бассейнами Оби и Енисея. Эта работа началась в 1913 г. Были произведены подробные съемки Кети на том протяжении реки, на котором она входила в состав соединительного пути: от устья до впадения р.Озерной (631 верста). Такая необходимость возникла в связи с тем, что до 1913 г. точных планов Кеми не имелось, а данные, полученные в 1876 г., основывались на приблизительной, глазомерной съемке. Кроме того в 1913 г. производилась двойная инструментальная нивелировка на протяжении всего пути от Оби до Енисея и были установлены металлические реперы для закрепления работ экспедиции²⁹⁾.

В 1914 г. проводились дополнительные съемки, нивелировки и геологические изыскания в связи с требованиями проекта соединительного водного пути. Для изучения водной мощности рек системы был организован Обь-Енисейский гидрометрический район с четырьмя станциями круглогодичного действия. Полученные результаты позволяли считать исследования по Обь-Енисейскому пути почти законченными. Параллельно разрабатывались материалы предыдущего полевого сезона и составлялись проектные предположения соединительного пути. На дальнейший ход работы по переустройству соединительного пути повлияла война. На 1915 г. полевые работы уже не планировались. Завершением обработки материалов и составлением эскизного проекта водного пути занимался окрашенный состав инженеров³⁰⁾.

Возможность переустройства или окончательного устройства Обь-Енисейского соединительного пути представлялась вполне реальной. Об этом свидетельствует "Записка о возможной очереди осуществления соединительных водных путей в Российской империи", составленная заведующим бюро изысканий Управления внутренних водных и шосейных дорог инженером В.М.Родевичем и опубликованная в 1913 г.³¹⁾ Как следует из названия, данная публикация не имела характера официальной программы, но должность и причастность автора к этой работе позволяют отнести к его записке по крайней мере как к материалу для выработки такой программы. Автор подчеркнул, что в данной связи он не стремился определить сроки строительства тех или иных соединительных путей, поскольку конкретные даты всегда зависят от наличия средств и иных обстоятельств. Вместе с тем он отметил, что последовательность или очередность осуществления проектов водных соединений более или менее очевидна. В.М.Родевич отказался и от попытки наметить общую для всей России очередность работ в этом отношении, разбил территорию империи на восемь районов. В первую очередь он поставил разработанные или разрабатываемые проекты водных путей на том основании, что при подготовке этих проектов уже сама по себе соблюдалась известная очередность.

В данном контексте совершенно естественно видеть Обь-Енисейский (и Камско-Иртышский) соединительный путь в числе пяти первоочередных объектов предстоящего водного строительства³²⁾.

Обосновывая очередность водного строительства для Сибири, В.М.Родевич не удержался от козвенного прогноза, предположив, что "открытия сквозных вывозных путей - Камско-Иртышского и Обь-Енисейского - раньше 5-7 лет ожидать нельзя"³³⁾. Следует напомнить, что это было сказано до начала первой мировой войны, которая несомненно отодвинула бы и более точные сроки строительства водных путей в России. Вместе с тем очевидно, что попытка определить сроки строительства Обь-Енисейского водного пути, предпринятая компетентным лицом, - это еще одно свидетельство серьезности намерений министерства путей сообщения дореволюционной России по созданию Транссибирского водного пути.

Мировая война и последовавшие за ней социальные потрясения в России помешали реализации, воплощению в жизнь дерзновенной идеи создания Транссибирского водного пути. Идеи, которую вынашивали и делали многие поколения наших предков, пытавшихся доказать необсо-

лотность той истины, что "за морем телушка - полушка, да дорог перевоз". К сожалению, в послеоктябрьский период истории страны мысль проектеров относительно сибирских рек тшилась над тем, чтобы повернуть их вспять, но не работала в том направлении, чтобы соединить их и создать единую рентабельную функционирующую транспортную сеть. Во многом абсурдная экономика предшествующих десятилетий, обусловившая сегодняшние социальные и политические катаклизмы, должна смениться экономикой реалистичной, отвечающей требованиям жизни.

Путь к этому состоит, кроме прочего, в предельно целесообразной организации перевозок. А для этого, в свою очередь, потребуется создание единой четко функционирующей сети коммуникаций, объединяющей все виды транспорта. Эта аксиома и автор статьи далек от претензий на открытие. Моот, связывавший прошлое с настоящим и перекинутый в будущее, есть исторический опыт. Наша цель достигнута, если удалось его обобщение в рамках поставленной задачи.

Примечания:

1. Труды Четырнадцатого съезда русских деятелей по водяным путям в 1912 г. // Журналы заседаний. СПб., 1912. С. 15.
2. Пути сообщения России. 1909. № 6. Приложение. С. 58.
3. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. СПб., 1906. Вып. 17: Обзор сибирских судоходных рек. С. 2.
4. См., например: А-ич. Неотложная реформа // Русское судоходство. 1906. № 1. С. 1.
5. См.: Левандовский Ф. И. Нынешние и будущие внутренние водные пути России // Русское судоходство. 1906. № 1. С. 29.
6. Там же. С. 54.
7. Русское судоходство. 1906. № 9. С. 4.
8. См.: Чубинский П. Непрерывный водный путь от С.-Петербурга до озера Байкал // Русское судоходство. 1906. № 5. С. 39-73.
9. Там же. С. 53.
10. Протокол заседания комиссии по вопросу об устройстве внутренних водных путей // Русское судоходство. 1906. № 9. С. 2-7.
11. К систематическому исследованию сибирских рек // Русское судоходство. 1908. № 1. С. 140.
12. См.: Материалы для описания русских рек... СПб., 1912. Вып. 30. С. III-IV.

13. См.: Пути сообщения России. 1909. № 6. Приложение. С. 58, 62.

14. См.: Пути сообщения России. 1910. № 7-8, часть неофиц.: Вюллетень междуведомственной комиссии для оставления плана работ по улучшению и развитию водяных сообщений империи. 1910. № 14. С. 878, 890, 896.

15. Там же. С. 925-936.

16. См.: Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. СПб., 1912. Вып. 30. С. III-IV.

17. См.: Большаков В. Н. О соединительном водном пути между бассейнами Оби и Енисея // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. Вып. I. С. 118-135; Он же. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск, 1991. С. 135-150.

В монографии, как следует из ее названия, история Обь-Енисейского соединительного пути рассматривается до начала XX в. В статье же лишь упомянуты изыскательские работы по данному направлению, проводившиеся накануне первой мировой войны.

18. См.: Соединение Камы с Обью // Русское судоходство. 1910. № 8. С. 134-135; Герасимов Н. В. Проект Трансуральского водного пути // Русское судоходство. 1911. № 11. С. 20-35; Протоколы общих собраний по докладу Н. В. Герасимова // Русское судоходство. 1911. № 12. С. 4-7.

19. См.: Материалы для описания русских рек... СПб., 1912. Вып. 30. С. 94-95, 170-173.

20. См.: Материалы для описания русских рек... СПб., 1913. Вып. 36. Ч. I. С. I-5.

21. Водные пути и волжские дороги. 1914. № 2. С. 2.

22. См.: Материалы для описания русских рек... Вып. 51. Ч. II. С. 67-71.

23. Там же. С. 74.

24. Там же. С. 75-79.

25. Там же. С. 76.

26. Там же. С. 80-85.

27. Там же. С. 64.

28. Там же. С. 85.

29. Материалы для описания русских рек... СПб., 1915. Вып. 60: Текст. С. 65-66.

30. Там же. С. 63-64, 66-67.

31. Записка о возможной очереди осуществления соединительных водных путей в Российской империи/ Соост. инж. В.М.Родевич. СПб., 1913.35 с.

32. Там же.С.8.

33. Там же.С.23.

Е.Н.Косых

ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX В.-1919 Г.)

История промышленности Сибири – неотъемлемая часть истории края. Эти слова можно с полным правом отнести и к истории полиграфии – одной из составляющих истории обрабатывающей промышленности региона. И если история обрабатывающей промышленности Сибири рассматриваемого нами периода усилиями В.А.Скүбневского, В.П.Зиновьева, Д.М.Зольникова, В.А.Кадейкина, Н.А.Свешникова и др. изучена в целом довольно полно, то этого нельзя сказать об истории полиграфии.

Эта тема еще не стала предметом специального изучения. Причины этого нам видятся, во-первых, в том, что в то время полиграфическая промышленность Сибири явно отставала от других отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь – от пищевой и металлообрабатывающей, по объемам производства и числу занятых в ней рабочих. Отсюда малый интерес исследователей к ее истории. И во-вторых, в специфике, выражающейся в уникальности производимого здесь материального продукта – книги, брошюры, журналы, газеты, листовки.

В силу этого история полиграфической промышленности Сибири тесно смыкается с историей техники, культуры, печати и требует комплексного подхода к ней со стороны историков, культурологов, книговедов. Поэтому отдельные экскурсы в историю краевой полиграфической промышленности конца XIX в. – 1919 г. можно найти как в работах историков промышленности и рабочего класса В.П.Зиновьева, В.А.Скүбневского, Д.М.Зольникова, В.А.Кадейкина и др.¹⁾, так и в исследованиях историков культуры, книжного дела, краеведов А.Л.Посадского, М.А.Белокрыс, В.Н.Волковой, В.А.Гаврилко, Н.М.Дмитриенко и др.²⁾ В одной из наших работ мы также попутно обращались к этому историческому сюжету.³⁾

Но рассматривая упомянутые исследования можно говорить лишь об относительном накоплении фактического материала по теме, о сколько-нибудь широких обобщениях, а тем более о воссоздании цельной

картины состояния и развития полиграфической промышленности в Сибири конца XIX в. - 1919 г. говорить не приходится.

Исходя из этого, целью нашей статьи является максимально полная ликвидация этого пробела в истории региона. Мы попытаемся дать максимально полные на сегодняшний день количественные и качественные характеристики полиграфической промышленности Сибири на рубеже веков, перед и во время первой мировой войны, в период революции и гражданской войны.

Для этого мы используем широкий комплекс неопубликованных и опубликованных источников из фондов главного управления по делам печати и союза печатных фабрикантов в России (ф. 776, 117 - Российского государственного исторического архива - бывш. ЦИА СССР), фондов особой комиссии по ликвидации главного управления по делам печати Временного правительства, Канцелярии Временного правительства, Канцелярии по внутренним делам РСФСР (ф. 1787, 6, 393 - Государственного архива Российской Федерации - бывш. ЦГАОР СССР), фондов союза сибирских кооперативных союзов "Закупобыт", союза сибирских кредитных союзов "Синкредсоюз", сибирского краевого комитета работников связи (ф. Д-51, Р-31, Д-508 Государственного архива Новосибирской области), союза кооперативных объединений Западной Сибири (Р-151 - Государственного архива Омской области), отдела труда и промышленности комитета советских организаций Восточной Сибири, Иркутского губернского союза кооперативов "Иргубсоюз" (Р-771, Р-222 - Государственного архива Иркутской области), Забайкальского областного союза кооперативов, Забайкальского областного комиссара Временного правительства (35, 334 - Государственного архива Читинской области) и др., а также опубликованные статистические данные, материалы периодики и факты, введенные в научный оборот в исследовательской литературе.

Крайними датами нашего изучения избраны конец XIX в. и 1919 г. Конец XIX в. - это время массового возникновения частновладельческих типографий в Сибири. 1919 г. - время окончательного установления Советской власти в крае и время начала национализации частных типографий. На долгие 70 с лишним лет полиграфическая промышленность региона останется полностью государственной.

Датировка событий вплоть до 31 января 1918 г. дается по старому, а с 14 февраля 1918 г. - по новому стилю.

Развитие полиграфической промышленности и книгопечатания в

Сибири началось, как известно, с конца ХУШ в.⁴⁾ Но только в 50 - начале 60-х гг. XIX в. местное книгопечатание стало относительно стабильным⁵⁾. Вплоть до конца века подавляющее большинство типографских предприятий принадлежало государству и специализировалось на выпуске ведомственных изданий - "обзоров", "отчетов", "программ", "протоколов", "инструкций", "проектов", "уставов", "смет", а также официальных органов печати - губернских и областных "Ведомостей". Типографическая техника была еще достаточно примитивна.

К примеру, в ведущем культурном центре дореволюционной Сибири - г.Томске первая типография для облуживания канцелярских нужд губернской администрации открылась в 1819 г. Ее оборудование составляли три ручных печатных станка, два деревянных и один чугунный, десяток касс со шрифтом⁵⁾. С начала выпуска в 1857 г. первой газеты - "Томских губернских ведомостей" - понадобилось обновление типографского оборудования - прикупили один новый станок и кассы с французским и немецким шрифтами. В конце 60-х гг. XIX в. в томской губернской типографии появилась первая скоропечатная ручная машина (2400 отисков в час против 300 на станке). Станки и шрифты в Сибири не производились, их закупали в Европейской России и за границей.

Новый этап в развитии томской полиграфии связан с созданием в 1876 г. первой в губернии частной типографии В.В.Михайлова и П.И.Макушина, оснащенной новым оборудованием - тремя скоропечатными машинами, тремя станками, литографией.

Нельзя не огласиться с мнением Н.М.Дмитриенко о том, что в конце XIX в. "быстрорастущий спрос на печатную книжную и газетную продукцию стимулировал появление новых типографий и одновременно предъявлял к их владельцам серьезные требования к модернизации производства"⁷⁾.

Во второй половине 1890 - начале 1900-х гг. произошло переоснащение большинства сибирских типографий печатными машинами, действовавшими от паровых и нефтяных двигателей. Это позволило журальским предпринимателям перейти к двухколонковому набору, особой рамочной обложке, к печатанию особо сложных изданий, как например "Каталог Главной Библиотеки Томского Университета", "Известия"⁸⁾ университета, технологического института, а также учебников⁸⁾.

Такой же характер к началу XX в. носили многие издания Западно-Сибирского отдела Российского географического общества, Общества любителей исследования Алтая, Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО, сибирских отделов Московского общества сельского хозяйства и др.

Признанием довольно высокого мастерства сибирских, и в частности томских полиграфов, стало присуждение золотой медали Уральской научно-промышленной выставки "За отличные типографские работы" макушинской типографии в 1877 году. Макушинские издания были здесь квалифицированы как безупречные по исполнению⁹⁾.

В конце XIX в. в Сибири начинают возникать епархиальные типографии. Тобольское епархиальное братство, православное и миссионерское общество в Томске, Алтайская миссия в Бийске, Комитет по устройству религиозно-нравственных чтений в Иркутске и др. организации начинают выпускать религиозно-нравственную литературу "для народа". Так, открытая в 1894 г. типография Тобольского братства издала за первый год работы 31 номер "листочков" тиражом 155 тыс. экземпляров, брошюры религиозного содержания в количестве 20 тыс. экземпляров и брошюры по случаю смерти императора Александра III и вошествия на престол Николая II тиражом 30 тыс. экземпляров¹⁰⁾.

На рубеже столетий в Сибири появились первые подпольные типографии революционных организаций. Их возникновение связано с таким специфическим явлением в жизни Сибири как рост политической - в том числе и социал-демократической - ссылки, а также с общим подъемом революционного движения в крае. К примеру, руководители "Сибирского социал-демократического союза" писали в 1903 г. в редакцию газеты "Искра", В.И. Ленину: "Комитеты выпустили по несколько листовок на местные и общие темы (техника: в Красноярском и Томском комитетах - типографии, в Иркутском - ремингтон через мимеограф, в Читинском - гектограф)"¹¹⁾. Н.К. Крупская сообщила в том же году в Москву и Киев: "В Томске две типографии, собственность сибирского союза..."¹²⁾

Ко второму съезду РСДРП в Сибири были перепечатаны многие статьи из газеты "Искра", в виде брошюр изданы статьи В.И. Ленина "С чего начать?", "К деревенской бедноте", "Насущные задачи нашего движения" и др. В подпольных типографиях увидели свет проект программы РСДРП, Эрфуртская программа германской социал-демократии,

брошюра И.Г. Лемана (П.Г. Сидовича) "Начало германской социал-демократии" и другие материалы¹³⁾.

В 1900-1901 гг. была предпринята попытка организовать в Сибири выпуск нелегальной газеты "Революционная Россия", задуманной как центральный орган создававшейся партии эсеров. 23 сентября 1901 г. жандармы конфисковали на переселенческом пункте близ Томска типографское оборудование, шрифты и экземпляры отпечатанного третьего номера "Революционной России"¹⁴⁾.

Налаживается в городах края и выпуск легальных периодических изданий. Уже в 1895 г. они выходили в 7 городах Сибири: Томск - 7 журналов и 3 газеты, Иркутск - 6 журналов и 2 газеты, Тобольск, Омск, Красноярск - по 2 журнала и 2 газеты, Якутск - 1 журнал и 1 газета и Чита - 1 газета¹⁵⁾.

В 1900-1904 гг. только в типографиях Томска (а было их в те годы уже шесть) печатались 10 журналов и 6 газет, а общее число периодических изданий в Сибири достигло 34¹⁶⁾.

Эти показатели отражают резко возросшие объемы производства полиграфической промышленности региона.

В целом можно сказать, что к началу XX в. полиграфическая промышленность Сибири, книгоиздание прошли примерно те же этапы становления и развития, что и полиграфия и книгоиздание всей русской провинции, с поправкой на дополнительные трудности этого процесса, связанные с удаленностью от центра страны, территориальной разобщенностью отдельных очагов культуры, относительной слабостью книжного рынка.

Сказывались, конечно, и общая отсталость восточных окраин царской России в экономическом отношении, малочисленность типографий по сравнению с их количеством в культурных центрах европейской части страны, и меньшая техническая оснащенность сибирских полиграфических заведений.

Но несмотря на это к концу XIX в. сибирское книгоиздание становится весьма заметным явлением общественной жизни, отражающим в себе характернейшие черты экономического, политического и культурного развития края, мощным фактором дальнейшего его социально-экономического прогресса.

В это время возникают предпосылки и для зарождения в Сибири частных книгоиздательских фирм. Такой фирмой фактически становится сибирский книжный магазин В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томо-

ке. Эта торговая фирма включала в себя упомянутый книжный магазин, типо-литографию, переплетное и линовальное заведение, магазин письменных канцелярских и чертежных принадлежностей.

Несколько позже, в 1908 г. П.И.Макушиным и деятелями, группировавшимися вокруг редакции газеты "Сибирская жизнь" создается в Томске крупнейшее частное издательство - Сибирское товарищество печатного дела. В составе его была одна из крупнейших в Томске типографий.

Конечно, Томск этих лет является признанным культурным и полиграфическим центром Сибири, в других городах подобных книгоиздательских объединений не было. Книгоиздательство существовало само по себе, а книгопродажа - сама по себе.

Уже в начале нашего века в сибирском регионе активно функционировали достаточно крупные по тем временам предприятия, среди которых можно назвать не только типолитографию П.И.Макушина, но и типографию М.Н.Кононова (Томск), паровую типографию И.П.Казанцева, типолитографию "Конкуренция" Торгового дома П.И.Макушина и В.М.Посохина, К.И.Витковской, электротипографию С.А.Серебренникова (Иркутск), паровую типографию Жилина (Красноярск), многие другие. Продолжали свою работу и губернские типографии. В этих полиграфических заведениях работали сотни рабочих.

Первая русская революция 1905-1907 гг., отражая небывалый подъем самосознания народа, вызвала к жизни массовую политическую и общественно-просветительную литературу. Она расходилась молниеносно.

Характеризуя эти годы, лидер большевиков В.И.Ленин писал: "Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, низами так жадно, как никогда еще до того не читали в России... Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную - демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом"¹⁷⁾.

С октября 1905 г., когда фактически в России была отменена предварительная цензура, и до конца первой русской революции, по подсчетам знатоков книжного дела, в стране было выпущено в свет не менее 50 млн. экземпляров книг "определенного прогрессивного направления"¹⁸⁾.

В Сибирь из-за Урала были ввезены сотни тыс. таких изданий, в массовом порядке они печатались и в регионе. Это стимулировало

появление новых типографий: А.А.Бисоцкой, А.И.Кочешева - в Тобольске, В.П.Буркова - в Тюмени, И.М.Познер, А.Г.Сунгурова - в Омске, В.Г.Павлова, П.В.Орнатского и В.А.Шлунтосица - в Барнауле, товарищества "Русской скоропечатни", "Азиатская Русь" - в Чите, И.И.Валова и Ахитовича - в Неринске и др.

Продолжала развиваться и нелегальная сибирская революционная печать. К примеру, только в ноябре 1905 г. Красноярский комитет РСДРП издал и распространил 35500 экземпляров листовок восьми наименований¹⁹⁾. То же самое наблюдалось и в других крупных городах Сибири - Иркутске, Омске, Томске, Барнауле.

В дни всеобщей октябрьской политической стачки 1905 г. появилась новая форма революционной печати - бюллетени стачечных комитетов "Стаечные листки", в них освещался ход революционного движения, разъяснялись задачи рабочих. Издавались эти "Стаечные листки" в типографиях сибирских комитетов РСДРП.

В период наивысшего подъема первой русской революции появились в крае и большевистские газеты "Красноярский рабочий" и "Забайкальский рабочий". "Красноярский рабочий" имел тираж 5-6 тыс., "Забайкальский рабочий" - 8-10 тыс. экземпляров.

Социал-демократы Сибири издавали в своих типографиях и другие газеты - "Рабочий", "Летучий листок" в Иркутске, "Хроника" и "Сибирский путь" в Красноярске, "Голос социал-демократа" и "Сибирский социал-демократический листок" в Томске, "Обской рабочий" в Новониколаевке, "Барнаульский листок" и др.

После октября 1905 г., когда в России были провозглашены свободы слова, собраний, печати и фактически была отменена предварительная цензура, региональные типографии были завалены заказами на печатание все увеличивающегося вала периодических изданий. Если в 1900-1904 гг. в Сибири выходило 34 журнала и газеты, а в 1905 г. - 35, то уже в 1906 г. - 113²⁰⁾. Рост, как видим, более чем четырехкратный, причем впервые газеты стали количественно преобладать над журналами (соотношение 84:29).

Поражение первой русской революции самым негативным образом отразилось не только на революционном и общественно-политическом движении, но и на культуре, на книге, печати. Так, в 1908 г. в Сибири издавалась уже только 49 газет и 22 журнала²¹⁾, резко снизилось производство книг и особенно брошюр.

Но основы местной полиграфической промышленности были заложены

жены. По подсчетам В.А.Скубневского в 1908 г. в Сибири функционировало уже 15 фабрично-заводских полиграфических предприятий с числом рабочих в 704 человека, в 1914 г. - 32 с числом рабочих в 1561 человек²²⁾. По данным фабричной инспекции в 1914 г. только в Томской губернии насчитывалось 115 типографских станков²³⁾.

Часть этих фабрично-заводских заведений давала и значительный доход владельцам. Так, в 1912 г. среди сибирских предприятий с суммой производства 100 тыс. руб. и более учтены и 6 полиграфических предприятий с суммой производства в 960 тыс. руб.²⁴⁾

Крупные полиграфические предприятия в Сибири основывались и капиталистами из других регионов страны. К примеру, в Томске и Омске крупные типографии открыла "Яковлева С.П. печатня" (Москва).

Как уже отмечалось, к периоду первой мировой войны количество типографских рабочих в Сибири исчислялось тысячами. Рабочие-печатники и рабочие по обработке бумаги составляли к этому времени уже 6,1% рабочих обрабатывающей промышленности.

Первая мировая война, как известно, крайне неблагоприятно отразилась на экономике России и Сибири, в том числе и на полиграфической промышленности. Разруха, нехватка бумаги, ее резкое вздорожание, рост накладных и транспортных расходов и, наконец, усиление цензурного гнета привели к быстрому росту цен на печатную продукцию, затруднили ее издание.

Издательские показатели сибирского книжного дела после кратковременного взлета перед войной заметно падают. Сокращение ощутило уже в 1914 г.: только 104850 экз. тиража при 136 названиях²⁵⁾. В конце 1916 - начале 1917 гг. в Сибири было отпечатано только 102 книги, средним объемом 64,3 страницы и средним тиражом 845 экземпляров. Из них 62,8% составляла так называемая "ведомственная" литература: уставы, отчеты, докладные записки различных обществ, много выпускалось религиозной и духовно-нравственной литературы.

Поскольку Россия вплоть до Октябрьской революции оставалась буржуазным государством, то прибыльное типографское дело оставалось, в основном, в руках частного капитала. По подсчетам А.Л.Посоадского, из 95 типографий, имевшихся в Сибири к октябрю 1917 г., 55% (52) принадлежали капиталистам-частникам или капиталистическим фирмам ("товариществам печатного дела"), 12 находились в руках кооперативов и земств, 10 типографии были государственными,

7 - ведомственными, 3 обслуживали церковь (типографии "епархиальных братств"), 2 типографии носили названия коммерческих, 3 типографии принадлежали местным отделам партии конституционных демократов (кадетов) и 2 отделам социалистических партий. Принадлежность 4 типографий им не установлена²⁶⁾. В среднем получилось по 12 типографий на сибирскую губернию или область. В масштабах России эти цифры были средними²⁷⁾.

В 1917-1919 гг. в связи со стремительным ростом сибирской кооперации росло и количество ее типографий. Только летом 1917 г. приобрели собственные типографии всесибирское объединение потребительских кооперативов "Закупсбыт" в Новониколаевске, объединение Алтайских кооперативов, объединение Енисейских кооперативов "Енсоюз", "Томский кооператор" и др.²⁸⁾

Репортер "Сибирской жизни" отмечал в середине июля 1917 г.: "...три самых крупных в Новониколаевске типографии теперь находятся в руках кооперативов: "Закупсбыта", "Обского кооператора" и кредитного союза²⁹⁾".

Собственной бумаги выпускалось в Сибири недостаточно. А.Д.Попадков считает, что в период от февраля к Октябрю в регионе производила бумагу только одна Бархатовская фабрика под Иркутском производительностью 28 тыс. пудов бумаги в год³⁰⁾. По нашим же данным, в 1917 г. в Сибири выпускалось бумаги как минимум в II раз больше: в Тобольской губернии работали еще две бумагоделательные фабрики И.Е.Ятеса "Успенская" и "Сибирская" производительностью 250 тыс. пудов различной бумаги в год³¹⁾. Кроме того, местные торговцы ввозили в Сибирь бумагу с уральских фабрик, дешевую, но плохую по качеству, желтую и грубую финскую бумагу, с востока поступала и дорогая рисоная, но исключительно белая и качественная японская бумага. И все же бумаги для полиграфической промышленности Сибири не хватало.

Недостаток газетно-журнальной и других видов бумаги ощущался не только в Сибири, но и по всей России в целом. До первой мировой войны в России выпускалось до 20 млн. пудов бумаги в год и завозилось извне до 9 млн. пудов. В 1917 г. было произведено только 9 млн. пудов, а импорт в условиях войны резко сократился³²⁾.

"Во всех городах России ощущается недостаток бумаги" - констатировал в мае 1917 г. сотрудник томской социалистической га-

зеты "Голос свободы" И.А.Евсенин³³⁾. Об этом в тот момент писали буквально все сибирские газеты.

Казалось бы логичным было ожидать в эти месяцы дальнейшего сокращения полиграфического производства: выпуска книг, брошюр, журналов, газет и др. На деле же произошло обратное: в России и в Сибири в том числе, в 1917 г. наблюдался настоящий полиграфический взрыв.

Февральская революция кардинально изменила политическую обстановку в стране. Среди других свобод, которые провозгласило Временное правительство, была и свобода печати. Военная цензура в условиях продолжавшейся войны сохранилась, но гражданская цензура в тылу, в том числе и в Сибири, была отменена³⁴⁾.

Буржуазные, мелкобуржуазные партии, партия большевиков развернули активную агитационно-пропагандистскую борьбу за массы населения. Только в Иркутске в 1917 г. вышло свыше 110 книг и брошюр тиражом от 500 экземпляров, около 50 газет, 7 журналов³⁵⁾.

Особенно впечатляющим был рост газетно-журнального производства. Если в феврале 1917 г. в Сибири выходили 33 газеты, то в марте уже 72, в апреле - 81, в мае - 88, июне - 93 и так далее, до высшей точки в сентябре - 101 наименование. То же можно сказать и в отношении журналов. С марта по декабрь 1917 г. на территории Сибири одновременно выходило 67 журналов. Количественный рост по сравнению с февралем 1917 г. более чем двукратный. Газеты издавались тиражом от 3-4 до 10-15 тыс., журналы - от нескольких сот до 2-3 тыс. экземпляров³⁶⁾. Все это с учетом выпуска в 1917 г. миллионов экземпляров листовок наложило свой отпечаток на полиграфическую промышленность края.

Непомерная нагрузка на необновляемое типографское оборудование, дальнейшее ухудшение условий труда, снижение реальной заработной платы рабочих - характерные черты ее состояния перед Октябрьской революцией.

Бурные события в Сибири, последовавшие вслед за установлением Советской власти, гражданская война, национализация и денационализация типографского оборудования, репрессивные действия по отношению к редакционным коллективам, части рабочих-печатников в начале большевиков, а затем и колмаковцев ускорили процесс фактического развала полиграфической промышленности региона.

Развал совершили действия колчаковцев при отступлении. Большинство типографий Западной Сибири с переездом колчаковского правительства в Иркутск было разграблено или целиком похищено³⁷⁾. На станциях, железнодорожных путях наступающие красноармейские части находили массу типографской техники, брошенной белыми. Так, в районе г. Омска такого оборудования нашли 20 вагонов, под Новониколаевском - 26 вагонов³⁸⁾. В Барнауле были разукomплектованы типографии Алтайского губернского управления, газеты "Народная свобода", в Новониколаевске из конторы "Закупобита" были похищены 2 ротатора и др.³⁹⁾

В Иркутске было найдено 192 бесхозных типографских, литографских, корректурных и переплетных машин и станков, 2234 пуда шрифта, 300 пудов гарта, 29 моторов для типографий, 122 комплекта медных линейек, 935 пудов беспорядочно разбросанных станков и наборных касс⁴⁰⁾.

Нельзя не согласиться с выводом А.Л.Посадкова о том, что после отступления белогвардейцев в некоторых районах Сибири кадетское дело было отброшено к временам первопечатания⁴¹⁾.

С 1920 г. началась новая, советская страница в развитии полиграфической промышленности края.

В целом же, оценивая полиграфическую промышленность Сибири конца XIX в. - 1919 г., нужно сказать, что сибирское книгоиздание прошло в эти годы те же этапы становления и развития, что и вся книгоиздающая русская провинция, с необходимой поправкой на дополнительные трудности этого процесса, связанные, как известно, с удаленностью от центра страны, большой территориальной разобщенностью отдельных очагов культуры, сравнительной слабостью книжного рынка.

Сказалась, конечно, и отсталость восточных окраин России в экономическом отношении, малочисленность их типографий по сравнению с европейской частью страны, меньшая техническая оснащенность сибирских полиграфических заведений.

Но несмотря на это к периоду революций 1917 г. и гражданской войны сибирское полиграфическое производство стало весьма заметным явлением общественной и экономической жизни, мощным фактором социально-экономического процесса.

К сожалению, в период революций и гражданской войны полигра-

фическая промышленность Сибири оказалась практически разрушенной. При Советской власти ее восстановили заново на государственной основе.

Примечания:

1. Зиновьев В.П. Рабочие в Сибири в 1907-1917 гг.//Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С.3-37; Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск, 1991. 271 с.; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 456 с.; Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1982. 425 с. и др.
2. Посадеков А.Л. Сибирская книга и революция. 1917-1918. Новосибирск, 1977. 265 с.; Посадеков А.П. Книжное дело в Сибири. 1919-1923. Новосибирск, 1979. 352 с.; Белокрыс М.А. Верхнеудинские типографии начала XX в.//Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991. С. 50-54; Волкова В.Н. Сибирская книга второй половины XIX в.//200 лет книгопечатания в Сибири. Очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1969. С.58-87; Говрилко В.А. Книжное дело Кузбасса в до-революционный период: проблемы зарождения книгоиздания и книготорговли (конец XIX - начало XX в.)//Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991. С.37-40; Дмитриенко Н.М. Типографии старого Томска (первая половина XIX в. - начало XX в.)//Там же. С.29-32.
3. Косых Е.Н. Книжное дело в Сибири в период империализма//200 лет книгопечатания в Сибири. Очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1969. С.102-122.
4. Белокрыс М.А. Книгопечатание в Восточной Сибири в конце XVIII - середине XIX вв.//Там же. С.30-47; Соболевская Т.Н. Тобольская типография Корнильевых. Основные итоги изучения//Там же. С.12-30.
5. Волкова В.Н. Сибирская книга второй половины XIX в.... С.59.
6. Дмитриенко Н.М. Типографии старого Томска... С.29-30.
7. Там же. С.30.
8. Сибирская советская энциклопедия. М., 1931. Т.2. Стлб. 212-213.
9. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск, 1986. С.72.
10. Тобольские епархиальные ведомости. 1895. № 6. С.113-119.
11. Переписка В.И. Ленина и редакции газеты "Искра" о социал-демократических организациях в России. В 3-х т. М., 1976. Т.3. С.324.

12. Там же. М., 1975. Т. 2. С. 160.
13. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 680; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 36-38; Государственный архив Красноярского края. (ГАКК). Ф. 595. Оп. 69. Д. 1. Л. 2-3.
14. История Сибири в 5 т. Л., 1968. Т. 3. С. 220.
15. Сибирская советская энциклопедия. М., 1931. Т. 2. Стлб. 212.
16. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов/Составители И. Г. Моисина и Е. Н. Косых. Томск, 1991. С. 78. Табл. 1.
17. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 83.
18. Дорошевичский Б. Книжное дело в эпоху первой русской революции (1905-1907 гг.)//Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 163; Иoffee А. М. Издательская деятельность большевиков в 1905-1907 гг. М., 1971. С. 141.
19. Большевицкая печать и ее роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири (1895-1917 гг.). Томск, 1984. С. 91.
20. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов... С. 78.
21. Там же. Табл. 1.
22. Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири... С. 253. Приложение 3.
23. Там же. С. 64.
24. Там же. С. 41.
25. Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Стлб. 214.
26. Посадоков А. Л. Сибирская книга и революция... С. 100.
27. Срединский С. Газетно-издательское дело. М., 1924. С. 67, 86.
28. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. - 11217. Оп. 1. Д. 1. Л. 2. Подлинник; Государственный архив Алтайского края (ГАКК). Ф. Р. - 216. Оп. 2. Д. 7. Л. 3-4. Заверенная копия; Ф. Д. - 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 137. Подлинник; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. - 51. Оп. 1. Д. 928. Л. 11. Заверенная копия.
29. Сибирская жизнь. 1917. 15 июля.
30. Посадоков А. Л. Сибирская книга и революция... С. 99.
31. Сибирский листок. Тобольск, 1917. 20 февр. (5 марта).
32. Российский государственный исторический архив (РГИА, бывш. ЦИА СССР). Ф. 117. Оп. 1. Д. 72. Л. 104. Заверенная копия; Известия Центросибири. Иркутск, 1917. 8 дек.

33. Голос свободы. Томск, 1917. 11 мая.

34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, бывш. ЦГАОР СССР). Ф. 6. Оп. 2. Д. 149. Л. 101-102. Подлинник.

35. Там же. Ф. 398. Оп. 2. Д. 72. Л. 1-2. Заверенная копия; Периодическая печать Сибири (март 1917-май 1918 гг.). Указатель газет и журналов/Сост. Е. Н. Косых. Томск, 1990. С. 44-50, 71.

36. Косых Е. Н. Количественные характеристики сибирской периодики (март 1917 - май 1918 гг.) // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 года). Томск, 1993. Часть I. Социально-экономические и гуманитарные науки. С. 105-109.

37. Назаров А. И. Октябрь и книга. М., 1968. С. 172; Гильди Л. А. Восстановление и развитие полиграфической и материально-технической базы печати Сибири (1921-1925 гг.) // Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1969. Т. 327. Общественные науки. С. 82-97.

38. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 223. Оп. 1. Д. 257. Л. 16. Завер. копия; ГАРФ. Ф. 395. Оп. 3. Д. 35. Л. 112. Завер. копия.

39. ГААК. Ф. 345. Оп. 2. Д. 3. Л. 25-28. Завер. копия.

40. ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 8. Л. 90-91. Подлинник; Посадоков А. Л. Книжное дело в Сибири. 1919-1923. Новоосибирск, 1979. С. 22.

41. Посадоков А. А. Книжное дело в Сибири. 1919-1923... С. 22.

П. С. Коновалов

РАБОЧАЯ СИЛА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ АЛТАЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1913 - 1915 ГГ.)

В начале века в Сибири активно сооружались частные железные дороги. Самой протяженной из них была Алтайская магистраль. К истории ее сооружения уже обращались В. И. Макаревич и А. Д. Козлов. Но они основное внимание уделили характеристике различных проектов постройки дороги и финансовой стороне строительства¹. В предлагаемой же статье рассматриваются такие малоизученные вопросы, как динамика численности и профессиональный состав занятых здесь строительных рабочих, места их выхода, а также условия их труда и быта.

К постройке линии, разделенной на восемь подрядных участков, было приступлено 1 июня 1913 г. К этому времени в сибирском железнодорожном строительстве, по оценке специалистов, так и не было создано "...прочного кадра опытных рабочих, обычно имеющих

особое чутье и быструю сноровку в своем деле"²⁾. В этой связи подрядчикам приходилось изыскивать рабочую силу как внутри, так и вне пределов Сибири. Среди строителей Алтайской железной дороги выделялось три основные категории работающих.

Сравнительно многочисленной группой, по свидетельству администрации, были "...семьи передвигающихся переселенцев"³⁾. В массе своей новоселы были заняты на самых тяжелых земляных и погрузочно-разгрузочных работах.

Основной же контингент строителей составляли крестьяне окрестных деревень и сел. Из двух с лишним тысяч работающих на шестом участке, например, в мае-сентябре 1913 г. их число колебалось от 40 до 62%⁴⁾. В других местах, по отзывам самих подрядчиков, крестьян-старожилов также "...было большинство". Как и переселенцы, они "...выходили на работу очень часто целыми семьями с женами и детьми, нередко малолетними"⁵⁾, однако предпочитали заниматься более легким трудом по перевозке грунта, песка, леса и других материалов на своих лошадях.

И, наконец, третью массовую группу строителей составляли рабочие, нанятые вне пределов Сибири. Среди привозных землекопов, или как их здесь называли "грабарей", преобладали украинцы и поляки из Седлецкой, Черниговской и Полтавской губерний, а также семипалатинские казахи. В основном это были лица наиболее трудоспособного возраста (18-25 лет). Плотников, каменщиков, штукатуров и других квалифицированных рабочих контрагенты нанимали, главным образом, в Пермской, Вятской, Владимирской и Смоленской губерниях, издавна славившимися своими специалистами строительного дела.

Кроме вольнонаемных рабочих, на постройке Бийской ветви летом 1913 г. было занято несколько десятков арестантов.⁶⁾ Однако в других местах, судя по данным периодической печати, подрядчики отказались от услуг тюремного ведомства, поскольку нехватки вольнонаемных строителей не наблюдалось.

Что касается общей численности строителей, то она подвергалась резким ежемесячным колебаниям. Во многом это обуславливалось ярко выраженной сезонностью отрасли. Из-за суровых климатических условий зимой на сибирских стройках производились, в основном, заготовка и подвоз необходимых материалов, а непосредственные строительные работы велись только в "теплицах", т.е. отапливаемых помещениях. В этой связи потребности в рабочей силе в январе - марте и но-

ябре-декабре были невелики. На постройке Западно-Амурской железной дороги в 1910-1913 гг., например, в эти месяцы требовалось, как правило, втрое меньше рабочих, чем летом⁷⁾. Судя по данным прил. I на сооружении Алтайской магистральной это соотношение было точно таким же.

Как и повсеместно, основной фронт работ, особенно земляных, здесь выполнялся в мае-августе. Максимальная численность рабочих на строительстве Алтайской железной дороги в эти месяцы в 1913-1914 гг. достигала округленно 19-25 тыс. (см. прил. I).

Существенно влияло на текучесть кадров и преобладание в рядах строителей жителей окрестных оел и деревень. Они трудились на "чугунке" ровно столько, сколько позволяли им интересы собственных хозяйств. Это наглядно видно на примере шестого подрядного участка. Если в мае 1913 г. здесь трудились 1154 крестьянина-старожила, то с началом покоса в июле их оставалось только 561 чел. По мере завершения страды, в начале сентября удельный вес местных уроженцев тут вновь возрос почти втрое и достиг 1438 чел.⁸⁾ Аналогичная картина наблюдалась и в других районах постройки Алтайской линии.

В начальный период ее строительства огромный объем земляных работ при низкой механизации труда требовал массу неквалифицированных рабочих рук. В частности, в июле 1913 г. землекопы, чернорабочие, коновозчики составляли здесь 98,9%, а в сентябре - 90,0%. По мере укладки полотна заметно возрастал удельный вес квалифицированных рабочих, возводивших искусственные сооружения (мосты, виадуки, тоннели и т.п.) и станционные здания. Так, летом 1914 г. на их долю приходилось от 13,1 до 16,1, а ровно через год к концу строительства - уже 24,6 и 26,1% всего контингента рабочих (см. прил. I).

Местные жители, приходя на "чугунку" избегали подписывать какие-либо договоры, предпочитая повременную сделку. Если заработки или условия труда их не устраивали, то они попросту покидали стройку.

Условия контрактов привозных строителей несколько различались, но обыкновенно содержание и проезд на место работ и обратно были за счет подрядчика, а продолжительность сезона определялась в шесть месяцев. Рабочий день у большинства строителей начинался, как правило, с восходом солнца и заканчивался поздно вечером, с трехчасовым перерывом на обед, т.е. составлял не менее 15 часов, а чистое рабочее время, таким образом, равнялось 12 часам. Только

у кессонщиков, занятых возведением моста через Обь (близ Барнаула) рабочая смена сначала состояла из шести часов, а затем была снижена до четырех часов.

Существенно отличались размеры заработков различных групп рабочих. Привозным габарям месячная плата определялась на готовом содержании в 15-20 руб. или около 105 руб. за сезон. Артели местных сдельщиков землекопов получали от 1,3 до 2 руб. за куб. сажень грунта. Черноработчие на своих "харчах" зарабатывали подневно 1 руб., а квалифицированные рабочие в зависимости от разрядов - от 1,5 до 2,5 руб.⁹⁾

Местные рабочие ночевали у родственников или у знакомых, проживавших вблизи "чугунки". Привозных строителей по условиям контрактов подрядчики обязаны были обеспечить приемлимым жильем. Обычными санитарными нормами предусматривалось повсеместное сооружение двух типов жилищ.

На постоянных станях, разбиваемых на сухих, возвышенных местах, должны были возводиться прочные проконопаченные бараки из круглого леса или однореза (распиленного вдоль бревна), с деревянными потолками и полом, плотной соломенной или дерновой крышей. Внутри полгалось иметь кирпичные или чугунные печи. На нарах, поднятых от пола на 17 вершков, предусматривался каждому рабочему соломенный мат, либо, на худой конец, мешок с сухой травой, покрытый чистым холстом. Расстояние между бараками, окопанными по периметру дренажными канавами, не могло быть менее 10 саженей друг от друга.

В остальных случаях полгалось возводить переносные разборные бараки из дерева, либо соломы или камыша. Причем крыша должна была быть непроницаемой для воды и перегрева, а внутри помещения надлежало иметь одно вентиляционное приспособление на каждые восемь человек.

Но на практике эти необходимые условия нередко нарушались подрядчиками. В самом незавидном положении находились строители, занятые в тех местах, где производились временные работы. Никаких жилищ здесь заранее не подготавливалось и ночевать и отдыхать приходилось во всевозможных шалашах или прочих укрытиях, сооруженных на скорую руку самими же рабочими.

В пунктах постоянного расположения работ жилищные условия зависели от элементарной порядочности подрядчиков. В целях экономии

они зачастую размещали привозных строителей в наспех сколоченных бараках, лишенных, как правило, элементарных гигиенических и бытовых удобств. По свидетельству чинов санитарного надзора "...лучше обстояло дело в этом отношении на 2-м участке, где работали привозные; в районе Чульма, Тальменки и ст. Черяпаново. Также были добропорядочные бараки около ст. Барнаул на левой Оби, в некоторых пунктах на 6-м и 8-м участках..." Но даже и здесь присутствовали "...общие всем баракам недостатки - это скученность в них жильцов, протекающие, за немногими исключениями крыши, недостаток света, доступность влиянию ветра и невозможность, почти, поддержания в них чистоты"¹⁰⁾.

Немало недочетов было и в продовольственном обеспечении рабочих. Для их рационального и калорийного питания необходимы были свежие овощи и мясо, разнообразные крупы и приправы. В местах питания полагалось по самым элементарным санитарным нормам иметь удобные пункты для приема пищи, вместительные овощехранилища и надежные ледники для скоропортящихся продуктов. Все это требовало значительных дополнительных затрат со стороны хозяев, поэтому "...в большинстве случаев даже крупные подрядчики избегали кормить рабочих от себя, предпочитая, чтобы они продовольствовались сами. Для сдельщиков из местного населения такой способ был и приятней, и выгодней. Только по необходимости содержались кухни для привозных грабарей в некоторых пунктах работ, где около 50% рабочих пользовались столом от хозяина"¹¹⁾.

В таких случаях готовым для употребления со складов подрядчиков выдавался только хлеб, а остальное - в сыром виде. Из полученных продуктов специально выделенные артелью люди - повара, кашевары, квасники и т.п. - готовили рабочим пищу. Расходы на питание делились поровну на всех членов артели, а сумма вписывалась в расходные книжки. При окончательном расчете стоимость питания вычитывалась из зарплаток рабочих.

Поставки недоброкачественных продуктов были редким случаем, однако сама пища не отличалась особым разнообразием. По отзывам санитарных агентов "...приходилось наблюдать не так уж редко, особенно в мае, июне, июле месяцах необычайное однообразие в питании артелей... На обед и на ужин: щи из сушеной кислой капусты, острый запах от которых чувствовался и за пределами кухни, затем каша; так по заявлениям рабочих продолжается три, четыре недели и в

обед и на ужин одно и то же - "неохота идти к столу", а есть больше нечего"¹²⁾.

Скучный рацион и антисанитария, царившие на местах работы и отдыха, способствовали широкому распространению заразных болезней. В частности, уже в самом начале строительства, т.е. летом 1913 г. в районе Новониколаевска и на участке ст.Топчиха - река Алей был зафиксирован 331 случай заболевания брюшным тифом и дизентерией¹³⁾. В результате предпринятых мер эпидемий удалось избежать, однако неинфекционные болезни оставались обычным явлением на линии.

За весь период ее сооружения здесь стационарно лечилось 3955 чел., а амбулаторно - 63375 чел. На первом месте по числу заболеваний (20,54% всех больных) были пищевые отравления, затем шли общие заразные недуги - 18,38%. Заметное место - 5,70% составляли костно-мышечные заболевания, вызываемые прежде всего простудой. До 16,0% больных обращались с жалобами на боли в органах дыхания и зрения¹⁴⁾.

Сугубо профессиональная структура заболеваний наблюдалась на строительстве моста через Обь. Здесь трудилось 379 постоянных рабочих-кессонщиков. За время работы (с 20 октября 1913 г. по 25 августа 1914 г.) среди них было зарегистрировано 642 случая кессонного ревматизма, 13 - кессонного головокружения, 10 - обмороков. Ко всем этим больным применялось амбулаторное лечение в виде массажа, искусственного дыхания, реже - лечебного шлюза¹⁵⁾.

Фактов травматизма по всей линии постройки было отмечено 8983, из них 257 с временной нетрудоспособностью и, только, 12 - с потерей трудоспособности свыше 50%. В целом на одну кубоверсту работ приходилось 3,69 случаев травматизма. На других строящихся дорогах этот показатель выглядел следующим образом: Средне-Сибирской - 11,18, Оренбург-Ташкентской - 6,60, Пермь-Котласской - 4,32, Северо-Уссурийской - 3,21 и т.д. По общей же заболеваемости за весь период сооружения различных дорог ситуация была такой: Алтайская - 0,034 случая на одну кубоверсту, Западно-Сибирская - 0,058, Средне-Сибирская - 0,049, Горное Переустройство - 0,026¹⁶⁾.

Как мы видим, и по травматизму, и по общей заболеваемости на постройке Алтайской магистрали была сравнительно благополучная картина. В значительной мере это обуславливалось постановкой здесь медицинского обслуживания. Во всей полосе строительства было за-

ранее открыто 7 небольших больничек, 19 фельдшерских пунктов и 4 амбулатории. Две более крупных больницы действовали также в Ново-николаевске и Барнауле. Во всех этих 32-х лечебных учреждениях имелось 135 кроватей, что признавалось их работниками вполне "... благоприятным условием для населения линии работ...", поскольку правом на бесплатную первую медицинскую помощь обладали не только строители, но и члены их семей. В разгар работ их лечением занимались 14 врачей и 45 фельдшеров, акушеров, медсестер⁽¹⁷⁾.

Если медицинское обслуживание на сооружении Алтайской магистрали было поставлено неплохо, то значительно сложнее врачам было установить действенный санитарный надзор. Постоянные недоразумения с питанием и условиями отдыха рабочих, подрывавших их здоровье и трудоспособность, объяснялось не столько отсутствием всесторонне разработанного санитарного кодекса, сколько иными факторами. Указывая на это, старший врач на стройке Алтайской железной дороги В.С.Пируоский подчеркивал в одном из своих отчетов, что "...если бы мы обладали и педантично обоснованным регламентом, регулирующим до мелочей всю обстановку жизни рабочего на стройке, то и тогда недочетов... все же было бы немало. Стремление предпринимателя подрядчика к экономии и уверенность (из опыта, подчас многолетнего), что "он", т.е. рабочий может без вреда для здоровья перенести многое - составляют собою первую категорию причин..."

Другая причина, по его мнению, крылась в "...косности полицейского режима"⁽¹⁸⁾, под которой В.Пируоский имел в виду правовую незащищенность рабочих-строителей.

Законодательство царской России, в какой-то мере ограждавшее труд фабричных рабочих, совершенно не касалось строителей. На строительное дело не распространялся и надзор фабричной инспекции, поэтому взаимоотношения между предпринимателями и рабочими в отрасли были во многом пронизаны духом патриархальщины. Являясь преимущественно сезонниками, строители вследствие острой конкуренции на рынке наемного труда, вынуждены были поневоле держаться из года в год одного и того же "благодетеля-подрядчика", зачастую их земляка.

Не распространялся на строителей и закон 1912 г. о социальном страховании. В случае потери трудоспособности даже на рабочем месте они были лишены материальной компенсации. Не полагалась строителям и пенсия по старости.

Бесправие рабочих и произвол подрядчиков приводили к частым трудовым конфликтам. В феврале 1914 г., например, в одной из томских газет сообщалось о массовых случаях не только задержки заработной платы рабочим, трудившимся в районе Лесихинской протоки (под Барнаулом), но и о фактах прямой ее недоплаты. В частности, одна группа возчиков вместо положенных 100-150 руб. получили по 50-70 руб., т.е. вдвое меньше.

Сначала коновозчики хотели попросту уволиться, но затем решили бороться за свои права. 25 февраля в 3 часа дня все 1100 трудившихся тут землекопов прекратили работу и потребовали от подрядчиков С.С.Рона, Алейникова и Аверина выполнения ранее заключенных договоров и увеличения расценок. Однако, не найдя поддержки у администрации, рабочие через сутки вновь приступили к работе, поскольку хозяева пригрозили массовыми увольнениями.

Положение рабочих не улучшилось, и в начале июня здесь вновь вспыхнула забастовка. Землекопы требовали улучшения условий труда, пищи, сокращения пятнадцатичасового рабочего дня. В ответ железнодорожная жандармская полиция арестовала 16 "зачинщиков", принудив остальных прекратить стачку. Кратковременную забастовку через месяц провела артель плотников, протестовавшая против оскорблений со стороны десятника Захарова, заставлявшего к тому же их выполнять работу не по специальности¹⁹⁾.

С началом первой мировой войны выступления рабочих на строительстве Алтайской железной дороги прекратились. Стремясь избежать нехватки рабочих рук, подрядчики, связанные жесткими сроками сдачи линии, вынуждены были существенно повысить заработную плату рабочим, частично улучшить им условия труда и быта. Во многом это помогло успешно завершить строительство магистрали. 21 октября 1915 г., т.е. почти на два с половиной месяца ранее запланированного срока, на Алтайской железной дороге открылось постоянное движение поездов. Она сразу же стала основной транспортной артерией, связывавшей плодородные и богатые полезными ископаемыми южносибирские земли с Транссибирской магистралью.

Примечания:

1. Макаревич В.И. Из истории Алтайской железной дороги // История (сборник статей аспирантов и соискателей). Алма-Ата, 1970. Вып. IV.

- С.21-27; Она же. Подрядчики на строительстве Алтайской железной дороги//Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1974.С.98-103; Козлов А.Д. История Алтайской железной дороги: проекты и строительство//Социально-экономическое развитие Алтая в ХУП-ХІХ вв.Барнаул, 1984 и др.
2. Утро Сибири. 1912. 18 янв.
 3. ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 462. Л. 19-20.
 4. Там же. Д. 461. Л. 15. Подсчет.
 5. Там же. Д. 562. Л. 19-20.
 6. Жизнь Алтая. 1913. 2 мая, 14 сент.; Сибирская жизнь. 1914. 20 мая.
 7. Коновалов П.С. Динамика численности строительных рабочих в Сибири в 1897-1917 гг.//Рабочие Сибири в конце ХІХ - начале ХХ вв. Томск, 1980. С. 130.
 8. ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 461. Л. 15..
 9. Алтайская торгово-промышленная газета. 1913. 9 июня; Сибирская жизнь. 1913. 24 авг.
 10. ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 57 "а". Л. 6-8.
 11. Там же. Л. 6.
 12. Там же.
 13. Там же. Л. 9.
 14. Там же. Л. 9, 33.
 15. Там же. Л. 10.
 16. Там же. Л. 8-10.
 17. Там же. Л. 2-4.
 18. Там же. Л. 5-6, 11.
 19. Жизнь Алтая. 1914. 14 июня; Утро Сибири. 1914. 23 февр.; Козлов А.Д. История Алтайской...С. 139-140.

Приложение I.

Численность и профессиональный состав отрядовцев Алтайской железной дороги в 1913-1915 гг. (тыс. чел.)^х

Специальности	1913						1914						
	июль	авг.	сент.	нояб.	декаб.	январь	февр.	март	апр.	май	июнь	авг.	
	Каменщики	0,22	0,34	0,29	0,24	0,41	0,32	1,12	0,66	0,79	1,37	1,27	0,98
Плотники	-	0,59	0,99	1,00	1,08	1,26	1,24	1,86	1,65	1,71	1,52	1,20	0,98
Мастеровые	0,12	-	-	0,71	0,32	0,40	0,48	0,33	0,21	0,22	0,28	0,13	0,14
Землекопы	16,36	10,39	5,09	0,36	0,37	0,19	1,65	0,75	2,06	5,61	7,04	3,93	3,74
Коньовозчики	7,07	6,23	5,06	3,13	4,02	3,21	3,50	1,06	1,58	6,72	5,57	1,94	1,84
Чернорабочие	1,60	1,54	0,95	1,20	1,47	1,84	2,48	2,28	2,60	4,81	3,34	1,72	1,73
Итого	25,37	19,09	12,38	6,66	7,67	7,22	10,47	6,94	8,89	20,44	19,02	9,90	9,43

^х Источники подсчета: ГАРФ, ф. 274, Оп. 2, Д. 1250, Л. 54-105; ГИТО, ф. 438, Оп. 1, Д. 584, Л. 8-13.

^х К мастерам отнесены все остальные квалифицированные рабочие, кроме плотников и каменщиков.

Продолжение приложения I.

Специальности рабочих	1914				1915						
	сент.	октяб.	нояб.	декаб.	январ.	февр.	март	апр.	май	июнь	июль
Камешники	0,57	0,14	0,07	0,08	0,04	0,03	0,05	0,05	0,44	0,37	0,26
Плотники	0,68	0,51	0,45	0,23	0,09	0,12	0,20	0,27	0,45	0,44	0,24
Мастеровые	0,05	0,17	0,24	0,20	0,16	0,21	0,19	0,27	0,30	0,28	0,36
Землекопы	2,52	1,37	0,72	0,40	0,05	0,05	0,02	0,51	3,20	2,16	2,21
Чернорабочие	0,96	0,35	0,33	0,30	0,24	0,36	0,33	0,52	1,05	1,01	0,76
Конюшечники	1,27	0,10	0,07	0,07	0,14	0,10	-	0,10	0,34	0,15	0,29
Итого	6,05	2,61	1,88	1,28	0,72	0,87	0,79	1,72	5,78	4,41	4,12

III. АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ

П. Ф. Никулин

РЫНОЧНЫЙ ФАКТОР В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

При изучении хозяйственного освоения Западной Сибири конца XIX - начала XX века в поле внимания исследователя неизбежно попадает проблема соотношения рынка и крестьянского хозяйства, как главных пружин социально-экономического развития края.

Одним из основных аспектов проблемы является вопрос о том, стал ли рынок в начале XX века решающим фактором в функционировании и развитии крестьянского хозяйства региона. Для его решения сибиреведами было сделано многое¹⁾. В частности, достаточно полно освещена роль товарно-денежных отношений в хозяйственной деятельности зажиточного крестьянина. Его хозяйство вполне резонно отнесено к буржуазному типу. Вместе с тем, рыночная деятельность середняка и бедняка была изучена несравненно хуже. Не было определено ее истинное значение в воздействии на функционирование их хозяйств. Нет взвешенной оценки влияния рынка и на остоятельное крестьянское хозяйство.

Среди причин такого остояния проблемы необходимо прежде всего выделить несовершенство подходов к ее разработке, чрезвычайную узость источниковой базы и слабость применявшейся статистико-списательной методики. Что касается бытовавшего в сибиреведческой литературе подхода к интересующей нас проблеме, то это несовершенство заключалось в слишком упрощенном, механистическом определении рыночного крестьянского предприятия. К рыночному типу относились только хозяйства, в которых денежные расходы и доходы в бюджете составляли не менее 50%. Реально же имелись слабо представительные данные выборочных бюджетных обследований, по которым стоимостная часть хозяйственного бюджета у сибирских крестьян, включая самых богатых, никогда не превышала 40-45%²⁾. В результате исследователь попадал в тупик. Единственно достойный историка выход из него в правильном учете реальной природы крестьянского хозяйства вообще и рыночного в частности, в соответствующем переосмыслении подходов к нему, а также в выборе достоверных массовых источников и эффективной методики обработки и анализа данных.

Крестьянское хозяйство было социально-экономической системой с присущей ей целостностью, выражаемой в структуре и единстве функционирования. Поэтому изучать его нужно целостно-системно, как структуру взаимосвязей между существенными элементами. По мере вовлечения в буржуазные, рыночные отношения и развития по пути товарного производства крестьянское предприятие все более подчинялось объективным закономерностям товарно-капиталистического производства и рынку в лице закона стоимости и конкуренции. В результате формировалась все более тесная сбалансированность между компонентами производственно-технической базы (посев, лошади, коровы и др.) этого хозяйства и устанавливался определенный рыночный тип производственного строя³⁾. Чем сильнее была взаимосогласованность в изменениях производственно-технических элементов, тем сильнее вовлеченность крестьянского двора в рыночные отношения.

Чтобы осуществить целостный подход к анализу крестьянского хозяйства, необходимо математически смоделировать его производственную структуру. С этой ролью прекрасно справляется корреляционная модель, создаваемая на основе парных линейных коэффициентов корреляции⁴⁾. Среди его значений можно выделить величины от 0,6 до 1,0, как очень тесные. Именно они говорят о преобладании или решающей роли в воздействии на систему какого-либо фактора.

Определившись с подходом и методикой можно более четко указать о назначении настоящей статьи. Ее цель — попытаться выявить роль рынка в воздействии на функционирование и развитие производственно-технического строя хозяйства во всех основных социальных группах западносибирского крестьянства, основываясь на методике целостно-системного, корреляционного моделирования.

В качестве источниковой основы были избраны подворные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Томской губернии, которые охватывают две трети крестьянских хозяйств Западной Сибири⁵⁾. Сохранилось примерно 250-350 тысяч подворных карточек, что составляет 35-50% от генеральной совокупности в 680000 единиц⁶⁾. Программа обследования отразила практически все основные стороны крестьянского хозяйства: население, семейную и наемную рабочую силу, землепользование, посевы, рабочий и продуктивный скот. Поэтому его данные вполне позволяют изучить внутренний производственно-экономический строй западносибирской деревни начала XX века.

Из совокупности имеющихся подворных карточек были сделаны две типические выборки волостей зерновой и молочной, животноводческой специализаций⁷⁾. В качестве типических критериев отбора были взяты средние подворные данные по посевам, рабочим лошадям, молочным коровам, семейным работникам, плугам, усовершенствованному инвентарю, мельницам и маслодельским заведениям. Учитывались и природные уловия. Затем из типических специализированных волостей (по 6 тыс. дворов) для обработки на ЭВМ были осуществлены две случайные выборки примерно по 400 дворов.

Попавшие в эти выборки крестьянские хозяйства обоих типов были разделены на 5 групп (основные и переходные). Земледельческие дворы: I группа - беспосевные; II - с посевом до 5 дес.; III - с посевом от 5 до 10 дес.; IV - с посевом от 10 до 15 дес. и V - с посевом более 15 дес. Животноводческие хозяйства: I группа - бескоровные; II - с 1-2 коровами; III - с 3-4 коровами; IV - с 5-6 коровами; V - с 7 и более коровами. Некоторые отличия этих группировок от общепринятых связаны с рыночными специализациями выборок⁸⁾. Средние подушевые размеры хозяйства в каждой из выделенных групп показаны в таблицах I и 2. Из них, в частности, видно, что животноводческая выборка оказалась менее однородной, чем зерновая.

Обратимся к результатам корреляционной обработки подворных данных переписи. Наибольший интерес из них представляют те, которые позволяют определить, потребительские или рыночные факторы преобладали в воздействии на функционирование и развитие крестьянского хозяйства.

С целью выяснить значение потребительского фактора рассмотрим взаимосвязи представляющего его показателя размеров семьи и основных хозяйственных признаков (см. табл. 3). Как следует из данных таблицы, указанные взаимосвязи либо слабы, либо незначимы. Действительно, в зерновой выборке связь размеров семьи и посева в IV и V группах отсутствует, а во II и III группах она очень слабая (0,21 и 0,24). Аналогичное положение и в хозяйствах скотоводческой специализации: в двух высших группах связь между населением и размером стада продуктивного скота незначима, в то время как в низших она значима, но слаба. Отмеченные черты, таким образом, указывают на то, что во внутреннем строе крестьянского хозяйства края начала XX века размеры семьи не определяли размеров произ-

110

водства. Потребительский фактор на крестьянское хозяйство решающим образом не воздействовал. Его роль не превышала 25%.

Таблица 1.

Обеспеченность основными средствами производства и рабочими ресурсами хозяйств зерновой специализации

№ п/п	Показатели на душу	Группы хозяйств с посевом на двор (дес.)					В целом
		I 0	II 0,1-5	III 5,1-10	IV 10,1-15	V св.15	
1.	Семейные работники	0,53	0,53	0,46	0,53	0,51	0,51
2.	Наемные раб. (год., ср)	0,005	0,01	0,02	0,03	0,09	0,02
3.	Рабочий скот	0,25	0,5	0,75	0,9	1,0	0,7
4.	Коровы	0,3	0,4	0,45	0,5	0,6	0,45
5.	Продуктивный скот	0,5	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7
6.	Посев на св. земле (дес.)	0	0,7	1,5	2,1	3,3	1,4
7.	Посев на аренд. пашне	0	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2
8.	Весь посев	00	0,8	1,6	2,3	3,7	1,6
9.	Посев яровой пшеницы	0	0,6	1,0	1,4	2,2	1,0
10.	Посев овса	0	0,2	0,5	0,8	1,4	0,5
11.	Размер семьи (чел.)	3,7	3,9	5,4	6,0	7,3	5,1
12.	Дворов в группе	43	141	123	53	62	422

Таблица 2.

Обеспеченность основными средствами производства и рабочими ресурсами хозяйств животноводческой специализации

№ п/п	Показатели на душу	Группы хозяйств с числом коров					В целом
		I 0	II 1-2	III 3-4	IV 5-6	V 7 и бол.	
1.	Семейные работники	0,48	0,42	0,42	0,49	0,46	0,44
2.	Наемн. рабочие (год., ср)	0	0,01	0,03	0,05	0,09	0,03
3.	Рабочий скот	0,3	0,45	0,6	0,8	0,9	0,6
4.	Коровы	0	0,4	0,7	1,2	1,6	0,7
5.	Продуктивный скот	0,1	0,6	1,0	1,6	2,2	1,1
6.	Посев на св. земле (дес.)	0,2	0,5	0,7	1,2	1,3	0,75
7.	Посев на аренд. земле	0,1	0,05	0,15	0,1	0,2	0,1
8.	Весь посев	0,3	0,55	0,85	1,3	1,5	0,85
9.	Посев яровой пшеницы	0,25	0,35	0,55	0,7	0,8	0,5
10.	Посев овса	0,05	0,15	0,2	0,5	0,5	0,25
11.	Размер семьи	4,6	5,0	5,6	5,7	7,4	5,6
12.	Дворов в группе	32	745	99	64	57	397

III

Таблица 3.

Взаимосвязь размеров семьи с производственными показателями в хозяйствах различных социальных групп (коэффициент корреляции 0,...)

№ Показатели п/п	Зерновые хозяйства с посевом (дес.)				Молочные хозяйства с числом коров			
	II 0, I-5	III 5, I-10	IV 10, I-15	V св. 15	II 1-2	III 3-4	IV 5-6	V 7 и св.
На хозяйство:								
1. наемных рабочих	07	01	-16	04	09	06	01	03
2. рабочего скота	13	15	-08	09	36	36	27	53
3. продуктивн. скота	-09	08	18	14	28	20	04	09
4. всего посева	21	24	0	12	30	37	42	44
5. арандован. посева	18	-05	-28	-16	05	25	17	-14

Теперь с целью определения роли рыночного фактора необходимо перейти к анализу состояния структуры производственно-технической базы в хозяйствах различных социальных категорий западносибирского крестьянства (см. табл. 4).

Предварительно же важно учесть, что исследованию подлежат "чистые" специализированные (зерновой и животноводческий) типы хозяйства. Это требует акцентировать внимание на взаимосвязях общих и типобразующих элементов производственно-технической базы. Таковыми для земледельческой специализации являются рабочий скот и посев, а для скотоводческой - рабочие лошади и продуктивный скот. Именно на эти пары признаков и следует опираться при корреляционном анализе.

В хозяйствах зернового типа во всех социальных группах наблюдается очень высокий уровень сопряженности рабочего скота и посева практически на всех уровнях, кроме подворного¹⁰⁾.

В III-IV группах согласованность выражена коэффициентом корреляции, превышающим 0,7; а во второй группе она близка этой величине. В IV-V группах животноводческой специализации взаимосвязь рабочих

Таблица 4.

Сбалансированность компонентов производственно-технической базы в различных социальных группах (коэффициент корреляции 0,...)

Группа	Коррелируемые признаки в расчете:	Специализация							
		зерновая				животно-водческая			
		пашы		коррелируемых		признаков			
		лошади - прод. скот	лошади - посева	прод. скот - посева	ср. коэф. корр.	лошади - прод. скот	лошади - посева	прод. скот - посева	ср. коэф. корр.
У.	1. на двор	58	69	60	62	48	62	53	54
	2. на душу	70	85	71	75	72	54	60	62
	3. на сем. работ.	80	91	84	85	78	47	53	59
	4. на дес. посева, гол. прод. скота		73		73	83			83
IV.	1. на двор	42	33	04	26	23	69	39	44
	2. на душу	69	84	50	68	73	54	21	49
	3. на сем. работ.	69	90	61	73	76	56	34	55
	4. на дес. посева, гол. прод. ск.		83		83	93			93
III.	1. на двор	53	23	31	36	21	64	39	41
	2. на душу	77	73	65	72	22	28	10	20
	3. на сем. работ.	82	75	64	74	48	59	38	48
	4. на дес. посева, гол. прод. ск.	81		81	81	87			87
II.	1. на двор	29	49	23	34	49	58	57	55
	2. на душу	58	66	51	58	37	55	18	37
	3. на сем. работ.	60	67	54	60	66	65	58	63
	4. на дес. посева, гол. прод. ск.		59		59	83			83
I.	1. на двор	-	-	-	-	66	82	71	73
	2. на душу	-	-	-	-	38	44	60	47
	3. на сем. работ.	-	-	-	-	51	81	55	62
	4. на дес. посева, гол. прод. ск.	-	-	-	-	83			83
В целом	1. на двор	77	82	68	76	63	74	65	67
	2. на душу	74	88	48	63	50	48	59	52
	3. на сем. работ.	84	82	71	79	59	69	63	64
	4. на дес. посева, гол. прод. ск.		73		73	67			67

лошадей и продуктивного скота также превышает 0,7 во всех аспектах, включая подворный. В I-III группах отмеченная закономерность в плане подушевых показателей не проявляется. Связано это с тем, что однородная группировка по коровам оказалась менее однородной, чем

зерновая. В результате в животноводческую выборку попало много дворов чисто зерновой специализации, оказавшихся именно в рассматриваемых группах. Усиление неоднородности, естественно, снизило уровень корреляции. Тем не менее, корреляционный метод уловил искомую закономерность на самом глубинном производственно-техническом уровне. Действительно, коэффициент корреляции между рабочим и продуктивным скотом в расчете на I дес. посева в I-III группах превышает 0,8. Достаточно четко данная черта фиксируется и в организационно-производственном аспекте (в расчете на работника).

Таким образом, для всех социальных типов крестьянских предприятий, а также для крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века в целом, была характерна весьма высокая степень сбалансированности основных производственно-технических компонентов. Взаимосвязи между основными элементами производственной базы любого, даже самого малого крестьянского хозяйства в среднем были близки к уровню 0,7. Особенно тесными были взаимосвязи между признаками, которые образовывали тип рыночной специализации крестьянского предприятия. Их величины колебались в пределах 0,7-0,8. Это означает, что в основе функционирования и развития производственной базы хозяйства крестьянского типа лежало воздействие единого фактора - рыночных, товарно-капиталистических отношений. Следовательно, в начале XX века производственно-технический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири во всех своих социальных группах и в целом был подчинен воздействию объективных закономерностей товарно-капиталистического производства.

Проведенное выше исследование заключает в себе ряд слабостей. Главная среди них - относительно низкая сбалансированность некоторых технических показателей в малопосевой группе и в хозяйствах середняков и бедняков животноводческой выборки. Поэтому можно прибегнуть к более сильной в данном аспекте методике, предложенной И. Д. Ковальченко.

Ее суть в следующем. В условиях господства капиталистического рынка регулятором рыночных цен являются цены производства, которые складываются из издержек производства и средней прибыли. Чтобы получить среднюю прибыль и тем самым сохранить конкурентноспособность, крестьянину, ведущему самостоятельное хозяйство, необходимо поддерживать издержки производства на уровне не выше общественно-необходимых затрат. Это требует, чтобы его хозяйство было в долж-

ной степени обеспечено производственными фондами. Фондовооруженность, отражающая уровень общественно необходимых затрат капитала, во всех социальных подразделениях крестьянского хозяйства должна быть примерно одинаковой. Равная фондовооруженность и обеспечивает получение одинаковой (средней) прибыли. Следовательно, выявив в различных типах хозяйства западносибирского крестьянства наличие примерно одинаковой оснащенности производственными фондами, а значит и возможность получения средней прибыли, можно доказать их подчиненность закономерностям товарно-капиталистического производства¹¹⁾.

Эта задача была решена И. Д. Ковальченко на основе бюджетных данных и статистико-описательной методики. На базе неполных сведений сельскохозяйственной переписи 1916 г. и обычной статистической методики настоящая задача неразрешима. Впрочем, она неразрешима вообще на сибирских материалах, поскольку по крестьянскому хозяйству края начала XX века имеется всего лишь 21 бюджет¹²⁾. Поэтому предпринимаемая в настоящей работе попытка решить ее с помощью корреляционной методики пока единственно возможный вариант

Будучи неполной, перепись 1916 года дает очень приблизительные представления о фондовооруженности крестьянского хозяйства. В нашем случае фондовооруженность выражена производственными показателями (рабочие лошади, продуктивный скот, посев), рассчитанными на I дес. посева и на I голову рабочего и продуктивного скота. То есть на лицо только существенный фрагмент фондооснащенности. Он различен в различных социальных типах хозяйства и даже в отдельных хозяйствах. Но его изменения, поскольку почти все дворы находились в одинаковых рыночных условиях, должны были происходить по единому закону и быть едиными с изменениями фондовооруженности в целом. В общем, с точки зрения динамики изменений и отношений наш фрагмент вполне представлял полную фондовооруженность. Поэтому в данном вопросе можно воспользоваться построенной на относительных величинах корреляционной методикой.

Обратимся к результатам корреляционного анализа данных. Они, к сожалению, оказались очень обширными и громоздкими даже в табличном исполнении, поэтому привести их в настоящей статье в полном виде оказалось невозможным. Суть же их в том, что во всех социальных группах показатели фондовооруженности не имели взаимо-

связей с другими внутренними сторонами хозяйственной жизни. Коэффициенты корреляции между ними практически незначимы¹³⁾. Следовательно, во всех типах крестьянских хозяйств, включая малосостоятельные, и по крестьянскому хозяйству в целом оснащенность производственными фондами (или издержками производства) практически не зависела ни от уровня производства в душевых показателях, ни от обеспеченности рабочими ресурсами. Не зависела она и от показателей, характеризующих достигнутый в хозяйстве уровень капиталовооруженности и производительности труда (лошади, продуктивный скот и посев в расчете на 1 семейного работника), а также от показателей расширенного типа воспроизводства доли наемного труда и доли арендованного посева.

Полученные корреляционные результаты, таким образом, указывают на то, что во всех категориях крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века оснащенность производственными фондами внутрихозяйственными факторами не определялась. Ее уровень обуславливался каким-то единым для всех хозяйств внешним фактором. Несомненно, что в условиях господства в экономике пореформенной России, и сибиряцкого региона в частности, рыночных отношений, этим фактором был уровень общественно-необходимых затрат. Следовательно все типы крестьянских хозяйств южной части Западной Сибири имели примерно одинаковую фондовооруженность (или издержки производства в расчете на производственную единицу) и на одинаковые производственные издержки получали одинаковую, среднюю прибыль.

Об одинаковой оснащенности производственными фондами свидетельствуют и наиболее важные прямые данные переписи. Так, в хозяйствах молочной направленности доля коров в стаде продуктивного скота во всех группах была примерно одинаковой: 69-72%. В хозяйствах земной рыночной специализации разброс среднегрупповых величин по этому показателю гораздо выше: 55-69%. Е то же время - и это самое важное - одинакова доля в посевах товарных культур яровой пшеницы и овса. Колеблется она здесь в пределах от 95 до 97%. Для молочной специализации разброс от 55 до 87%.

Как видим, специальный анализ производственно-технического строя на предмет соответствия производственных издержек уровню общественно-необходимых затрат также подтверждает вывод о том, что во всех социальных группах западносибирского крестьянства внутренней, производственно-технический строй хозяйства был подчинен то-

нарно-капиталистическими закономерностями, при господстве которых регулятором рыночных цен выступали цены производства. Все типы крестьянских хозяйств функционировали, ориентируясь на общие рыночные требования.

Рынок воздействовал на крестьянское хозяйство края и опосредованно, через экономическую конъюнктуру. Поэтому чрезвычайно интересно проследить, реагировали или нет крестьянские предприятия региона на изменения рыночной конъюнктуры.

В период первой мировой войны она обуславливалась массовыми закупками овса для действующей армии. Так из урожая 1915 года в Западной Сибири Особое Собрание по продовольствию закупило 10,4 млн. пудов овса и лишь 4,7 млн. пудов яровой пшеницы¹⁴. Всего же в этот год из Сибири (главным образом Западной Сибири) было вывезено 29 млн. пудов овса¹⁵. Закупки овса стали важнейшим фактором, воздействовавшим на крестьянское хозяйство края¹⁶.

В результате повышения спроса на овес цены на него стали быстро расти. В период с 1914 по 1916 гг. они выросли в Томской губернии примерно в 3 раза, в то время как на яровую пшеницу только в 2 раза¹⁷. Крестьянское хозяйство края отреагировало на это расширением посевных площадей под овес. В итоге доля овса в посевах неуклонно повышалась (см. табл.5).

Таблица 5.

Доля овса в посевных площадях крестьянского хозяйства Западной Сибири (в %) ¹⁸

№ п/п	Регионы	1916	1917
1.	Алтайско-Томская часть Западной Сибири	28,0	29,8
2.	Тобольская губерния	36,0	36,9
3.	Акимовская область	18,4	20,4

Данные корреляционного анализа подворных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Томской губернии обнаруживают эту тенденцию в зерновых хозяйствах всех социальных групп (см. табл.6). В самом деле, взаимосвязь доли посева овса с обеспеченностью посевом и рабочим окотом на душу во всех типах хозяйств была положительной, в то время как взаимосвязь

доли посева яровой пшеницы - отрицательной. Это указывает на то, что с ростом производственно-технической базы хозяйства и расширением посевных площадей крестьяне в 1916 году в большей степени увеличивали посевы овса, чем яровой пшеницы. В высшей группе отмеченная тенденция проявлялась менее ярко, что, очевидно, следствие более быстрого отклика на конъюнктуру хозяев-предпринимателей. Посевы овса они начали увеличивать еще в 1915 году. И на момент переписи его доля в жилищной группе составляла 36% против 19,6% в малопосевной II группе.

Таблица 6

Взаимосвязи долей овса (в числителе) и яровой пшеницы (в знаменателе) в посевах с показателями производства в хозяйствах зерновой специализации (коэффициент 0, ...)

Показатели	Г р у п п ы				В целом
	II	III	IV	V	
1. Рабочего скота на душу	$\frac{30}{28}$	$\frac{17}{-24}$	$\frac{30}{-30}$	$\frac{18}{-10}$	$\frac{41}{-4}$
2. Посева на душу	$\frac{40}{35}$	$\frac{20}{-20}$	$\frac{24}{-28}$	$\frac{12}{-3}$	$\frac{53}{7}$

Самое интересное из полученных наблюдений то, что и полупролетарское зерновое хозяйство жестко подчинялось в своем функционировании рынку. В животноводческой специализации полупролетарские дворы были связаны с рынком сильнее, чем в земледельческих местностях, поскольку они вели в высокой степени ориентированное на рынок молочное хозяйство. Молоко сдавалось ими на маслодельческие предприятия. Так, по данным выборочного обследования старожильческих и переселенческих хозяйств в Томской губернии, проведенного в 1912-1913 гг., около 45% расположенных в лесостепной зоне старожильческих дворов с посевом до 3 дес. (имели они по 1-2 коровы) продавали сельскохозяйственные продукты. Более 70% из них продавали молочные продукты. В связанных с рынком полупролетарских дворах более трех четвертей денежных доходов поступали от продажи молока¹⁹⁾.

Отмеченные факты, как представляется, серьезно подрывают позицию тех исследователей, которые считают хозяйство полупролетария потребительно-натуральным.

Итак, корреляционно-факторный анализ показал, что во всех типах крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века потребительские стимулы решающей роли не играли. В основе функционирования и развития производственно-технической базы крестьянских предприятий всех социальных категорий лежало воздействие единого рыночного фактора. Рыночный фактор был определяющим в том смысле, что его роль превышала 50% в общей факторной нагрузке. Следовательно, внутренний, производственно-экономический строй западносибирской деревни был подчинен объективным закономерностям товарно-капиталистического производства. Все типы крестьянских хозяйств функционировали, подчиняясь воздействию рыночных цен, регулятором которых были цены производства. Производственные издержки в них поддерживались на уровне средних, общественно-необходимых на данный момент затрат, что обеспечивалось их примерно одинаковой фондовооруженностью. Это позволяло основной массе крестьянских предприятий получать среднюю прибыль. Следовательно, можно предполагать, что в 10-х годах XX века в сельском хозяйстве Западной Сибири, по крайней мере в обширно²⁰ полосе вдоль железнодорожных и речных путей сообщения, сформировалась средняя норма прибыли. Корреляционная методика, правда не дает средств для расчета ее величины. Однако можно думать, что она была близка той норме прибыли, которая сложилась в среднечерноземной полосе Европейской России. Здесь, по подсчетам И.Д.Ковальченко ее величина составляла 14-21%²⁰).

Отмеченные факты, таким образом, показывают капиталистический характер, применявшийся во всех типах крестьянских хозяйств средств производства. Из этого следует, что внутренний, производственный строй большинства крестьянских хозяйств, включая полупролетарские, был по своему объективному содержанию товарно-капиталистическими или буржуазным. Вместе с тем, если иметь ввиду и социальный аспект структуры - преобладание во всех слоях сибирской деревни начала XX века собственного, семейного труда - то общий социально-экономический строй крестьянского хозяйства следует признать мелкобуржуазным.

Примечания:

1. См.: Токавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; История Сибири. Т.3. Л., 1968; Горюшкин Л.М. Аграрные от-

ношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983 и др.

2. См.: Материалы по исследованию типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.К. Кузнецова. СПб., 1912. Вып. I; Переселенцы, приселившиеся к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927.

3. См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 303, 316.

4. См.: Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6.

5. О подворных материалах переписи см.: Вауфал А.М. и др. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии. Новосибирск, 1969. С. 5-64.

6. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 1-211.

7. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 5, 11, 22, 27, 41, 52.

8. Обоснование общепринятых интервалов группировки см.: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX - начало XX вв.). Новосибирск, 1967. С. 98-104.

9. Продуктивный скот включает коров и мясной скот.

10. Двор - разномасштабная единица. Это ослабляет корреляцию в подворном аспекте.

11. См.: Ковальченко И.Д. Об буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX - начале XX века (По бюджетным данным среднечерноземных губерний)//История СССР. 1983. № 5. С. 50-81.

12. См.: Переселенцы, приселившиеся...

13. Для уровня доверительной вероятности в 99,5%

14. Управление делами Особого Совещания по продовольствию. Совещание уполномоченных 25-31 августа 1916 г. Материалы. Пг., 1916. С. 9-10.

15. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 51.

16. По данным статистического отдела Томского переселенческого района на 1916 год в 271 сообщении, полученных от добровольных корреспондентов отдела, 205 раз из 353 отмечалось, что закупка зерна производилась для нужд армии. См.: Обзор Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1921. С. 221.

17. См.: Обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. Приложения. С. 103-104, III-III2; Обзор Томской губернии за 1916 год... С. 162-164, 166.

18. Таблица составлена на основе следующих данных: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Пг., 1917. Вып. 3. С. 86-87, 100-101; Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года в Акимовской области. Омск, 1917. С. 18; Труды ЦСУ М., 1921, т. 5. Вып. 1. Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. С. 72-73, 84-85. (Подсчеты мои - П.Н.).

19. См.: Переселенцы, приселившиеся... С. 426-427. (Подсчеты мои - П.Н.).

20. Ковальченко И.Д. О буржуазном характере... С. 74-75.

В.А. Бузанова

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОЧИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.: ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ

В круг вопросов, составляющих проблему хозяйственного освоения Сибири, входят и связанные с зарождением и развитием сельскохозяйственного пролетариата. На появление этого слоя сельского населения влияли аграрная эволюция территории, изменение технической базы сельскохозяйственного производства. Применение наемной рабочей силы накладывало отпечаток на традиционные формы хозяйствования, социальную атмосферу, обычаи и нравы деревни.

В сельское хозяйство капитализм проникал медленнее, чем в промышленность и поэтому здесь дольше сохранялось существование его примитивных, переходных и высших форм. Это обстоятельство приводило к тому, что, во-первых, наемный труд отчуждался как постоянными рабочими, так и полупролетарскими элементами. Одновременно с лицами, лишенными средств производства, продавали рабочую силу и владельцы собственности. И, во-вторых, наряду с капиталистическими эксплуатировали рабочую силу и мелкие товарные хозяйства.

Капиталистические хозяйства использовали труд наемных рабочих с предпринимательскими, а мелкотоварные, по преимуществу, с потребительскими целями. Потребительский найм допускал преобладание личного участия в производстве над наемным трудом, а предпринимате-

льский - осуществление производства либо только на основе эксплуатации наемного труда, либо с ограниченным участием собственника средств производства.

Естественно, что сосуществование разнотипно организованных хозяйств в аграрном секторе, влияло на характеристику сельскохозяйственных рабочих (численность, концентрацию, социальную структуру, организованность и т.п.). Однако сущность наемного рабочего, как продавца рабочей силы, не изменялась от того, в каком хозяйстве он трудился.

Процессы формирования сельскохозяйственного пролетариата региона, начавшиеся в XIX в. продолжались и в XX веке. В 90-е годы XIX в. в сибирской деревне уже существовал слой чистых пролетариев. Так, обследование 1893 г. в Ишимском округе зафиксировало 358 хозяйств (8,7% от всех, попавших в выборочное обследование), не имевших своего хозяйства. 160 из них добывали средства существования нищенством, т.е. были пауперами, остальные 4,5% хозяйств были чисто пролетарскими¹⁾. Обследование 1912 г. переселенческих хозяйств в Токалинском и Тарском уездах отметило 1,5% хозяйств, не имевших посева и скота. Сплошное обследование Барнаульской волости в 1905 г. таких хозяйств выделило 1,8%. Перепись 1917 г. не предоставляет возможности выделения таких хозяйств, в ней имеются лишь данные о бескотных хозяйствах, которых было в Западной Сибири 5,4%, однако и в 1909, и в 1912 гг. в этом регионе таких хозяйств было 5-6%. Следовательно, беспосевные и бескотные хозяйства, которые можно отнести к пролетаризованным, и в 1917 г. составляли не менее 2%²⁾.

Основным типом сельскохозяйственного рабочего и в конце XIX, и в начале XX вв. был рабочий с наделом. Обследование Ишимского уезда выделило 1185 дворов (28,2%), сочетавших ведение собственного хозяйства с работой по найму. Разорявшееся крестьянство психологически не было готово встать в ряды пролетариата. "Сибирская жизнь" в 1899 г. писала: "...мы наталкиваемся на цемпящие сердце примеры как судорожно цепляются за землю исконные землепашцы, прежде, чем бросить ее неблагоприятную. Один безлопядный старик боронил землю граблями, не имея сохи, готовил землю вместо сохи лопатой"³⁾. Свообразным типом сельскохозяйственного рабочего был переселенец. "Возв отраду, - отмечала та же "Сибирская жизнь",

- новоселы работают на старожилов и только в конце лета или ранней осенью наезжают на свои места, достраивают избы, накашивают травы на зиму, делают, если можно озимые посевы. Зимой опять работают у старожилов, часто за одно пищевое довольствие своих семей, а весной часть рабочих рук также расходуется по старожилам⁴). Основным источником существования таких хозяйств на долгие годы становилась заработная плата. Обследование Алтайского округа в 1894 году подтверждает это. Из 18521 обследованного хозяйства только в первый год поселения отчуждали труд 1298 (7,0%) хозяйств, в первые три года - 1204 (6,4%), в первые пять лет - 1879 (10,1%) и все время 6341 (34,1%) хозяйств. Следовательно, не менее 1/3 хозяйств не обходились без работы по найму⁵).

Крестьянское хозяйство чаще всего отпускало в найм не всех членов семьи, а лишь часть. Из 18521 хозяйства Алтайского округа отчуждали труд 10695 (57,7%), из них только труд детей - 3247 (17,5%) хозяйств, детей и других членов семьи - 2358 (12,7%), 7448 (40,2%) хозяйств отпускали в работники как членов семьи, так и их глав⁶). Следовательно, у лиц, занятых в работе по найму, в т.ч. и в долгосрочной работе, оставалась связь с собственным хозяйством. Особенностью сибирских сельскохозяйственных рабочих была высокая вероятность превращения в хозяина, что определялось в первую очередь наличием свободных земель. При благоприятном стечении обстоятельств часть наемных рабочих исчезала с рынка труда. Пока крестьянин владел каким-либо движимым или недвижимым имуществом (земля, скот) существовала возможность превращения в независимого хозяина или иллюзия этой возможности. По своим социально-психологическим чертам наемные рабочие деревни принадлежали в большей степени к крестьянству, а не пролетариату.

Не менее затруднено и решение вопроса о выделении постоянных и временных рабочих. Наиболее простой выход - отнести годовых к постоянным, сроковых к сезонным и поденных к временным. Однако специфика сельскохозяйственных работ позволяет отнести к постоянным рабочим и сроковых, т.к. наиболее распространенными сроками найма были: с 1 июня по 1 ноября, либо с 14 июня по 1 октября, либо с 14 июня по 29 сентября, т.е. на время полевых работ. А полевой сезон даже в наиболее благоприятных климатических зонах, таких как Алтайский округ, начинался во второй декаде мая и длился до конца

наемного труда и страду, это, с одной стороны, показатель существования значительной группы хозяйств, позволявших себе использование наемных рабочих, с другой, свидетельство наличия большой группы хозяйств нуждавшихся в деньгах либо для личного потребления, либо для хозяйственных нужд.

Несмотря на сложность определения социальной структуры сельскохозяйственных рабочих, их психологии, промежуточного положения, сделать это необходимо: сельскохозяйственный пролетариат России был объективной реальностью. Тем более, что сельскохозяйственные рабочие были одним из наиболее многочисленных отрядов пролетариата страны. Согласно имеющимся в исторических исследованиях данным, их доля в общей численности рабочих выросла с 18,8% в 1860 г. до 32,4% в 1897 г. и 35,7% в 1913 г.¹⁰⁾ Однако во многих случаях размеры применения наемного труда устанавливались приблизительно и могут характеризоваться лишь как основная тенденция этого процесса. В настоящее время численность наемных рабочих в сельском хозяйстве России и отдельных ее регионов еще полностью не определена. Исчерпывающие данные о численности сельскохозяйственных рабочих, ее динамики, позволяют существенно уточнить размеры армии наемного труда в стране.

Приблизительность данных о численности наемных рабочих или их отсутствие по отдельным районам или в целом по стране связаны не только с недостатком широкого круга источников, но и с ограниченностью возможностей их сопоставления. Кроме того, разрозненность статистического учета привела к тому, что различные учреждения и ведомства занимались изучением одних и тех же сторон социально-экономической жизни страны, сообразуясь только со своими нуждами и потребностями. Отсюда различия программ, методов сбора и обработки материалов переписей и обследований.

Сложность учета численности сельскохозяйственных рабочих в результате создала такое положение, что и для районов интенсивного применения наемного труда в земледелии, нет данных о динамике числа рабочих. Недостаточная степень разработанности настоящего вопроса прослеживается и в фундаментальном труде по истории рабочего класса России¹¹⁾, где практически отсутствует динамика численности сельскохозяйственных рабочих по отдельным регионам, не показаны размещение их по отдельным районам, места наибольшей концентрации, многие аспекты рассматриваются на уровне предположите-

льности. По Западной Сибири также требуется более детальное рассмотрение вопросов, связанных с использованием наемного труда в сельском хозяйстве в конце XIX – начале XX вв.

Исходные данные по численности сельскохозяйственных рабочих как отдельных регионов, так и всей страны представлены в материалах переписи населения 1897 г. Несмотря на то, что перепись критиковалась и современниками, и историками, она является единственным массовым источником, содержащим сведения об общей численности наемных рабочих в сельском хозяйстве страны конца XIX в., их половозрастном составе, распределении по территории государства (см. табл. I).

Таблица I ¹²⁾

Сельскохозяйственные рабочие России в 1897 году

Территориальная единица	Всего сельского населения (млн. человек)		В том числе:		
			наемных рабочих		
	абс.	%	абс.	в процентном отношении к населению	ко всем рабочим
Россия	106,8	100,0	2,603	2,4	100,0
Европейская Россия	81,5	74,9	1,748	2,1	67,2
Сибирь	5,3	4,9	0,139	2,6	5,3
Западная Сибирь	3,1	2,9	0,074	2,4	2,9
Тобольская губ.	1,3	1,2	0,039	2,9	1,5
Томская губ.	1,8	1,6	0,035	1,9	1,4

Общая численность постоянных сельскохозяйственных рабочих России была определена переписью 1897 г. в 2602706 человек, доля Западной Сибири была невелика – 2,9%, в то время как на другие районы – районы интенсивного развития капитализма в сельском хозяйстве – такие как Прибалтийско-Литовский приходилось 28% общего числа сельскохозяйственных рабочих, на Украину – 15%, Ставрополье и Северный Кавказ – 12% ¹³⁾. Однако удельный вес наемных рабочих в Западной Сибири был не ниже, чем в среднем по России.

Перепись 1897 г. зафиксировала в Западной Сибири 74976 постоянных сельскохозяйственных рабочих ¹⁴⁾ – наемных рабочих земледелия и животноводства региона. Однако эта цифра не только не отражает действительную потребность в наемных рабочих в аграрную пору, когда увеличивалось число не только поденных, но и летних сру-

ковых рабочих, но и занижает число постоянных рабочих. Так, согласно мнению С.Г.Струмилина, летом число наемных рабочих только в земледелии, по самым минимальным подсчетам, должно превысить зимние цифры на 20-25%¹⁵⁾. Эта гипотеза подтверждается и сведениями о значительном увеличении летом числа хозяйств, использовавших наемный труд. Перепись 1897 г. выделила 2257 хозяйств в Ялуторовском округе, эксплуатировавших труд наемных рабочих, а летом 1894 г. в этом же округе было 3847 хозяйств с годовыми и сроковыми рабочими, что в 1,7 раза превышало цифры 1897 г.¹⁶⁾

Соотношение различных форм найма можно проследить по Ишимскому округу и Алтайскому горному округу. В Ишимском округе хозяйств, продававших свой труд в сельскохозяйственном производстве, было 953, из них поденными работами занимались 47,6% хозяйств, летними - 14,6%, батрачеством - 29,3%, сочетали несколько видов работ - 8,5% хозяйств¹⁷⁾. В Алтайском горном округе годовых и сроковых рабочих отпускали 37,8% хозяйств, поденных - 24,1%, сдельных - 31,2%, в неизвестной форме - 6,5%, во всех формах - 0,1% хозяйств. В этом же округе нанимали годовых и сроковых рабочих - 39,3% хозяйств, поденных - 24,2%, сдельных - 29,6%, в неизвестной форме - 6,5%, во всех формах - 0,4% хозяйств¹⁸⁾.

Статистико-экономические обследования 80-90-х гг. подтверждают преобладание среди форм найма - поденной и сдельной, на которые приходилось до 2/3 случаев найма, иногда до 4/5, а на постоянный - не более 40% всех случаев найма¹⁹⁾.

Перепись 1897 г. учла лишь минимум постоянных рабочих, для более полного представления о их численности необходимо увеличить количество нанимавшихся зимой на 15-20% - число летних сроковых рабочих. Следовательно, численность постоянных рабочих в конце XIX в. составляла не менее 86-90 тыс.чел., а общее число наемных рабочих (постоянных и временных) - 180-225 тыс.чел.

Сплошных обследований сельскохозяйственных рабочих в начале XX в. не проводилось. Данные по отдельным регионам имеются в опубликованных источниках, однако их разнородность, заключающаяся в описании лишь отдельных групп наемных рабочих, различных приемах группировки нанимавших и отпускавших рабочих хозяйств, локальность - все эти моменты не позволяют делать широких выводов и обобщений. Наиболее полные и представительные данные по этому вопросу имеются

в сельскохозяйственных переписях 1916 и 1917 гг. Обе переписи проводились летом, когда число рабочих достигало максимума, однако учтена в них лишь часть рабочих. В 1916 г. в формуляры вносились только те рабочие, которые проживали в хозяйстве не менее месяца и были наняты на срок не менее месяца²⁰⁾. Следовательно, это обследование учло лишь годовых и сроковых рабочих, исключив значительную по величине группу поденных и сдельных, а также часть сроковых, нанимавшихся после проведения переписи (август-ноябрь 1916 г.). В 1917 г. учитывались только те наемные рабочие, которые прожили в хозяйстве более месяца²¹⁾, т.е. обследование исключало не только поденных и сдельных, но и часть сроковых, например, месячных, а также не успевших прожить в хозяйстве более месяца, хотя и нанятых в долгосрочную работу.

По программе обследования 1916 г., проводившегося в Европейской России, свои и наемные рабочие отмечались в одной графе. В Азиатской России они разделялись. Но сводные опубликованные данные есть только по Томской губернии. По ним число годовых и сроковых рабочих было 56150 человек²²⁾. Перепись 1917 г. зафиксировала на той же территории 36675 наемных рабочих²³⁾ или на 1/3 меньше, чем в 1916 г. Одной из основных причин столь резкого сокращения рабочих могло послужить исключение из числа обследуемых некоторых категорий рабочих. Объективных условий для такого значительного уменьшения рабочих не могло быть много: посевные площади в 1917 г. по сравнению с 1916 г. выросли с 5009,4 тыс. десятин до 5577,7 тыс. десятин²⁴⁾, урожай в 1917 г. был выше, чем в предыдущем²⁵⁾, численность сельскохозяйственных машин и орудий, которые могли повлиять на уменьшение армии наемного труда, сокращалась, т.к. война привела как к уменьшению производства их внутри страны, так и ввоза из-за границы. По сравнению с 1914 г. ввоз машин из-за границы сократился на 76,0%, внутреннее производство составляло 15% от нормы²⁶⁾. Призыв в армию приводил лишь к замене мужского труда менее производительным, а значит требовавшимся в больших размерах, трудом женщин и детей. Следовательно, главной причиной могло послужить лишь исключение из подсчета части сроковых рабочих, около 1/3 и численность постоянных рабочих Западной Сибири с учетом поправки возрастала с 60057²⁷⁾ чел. до 90 тыс. чел. Однако постоянные рабочие не исчерпывали числа лиц, живших за счет продажи своего тру-

да. Как и в XIX в. в состав сельскохозяйственных рабочих входили поденные и сдельные. Соотношение форм найма показывает, что и в начале XX в. в крестьянских хозяйствах преобладал срочный и поденный найм. В 1911-1912 гг. сократился удельный вес сдельных работ. Это могло быть связано с дальнейшим развитием капитализма и сокращением кабальных форм найма. По-прежнему высокой была доля долгосрочных рабочих в районах торгового земледелия. В Барнаульском уезде в 1905 г. срочные рабочие составляли 45,2% от общего числа их²⁸⁾. Из обследования крестьянских хозяйств Томской губернии в 1911-1912 гг. следует, что соотношение постоянных и временных рабочих было 1:3²⁹⁾. Следовательно, общая численность, работавших по найму в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1917 г. составляла около 360 тыс. чел.

Еще одну группу постоянных сельскохозяйственных рабочих составляли пастухи, которые не вошли в число срочных рабочих, т.к. их нанимали не отдельные хозяйства, а сельские общины или отдельные селения. Подсчет пастухов можно построить лишь на косвенных данных. Один из способов подсчета может опираться на численность населенных пунктов. Так, например, при обследовании в 1894 г. Томского округа отмечалось, что "можно считать общим положением, что каждое селение имеет своего пастуха"³⁰⁾. В других исследованиях указывалось, что одного пастуха нанимает несколько селений. "Так, например, деревни Зудова, Кирьянова, Елизарова Ояшинской волости нанимают общего овечьего пастуха, д. Баранова сдает своих овец в Тальменку"³¹⁾. Однако эти сообщения уравновешивались другими: "в д. Пятковой Тутальской волости нанимали одного овечьего и двух коровых пастухов"³²⁾. Аналогичные сведения имеются по Тобольской губернии. Если в одних местах либо не было пастухов, либо один на сельскую общину, то в других "скот летом сдает пастуху улицей: одна улица одному, другая - другому"³³⁾. И, если в небольших деревнях нанимали одного пастуха для овец и коров, то в крупных - отдельно пастуха для крупного скота и отдельно "овечьего" пастуха. Вполне логично приравнять численность пастухов к количеству населенных пунктов в сельской местности региона. В Томской губернии их было 5690, в Тобольской - 3721³⁴⁾. Однако на 25 селений Барнаульской волости приходилось 149 пастухов, на 9 селений Шубенской волости - 42, 18 селений Бийской - 65 пастухов. Можно попытаться соотнести численность пастухов и количество скота в этих волостях. Так, в

Шубенской волости на одного пастуха приходилось 840 голов разного скота, не считая лошадей, в Барнаульской - 579, в Бийской - 791³⁶⁾. В среднем немногим более 700 голов разного скота на одного пастуха. Если сопоставить эти данные, то получается, что в конце XIX в. в Томской губернии было более 5 тыс. пастухов, в Тобольской - около 4 тыс. Эти цифры и количество сельских населенных пунктов в Западной Сибири практически равны. И можно предположить, что в конце XIX в. в Западной Сибири было около 9 тыс. пастухов.

В начале XX в. ситуация несколько изменяется. Растет число населенных пунктов, население в них. Количество скота увеличивается значительно быстрее, чем число поселений. Так, если число сельских населенных пунктов в Томской губернии к 1917 г. по сравнению с концом XIX в. выросло в 1,3 раза, то количество рогатого скота в 2,2 раза, овец в 1,9 раз³⁶⁾. Следовательно концентрация скота в отдельных селах росла и требовалось большее число пастухов. Обследование переселенческих хозяйств в Томской губернии в 1912 г. показало, что на 291 поселение приходилось 620 пастухов, в среднем немногим более двух пастухов на поселение (см. табл. 2)

Таблица 2.

Пастухи в Томской губернии в 1912 году

Территориальная единица	Ч и с л о ч и с л е н н о с т ь			П р и х о д и л о с ь:	
	поселений	хозяйств	пастухов	пастухов на 1 поселение	хозяйств на 1 пастуха
Степной р-н (Барн., Каин.)	111	6133	204	1,7	30,1
Лесостепной (Каинский)	36	3355	123	3,5	27,2
Переходный (Томск., Марин.)	101	6502	182	1,8	35,7
Таежный (Томск., Марин.)	44	2802	111	2,5	25,2
Итого по губ.	291	18772	620	2,1	30,3

В 1912 г. в Томской губернии на одного пастуха приходилось в среднем 30 хозяйств, в конце XIX в. - вдвое больше. Так, например, в Шубенской волости - 57,7 хозяйства³⁶⁾. Увеличение числа пастухов в начале XX в. объяснялось ростом поголовья скота в крестьянском хозяйстве. Если предположить, что к 1916 г. в Западной Сибири в одном поселении было два пастуха, то их численность в Томской губернии могла составить 15 тыс. чел., а в Тобольской - около 10 тыс. чел.

И общее число постоянных сельскохозяйственных рабочих региона можно увеличить на 25 тыс. человек.

Итак, численность сельскохозяйственных рабочих Западной Сибири выросла к 1917 г. по сравнению с концом XIX в. в 1,6 раза, а в России более чем в 1,7 раза. Однако следует учесть, что в связи с войной общая численность сельскохозяйственных рабочих понизилась с 1913 по 1917 гг. более чем на 30%³⁹⁾.

Размещение и концентрация сельскохозяйственных рабочих зависели от специализации региона. Материалы переписей 1897, 1916 и 1917 гг. позволяют проследить размещение рабочих на территории Западной Сибири. К сожалению, материалы переписи 1897 г. показывают распределение хозяйств, нанимавших рабочих, а не лиц, работавших по найму. Согласно данным 1897 г. основная масса нанимавших хозяйств, а следовательно, и постоянных рабочих, приходилась на Тобольский, Ишимский, Курганский, Ялutorовский, Барнаульский, Змеиногорский и Каинский округа, в которых сосредоточивались 61,9% всех нанимавших хозяйств⁴⁰⁾. В Западной Сибири хозяйства с высокой концентрацией наемных рабочих было немного, преобладали хозяйства с одним постоянным рабочим, составлявшие 77,8% всех хозяйств с рабочими, а хозяйства, имевшие более четырех рабочих не превышали 3%⁴¹⁾. Таким образом, концентрация рабочих в крестьянских хозяйствах была незначительной. На распыленность сельскохозяйственных рабочих указывали историки-аграрники, изучавшие другие районы России. Переписи 1916 и 1917 гг. не позволяют сравнить данные о сельскохозяйственных рабочих по всем параметрам с переписью 1897 г. Сведения о хозяйствах, нанимавших сельскохозяйственных рабочих в 1917 году, есть только по Тобольской губернии. Сопоставляя данные 1897 и 1917 гг. видим, что общее число хозяйств в губернии выросло на 1/3, а количество нанимавших дворов сократилось на 8,9%⁴²⁾. Причиной могли быть, во-первых, сокращение числа обследованных в 1917 году хозяйств, кроме Сургутского и Березовского уездов из переписи были исключены "некоторые недоступные в летнее время части Тобольского и Тарского уездов"⁴³⁾, во-вторых, 15 тыс. хозяйств отказались от участия в переписи, только в Ялutorовском уезде 6 волостей не были переписаны⁴⁴⁾ и, в-третьих, война привела к тому, что многие хозяйства не могли себе позволить использование долгосрочных форм найма. Как и прежде, уезды Тобольский, Ишимский и Курганский сосредоточивали основную массу нанимавших хозяйств - 67,3%.

Значительно сократилось число наемных рабочих, приходившихся на одно хозяйство (см. табл. 3).

Таблица 3⁴⁵⁾

Наемные рабочие в сельском хозяйстве Тобольской губернии

Годы	Хоз-ва с наемными рабочими	В них рабочих	Приходилооь раб-х на одно хозяйство
1897	19999	39811	1,99
1917	18207	23382	1,28

В материалах переписи 1916 г. есть распределение сельскохозяйственных рабочих Томской губернии по уездам. Наибольшее число рабочих - 39,9% находилось в Барнаульском уезде, однако самый высокий удельный вес наемных рабочих был в Томском и Каинском уездах. Численность долгосрочных рабочих в 1916 г. была выше чем в 1897 г. в 1,5 раза, а удельный вес несколько ниже (см. табл. 4).

Таблица 4⁴⁶⁾

Наемные рабочие в сельском хозяйстве Томской губернии

Годы	Численность наемных рабочих	Удельный вес наемных рабочих	На I наличное хозяйство прих-сь наемных рабочих
1897	35135	0,019	0,11
1917	56150	0,015	0,08

Как уже отмечалось, несмотря на то, что 52,0% наемной рабочей силы в сельском хозяйстве потреблялось крестьянскими хозяйствами, концентрация рабочих в них была невысокой. Так, в 1917 г. на одно нанимавшее крестьянское хозяйство приходилось в России 1,38 рабочего, в юго-восточных районах - 1,22, в Тобольской губернии - 1,28. Однако в Европейской России были более мощные, чем в Сибири владельческие хозяйства, которые в среднем по России потребляли 10,5 наемных рабочих на одно хозяйство, то время как в Сибири лишь 5,7 рабочих⁴⁷⁾.

Итак, за время с конца XIX в. по 1917 г. произошло выделение районов капиталистического земледелия. Выделились местности в которых сосредоточились более 1/3 рабочих: Барнаульский и Тькалинский, а также с наименьшим количеством рабочих - не более 10% их общего числа - Тобольский, Туринский, Мариинский, Бийский⁴⁸⁾.

Основной сферой приложения наемного труда было земледелие.

Перепись 1897 г. зафиксировала, что среди сельскохозяйственных рабочих подавляющее большинство составляли земледельческие рабочие как в Сибири, так и в России. К сожалению, отсутствие данных по округам не позволяет проследить как соотносились наемные рабочие в районах, где преобладало скотоводческое хозяйство, например, в урманах Тобольской губернии.

Таблица 5⁴⁹⁾

Распределение сельскохозяйственных рабочих по отраслям производства в 1897 году

Территориальная единица	Всего наемных рабочих		В том числе:					
			в земледелии		скотоводстве		прочих отраслях сельск. хозяйства	
			абс.	%	абс.	%	абс.	%
Россия	2602706	100	2132899	81,9	411817	15,9	57990	2,2
Европейская Россия	1748069	100	1485608	84,9	226151	12,9	36310	2,2
Сибирь	139273	100	118622	85,2	20038	14,3	613	0,5
Западная Сибирь	74946	100	69756	93,1	4858	6,4	339	0,5
Тобольская губерния	39811	100	37539	94,3	2228	5,6	44	0,1
Томская губерния	35135	100	32217	91,7	2823	7,5	295	0,8

В начале XX в. в связи с развитием маслоделия происходит как увеличение численности молочного скота, так и рабочих, занимавшихся по уходу за ними. Однако земледелие, по-прежнему, оставалось основной отраслью сельского хозяйства. Перепись 1917 г. распределения сельскохозяйственных рабочих по отраслям производства не дает. Одной из причин отсутствия таких данных можно считать слабую дифференциацию занятий в сельском хозяйстве.

С развитием капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве среди наемных рабочих возрастает доля женщин и подростков. Сведения о половозрастном составе наемных рабочих имеются как в переписях 1897, 1916 и 1917 гг., так и в материалах выборочных обследований крестьянских хозяйств.

Обобщающие данные переписи 1897 г. показывают, что среди сельскохозяйственных рабочих Западной Сибири преобладали мужчины - 76,7%, подростки составляли лишь 5,7% от всех нанявавшихся⁵⁰⁾.

Перепись 1916 г. зафиксировала преобладание среди наемных рабочих - мужчин, в Томской губернии они составляли 68,3% всех нанимавшихся⁵¹⁾, однако материалы обследования 1917 г. значительно корректируют сведения 1916 г. И хотя, по-прежнему, мужчины преобладали среди наемных рабочих, третья часть их была подростками (см. табл. 6). Таким образом война внесла изменения в половозрастной состав сельскохозяйственных рабочих - женщины и подростки составляли более половины их числа.

Таблица 6⁵²⁾

Половозрастной состав сельскохозяйственных рабочих в Западной Сибири в 1917 году

Губернии:	Алтайская		Тобольская		Томская		Итого	
Всего наемных рабочих	21296	100%	23382	100%	14749	100%	60057	100%
В том числе:								
Мужчин	15782	71,9	15791	67,5	11169	75,7	42742	71,2
Женщин	6144	28,0	7591	32,5	3580	24,3	17315	28,8
В том числе:								
Взрослых мужчин	7342	33,5	11416	48,8	7643	51,8	26401	43,9
Взрослых женщин	3194	14,6	5680	24,3	1970	13,4	10844	18,1
Подростков обоего пола	11390	51,9	6286	26,9	5136	34,8	22812	37,9
В том числе:								
Мужчин	8440	53,5	4375	27,7	3526	31,6	16341	38,2
Женщин	2950	48,0	1911	25,2	1610	44,9	6471	37,4

Итак, сельскохозяйственный пролетариат в конце XIX в. в Западной Сибири был объективной реальностью. На его долю приходилось в 1897 г. 2,9% сельскохозяйственных рабочих страны, в 1917 г. - 4,9%. Сельскохозяйственные рабочие отчуждали труд в различных формах: годовой, срочной, подневной и сдельной. Но преобладал подневный, что свидетельствовало о большой доле среди наемных рабочих - рабочих с наделом, "чистые" пролетарии составляли лишь незначительную часть их. Обратимость процессов батрачества, крестьянская психология наемных рабочих приводили к тому, что и батраки при благоприятных условиях исчезали с рынка труда. Формирование сельскохозяйственных рабочих в класс к 1917 г. не завершилось ни в Западной Сибири, ни в России.

вообще, где также преобладали временные рабочие.

Концентрация сельскохозяйственных рабочих у отдельных хозяйств была незначительной. В конце XIX в. более 2/3 хозяйств, использовавших наемный труд, нанимали лишь одного рабочего, не произошло кардинальных изменений и в начале XX в. Распыленность сельскохозяйственных рабочих не способствовала их консолидации и активному участию в классовой борьбе. Слабая обеспеченность сельского хозяйства техникой была одной из причин незначительного участия в работе по найму женщин и подростков.

Таким образом, хотя Западная Сибирь стремительно втягивалась в товарно-денежные отношения, она оказалась во власти низших форм капитализма, что оказало влияние на социальную структуру, численности и размещение сельскохозяйственных рабочих.

Примечания:

1. Подсчитано по: Статистические данные о положении крестьянского хозяйства в Ишимском округе Тобольской губернии после неурожая 1891-1892 годов. СПб., 1897. С. 1-69.

2. Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 2, 4; Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906. С. 1-178; Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1921. С. 1-87;

3. Сибирская жизнь. 1899. 13 нояб.

4. Там же.

5. Подсчитано по: Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Барнаул, 1899. Вып. I: Экономические таблицы. 199, 16 с.

6. Там же.

7. Алтайский ежегодник за 1921-1922 хозяйственный год. Барнаул, 1923 (вкладка).

8. Сибирский вестник. 1903. II сент.

9. Криль Е. А. Сельскохозяйственная техника. М., 1926. С. 6-7; Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1901 год. Барнаул, 1902. С. 6-9, 24-25.

10. Подсчитано по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 203; Рабочий класс в первой российской революции

1905-1907 гг. М., 1981. С. 41; Рабочий класс России 1907 - февраль 1917 г. М., 1982. С. 42.

11. Там же.

12. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население империи по уездам. СПб., 1905. С. 23-24; Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 274; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 147; Водарский Я. Е. Население России за 400 лет. XVI-начало XX вв. М., 1974. С. 104; Хромов П. А. Экономическая история СССР. М., 1982. С. 119; Численность и состав рабочих России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи. СПб., 1906. С. 4-5, 12-13.

13. Рабочий класс России от зарождения до... С. 196.

14. Численность и состав рабочих России... С. 4-5, 12-13.

15. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 279.

16. Материалы по исследованию землепользования и экономического быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М., 1897. 830 с.

17. Статистические данные о положении крестьянского хозяйства в Ишимском округе... С. 1-69.

18. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе... Вып. 1. С. 19-20.

19. Подсчитано по: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1882-1892. Вып. 3, 6, 7; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе). Барнаул, 1898-1900. Вып. 1-3; Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе...

20. РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 107. Л. 262; Основные положения программы местной обработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи // Статистико-экономические бюллетени. 1917. № 6. С. 7.

21. Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Томск, 1917. С. 17.

22. Подсчитано по: Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Томск, 1927. С. 184-185.

23. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г... С. 149, 165.

24. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX - начало XX). Новосибирск, 1967. С. 375.

25. Пронин В.И. Сравнительный анализ динамических рядов урожайности в Сибири в XIX - начале XX вв. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1978. № 71: Сер. общ. наук. Вып. 3. С. 83.

26. Шестаков А.В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем. Л., 1927, С. 36.

27. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной... С. 147, 149, 165.

28. Экономическое исследование маслоделия в Сибири... С. 78-83.

29. Подсчитано по: Экономическое положение населения Причулымского края б. Томской губернии. Томск, 1927; Сборник статистических сведений о переселенцах в Томской губернии. Вып. 2; Переселенцы; пришедшие к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 годы. Томск, 1928.

30. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1898. Вып. 2: Землевладение и землепользование. С. 160.

31. Там же. Вып. 3: Промыслы и население. С. 143.

32. Там же. С. 144.

33. Материалы для изучения быта переселенцев, подворенных в Тобольской губернии. Тобольск, 1898. Вып. 1. С. 38.

34. Волости и населенные места 1893 года. СПб., 1894. Вып. 10: Тобольская губерния. С. I-III; Вып. 11: Томская губерния. С. I-II6; Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. СПб., 1902. С. 30.

35. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде... Вып. 1-3.

36. Подсчитано по: Сибирский торгово-промышленный календарь. Томск, 1898. С. 210; Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. С. 134; А. Ч. з. Скотопромышленность в Сибири // Сибирский земледелец. 1908. № 10. С. 9; Наосонов П. Урожай хлебов и трав в 1915 году в Томской губернии // Сибирское сельское хозяйство. 1915. № 20. С. 630-631; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи... С. 149, 165; Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство... С. 381.

37. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии... Вып. 2. С. 406-431.

38. Подсчитано по: Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде... Вып. 2. С. 48.
39. Рабочий класс России. 1907-февраль 1917 г... С. 42, 246.
40. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. СПб., 1904. С. 6-9.
41. Там же.
42. Там же.
43. ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 725. Л. 5.
44. ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 708. Л. 3, 21.
45. Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения... Вып. 10. С. 6-9; Численность и состав рабочих России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906. С. 4; ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 717; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной... С. 165.
46. Численность и состав рабочих России... С. 4; Алтайско-Томская часть Сибири... С. 184; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население... С. 24.
47. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 277.
48. Подсчитано по: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной... С. 164, 165, 168; Алтайско-Томская часть Сибири... С. 184, 185; ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 717.
49. Подсчитано по: Численность и состав рабочих России на основании данных Первой всеобщей переписи... С. XVI, 4.
50. Там же. С. 4-5.
51. Подсчитано по: Алтайско-Томская часть Сибири... С. 184.
52. Подсчитано по: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи... С. 149, 165.

В. Г. Зюкова

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ КОМИТЕТОВ В 1917 Г.

Февральская революция разрушила административный и фискальный аппарат царизма в деревне. Функции прежних сельских и волостных правлений были уполномочены взять на себя избранные в первые недели революции сельские и волостные комитеты "порядка", "спокойствия и безопасности" и пр., получившие общее название временных исполнительных комитетов. Учитывая значимость для страны земель-

ного вопроса, Временное правительство решило выделить его в особое делопроизводство и 21 апреля 1917 г. приняло "Постановление об учреждении земельных комитетов", которым предусматривалось создание главного и местного комитетов, вплоть до волостного уровня. Формирование земельных комитетов в Сибири шло медленно и в волостях их выборы развернулись лишь в июле-августе 1917 г. В 1917 г. эти организации оказались в центре перемен во взбудораженном революцией укладе крестьянской жизни.

Роль временных исполнительных и земельных комитетов в развитии общественно-политических процессов в деревне советской исторической наукой была замечено давно. Крестьянские комитеты традиционно рассматривались в рамках изучения крестьянского движения и их деятельность анализировалась с позиций либо содействия борьбе крестьянства с "феодално-крепостническими пережитками" и "буржуазно-эксплуататорским строем", либо препятствия таковой. В исследованиях, призванных показать социально-политическую готовность деревни к восприятию идей социалистической революции, акцент делался на всевозможных проявлениях ломки прежних устоев, неподчинении законам и увещаниям вышестоящих организаций. При этом круг действий крестьян и их организаций, относимых к "социальным войнам" произвольно и необоснованно расширялся за счет дел уголовного характера.

Остальные виды деятельности комитетов, и особенно те из них, которые препятствовали разрыву старых хозяйственных отношений и развалу производства, не пользовались вниманием историков. Они отгульно квалифицировались как пособничество буржуазии, а комитеты получили ярлык "кулацко-эсеровских". В предлагаемой статье сделана попытка уйти от классовых позиций и через анализ форм и методов действий крестьянских комитетов при решении земельного и лесного вопроса показать их место в экономической жизни деревни в 1917 г.

Смену власти крестьянство встретило в ожидании перемен к улучшению условий жизни и хозяйствования. Как отмечалось, первыми образовались временные исполнительные комитеты и до возникновения земельных комитетов они фактически остались единственными полными органами местного самоуправления. На временные исполнительные комитеты лег груз накопившихся проблем в пользовании землей и лесом, связанных с массовыми переселениями, которые усугублялись продолжавшейся войной, требовавшей огромных средств и пог-

лощавшей рабочую силу. После организации земельных комитетов, в ведение которых перешло урегулирование земельных споров, в компетенции временных исполнительных комитетов остались: сбор налогов и контроль за выполнением натуральных повинностей, раздача пособий семьям мобилизованных, распределение на работы военнопленных, контроль за работой отпущенных на полевые работы солдат сибирских запасных гарнизонов, регулирование цен на товары первой необходимости и рабочие руки, учет хлебных запасов, борьба с самогоноварением и еще многое, что являлось олагаемым экономических отношений в деревне и отношений крестьянства с государством.

В основу анализа положены составленные автором хроники деятельности сельских и волостных исполнительных и волостных земельных комитетов, которые включают сведения о 273 исполнительных и 97 земельных комитетах, неравномерно представляющих большинство уездов Сибири. Собранные материалы, не претендуя на полноту, все же отражают многообразие видов деятельности и позволяют выявить основные направления и методы работы, сделать некоторые выводы.

Центральное место в решениях и практических действиях крестьянских комитетов занимал лесной вопрос. Корни его уходят в систему лесопользования. В процессе проводившегося в конце XIX в. землеустройства 40% деревень на государственных и 57% - на кабинетских землях не получили лесных наделов. Обеспеченность крестьян лесом из общинных наделов даже в богатых лесами районах не удовлетворяла потребности хозяйства. Недостаток леса сильнее ощущался в наиболее населенных уездах юго-западной части Сибири, в пригородной и прижелезнодорожной полосе. Крестьяне вынуждены были платить казне и Кабинету за заготовку строевого леса, дров, выпас скота, право охотиться, гнать смолу, деготь и пр.

Вера крестьянства, что после овержения самодержавия леса перейдут в их достояние, определяла направление их усилий в русле коллективного и организованного захвата управления лесным хозяйством через посредство выборных крестьянских организаций. Требования передачи лесов во владение сельских обществ нашли отражение в деятельности более четверти исполнительных комитетов и почти трети волостных земельных комитетов. Уже в первые после революции месяцы стремление к овладению лесами выразилось в смещении прежних служащих лесничеств и назначении комитетами новых, как правило,

прибывших с фронта по ранению солдат. Наибольшее распространение это явление получило в лесничествах Алтайского округа. По сообщению управляющего округом Л. Л. Маслова к началу июня в некоторых лесных хозяйствах оставалась на службе лишь третья часть объездчиков, остальные были заменены выборными¹⁾. Решения о замене объездчиков, зарекомендовавших себя крайне небрежным отношением к обязанностям, прибывшими после ранения солдатами приняли исполнительные комитеты ряда сел Ильгинской и Тутурской волостей Верхотурского уезда Иркутской губернии²⁾.

Большой остроты достигли конфликты в Юргинской и Пятковской волостях Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Юргинский волостной комитет взял в свое управление находившиеся на территории волости казенные лесные дачи, удалил лесную стражу, а деятельность лесничего поставил под свой контроль. В конце марта крестьянский сход Пятковской волости принял решение взять в свое управление Пятковское лесничество общей площадью около 25 тыс. десятин. Волостной исполнительный комитет ввел охрану силами самих крестьян, установил бесплатное пользование бывшими оброчными статьями и высокие штрафы за самовольные порубки, в результате чего, по признанию уездного комиссара, они полностью прекратились. В дальнейшем управление лесничеством принял на себя волостной земельный комитет. Несмотря на постоянное давление губернских и уездных чиновников комитет не изменил своего решения и до конца октября лесничество оставалось в "захвате населения"³⁾.

Устраняя прежнюю лесную администрацию или вводя контроль над ее деятельностью, большинство комитетов стремилось предотвратить хищническое истребление лесов и организовать их рациональное использование. Комитеты отменяли плату за побочные пользования, заготовку валежного леса и сухостой, на льготных условиях отпускали лес солдаткам и погорельцам. Эти меры находили поддержку у крестьян, побуждали их к коллективной ответственности за сохранность лесов.

Внимательное знакомство с материалами комитетов убеждает, что преобладали не постановления о разделе дач на деляны по душам и вырубке, в чем их обвиняли лесничие, а наоборот, — решения об охране лесов, недопущение заготовок ближе 5-15 верст от деревень, прекращении массовых рубок лесопромышленниками и арендаторами. Кре-

отьянские комитеты сел, примыкавших к Емичинскому лесничеству в Загваздинской волости Тобольского уезда запретили лесничему Фон-Рило вести заготовку дров, чем остановили работы ота военнопленных. Волостной комитет поддержал действия сельских комитетов и ходатайствовал перед губернским комиссаром о немедленном отстранении лесничего от должности, подчеркивая нарушение лесничим служебных обязанностей, поскольку он одновременно являлся и подрядчиком по заготовке⁴⁾. На "неправомерные действия" Бутовского сельского и Дровского волостного исполнительных комитетов в Испол. м Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов жаловался лесопромышленник Сараев. Комитеты запретили ему вести вырубку и санитарную очистку леса на его собственном участке, и под воздействием Исполкома Совета был найден компромисс⁵⁾.

Действуя в интересах своих избирателей, некоторые комитеты проявляли большое упорство в противодействии губернским организациям. Так, волостной земельный комитет Карагайской волости Тобольского уезда, уступил многочисленным просьбам жителей сельских обществ и входивших в состав волости инородческих юрт, основным источником существования которых была заготовка на продажу леса и дров и разрешил им вести промысел своими силами и под наблюдением сельских комитетов. Вопреки требованиям губернского комиссара, губернского земельного комитета и губернского управления земледелия и государственных имуществ волостной комитет так и не отменил своих решений⁶⁾. Удалось настоять на своих требованиях об отмене торгов лесных дач исполнительным комитетам Локтинской, Гагарьевской, Ларикинской волостей Ишимского уезда. Комитеты потребовали предоставления права на пользование лесом крестьянами и губернское управление земледелия и государственных имуществ уступило, сделав распоряжение лесничему о продаже до 1 июля всех отведенных в дачах Ишимского уезда делян по существующей оценке без торгов только местному населению⁷⁾. Интересам крестьян отвечали решения очень многих комитетов, предписывавшие лесничим сдавать арендные статьи сначала сельским обществам и лишь после их удовлетворения выставлять их для приобретения частных лиц. Подобные действия комитетов, конечно, снижали доходность лесничеств, но предоставляемая комитетами возможность льготного или бесплатного пользования выпасами, дровами, а нередко и строевым лесом давала существенную поддержку

для несостоятельных олов деревни.

Летом 1917 г. на первый план в требованиях крестьян выдвинулся вопрос о земле, и в первую очередь о сенокосных угодьях. Земельный вопрос стал основным содержанием деятельности примерно каждого седьмого сельского или волостного исполнительного комитета и более половины волостных земельных комитетов. Постановлением Временного правительства на земельные комитеты возлагались обязанности по сбору и подготовке для Учредительного собрания сведений о землепользовании и землеобеспечении, а также урегулирование земельных отношений в течение переходного периода. Работоспособность и исполнительность комитетов при решении этих задач прежде всего зависела от степени остроты земельного вопроса в конкретном районе и позиции вышестоящих земельных комитетов.

Приводя свои установки в соответствие с линией правительства, Томский и Тобольский губернские земельные комитеты с самого начала решительно стали на путь консервации земельных отношений впредь до решения вопроса Учредительным собранием в общегосударственном масштабе. Позиция Алтайского, Енисейского и Иркутского губернских земельных комитетов была более гибкой. Им так же не были чужды категорические запреты на "самостоятельное решение земельных дел самими крестьянами" и демагогические заверения "... впредь до Учредительного собрания...", но вместе с тем в решении практических вопросов проявлялась готовность к компромиссам. Свои методы решения острых дел подробно изложил в информационном сообщении Главному земельному комитету председатель Иркутского губернского земельного комитета: в тех случаях, когда из-за недостатка угодий крестьяне выдвигали требования ущемляющие интересы культурных хозяйств, комитет "принимая нужды обеих сторон, ... передавал покосы крестьянам с уплатой в виде одной трети фермеру". Касаясь многочисленных посягательств сельских обществ на причтовые земли, губернский комитет исходил из того, что каждое хозяйство есть для государства ценность и настаивал на выделении причту доли на равных со всеми крестьянами основаниях. Такие решения "находили понимание и к силе еще не пришлось прибегать ни разу"⁸⁾. Установки губернского земельного комитета через инструкции и циркуляры проецировались на картину сельской жизни и успешно множились в действиях волостных земельных комитетов, чему в немалой степени способствовала меньшая острота зе-

мельного вопроса в губернии.

Как известно, I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов принял резолюции о переходе всех земель в ведение земельных комитетов. Она была встречена частью комитетов как законное основание для вступления в распорядительные права. Токалинский уездный земельный комитет, столкнулся с крупными нарушениями при сдаче в аренду казенно-оброчных статей, когда огромные массивы за бесценнок со спекулятивными целями арендовались крупными предпринимателями, благодаря чему арендные цены в уезде выросли... неизмеримо. Под натиском крестьянских требований комитет принял решение, позволявшее волостным земельным комитетам отбирать пустующие сенокосные участки казенно-оброчных статей и передавать их нуждающимся.

Решительную борьбу с издавна укоренившейся в уезде спекулятивной арендой частновладельческих земель и казенных дач повел Тарский уездный земельный комитет. Положение в уезде усугублялось некавалифицированной работой поземельно-устроительных комиссий, приведшей к плохому обустройству переселенцев, которые оказывались лишены сенокосных угодий и требовали либо их предоставления, либо переселения на новое место. Комитет, чтобы пресечь субаренду казенных земель, в ущерб крупным собственникам установил преимущественное право на аренду сельским обществам. Комитет выработал правила, позволявшие волостным земельным комитетам ограничивать посевы и сенокосы арендаторов в необходимых для поддержания их хозяйства пределах, а остальные земли по справедливой оценке передавать нуждающимся⁹⁾. Новый план распределения и использования свободных земель главным образом на незаселенных переселенческих участках разработал Омский уездный земельный комитет. Он рекомендовал крестьянским комитетам сдавать нуждающимся за пониженную плату в первую очередь мягкие земли, а при их недостатке отдавать под сенокосы и выпасы целину.

Далее других в регулировании земельных отношений пытался пойти Тобольский уездный земельный комитет. Он вынес единогласное постановление "войти в соглашение" с Тобольским губернским управлением земледелия и государственных имуществ о передаче во временное пользование бесплатно особо нуждающимся сельским обществам, арендуемые ими у казны земельные оброчные статьи, лесные поляны, озера и пастбища, "чтобы тем самым хотя до некоторой степени облег-

чить тяжелое положение народных масс, пока собирается Учредительное собрание..."¹⁰⁾ Комитет разрешил бесплатный отпуск населению лесных материалов, составил списки о земельных нуждах сельских обществ и принял решение предоставить крестьянам некоторых селений в бесплатное пользование земельные оброчные статьи. Однако комитету не удалось масштабно организовать в уезде аграрное переустройство. Его постановления, чтобы не создавать в губернии прецедента, были опротестованы губернским земельным комитетом, хотя при рассмотрении частных вопросов власти проявляли больше терпимости к требованиям населения уезда.

Стремление к законности глубоко коренившееся в крестьянском сознании, опиралось на убеждение, что земля как дар Божий не является ничьей собственностью и должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Вековые нравственные устои крестьян удерживали их от посягательств на захват крестьянских земель. Совсем иным было отношение к собственности других сословий и казны. В ходе крестьянских захватов больше страдали казенные, церковные и частновладельческие земли, особенно участки не обрабатываемые самими владельцами, а сдаваемые в аренду. Значительному ущемлению подверглись хозяйственные интересы крупных предпринимателей, занятых племенным скотоводством и семеноводством. При поддержке крестьянских комитетов или по их постановлениям массовый характер приобрел захват земель заарендованных коннозаводчиками в Кузнецком и Омском уездах.

Помимо захвата выпасов и сенокосов, потравы крестьянским скотом полей крупных владельцев некоторые крестьянские комитеты, применив метод подоходно-прогрессивного обложения, пытались возложить на них основное бремя налогов. Большого успеха эти меры не имели, но вызвали тревоги и жалобы. Одна из таких поступила в Томский губернский исполнительный комитет от коннозаводчика Е.Е.Скороделова, который сообщил, что Брюхановским сельским комитетом Косминокой волости Кузнецкого уезда его хозяйство обложено промысловым налогом в размере 50 тыс. руб. на первое полугодие 1917 г. и просил образумить крестьянский комитет¹¹⁾.

Подавляющая часть решений крестьянских комитетов по земельному вопросу касалась изменения условий аренды казенных земель. В этих целях использовался набор приемов, группировка которых позволяет выделить три основные формы. В практике комитетов особенно в

первые после революции месяцы широко использовалась форма законного решения вопроса через прошения и ходатайства в вышестоящие инстанции. Она редко приносила быстрые результаты и удовлетворение острых нужд осуществлялось главным образом на основании постановлений самих низовых комитетов, либо по решению крестьянской общины и носило захватный характер. Захваты проводились как в открытой форме, когда за установленную комитетами плату засеивались или выкашивались свободные участки и отвергались арендные права прежних пользователей на занятых землях, так и в скрытой форме, через отказ платить за пользование внеадельными землями. Причем последняя, судя по многочисленным рапортам надзирателей за казенными и бывшими кабинетскими землями в губернские управления земледелия и государственного имущества, превалировала над всеми остальными и вполне отвечала настроению деревни. Характеризуя отношения крестьян к аренде земли, корреспондент из Кольчугинского района сообщал, что крестьяне не хотят признавать арендной платы за пользование бывшими кабинетскими землями, установленной местным комитетом в размере от 50 коп. до 1 руб. за десятину (которую по всем меркам нельзя считать завышенной - В.З.) и говорят "на что угодно наложите, но не на землю; ни копейки аренды за землю". Требуют даже слово "аренда" применительно к земле не упоминать¹²⁾. Скрытые захваты ограничивали отток средств из крестьянского хозяйства и способствовали его укреплению.

Основную цель своего существования крестьянские комитеты видели в урегулировании земельных отношений и для ее реализации использовали ряд методов, позволяющих выделить в их деятельности два направления, которые на практике не исключали друг друга и нередко переплетались. Многие комитеты своими решениями стремились предупредить крестьянские требования, а для согласования острых вопросов привлекали представителей заинтересованных сторон, организуя совещания волостного, межволостного и районного уровней. Этот метод применялся главным образом при распределении сенокосов и был распространен во всех районах Сибири. Например, в начале июля исполнительные комитеты Балахтинской и Назаровской волостей Ачинского уезда, собрав представителей 22 волостей, распределили покосные участки казенных лесных дач, не забыв при этом наделить казенными лугами и крестьян двух соседних волостей, арендовавших ра-

нее покосы в этих волостях. С аналогичной целью провели общие собрания и совещания Калачинский районный земельный комитет, объединивший 15 волостей, выделившихся из Токалинского уезда, Зарзубейский волостной исполнительный комитет Красноярского уезда и др.

Другим важным направлением деятельности крестьянских комитетов являлось их участие в улаживании возникавших конфликтов, связанных с захватами как отдельными хозяйствами, так и целыми обществами чужих пахотных и сенокосных участков. Испытанным и эффективным методом выхода из конфликтных ситуаций являлись создаваемые комитетами примирительные камеры, к участию в работе которых иногда привлекались уполномоченные губернских и уездных комитетов и Советов. Содержание решений комитетов определялось конкретной постановкой сил и предусматривало такие меры наказания виновных, как наложение штрафов в пользу потерпевшей стороны, возмещение всех затрат деньгами или эквивалентно затратам натурой (зерном, сеном и пр.), предоставление равноценных угодий и т.д. Анализ решений комитетов в спорных делах между отдельными хозяевами и обществами показывает, что в абсолютном большинстве случаев комитеты выступали на стороне коллективных интересов.

Возлагая на комитеты обязанность противостоять "самоchinному" решению земельного вопроса, закон не обеспечивал права крестьянских комитетов в борьбе с крестьянским движением. Постановления комитетов не имели юридической силы ни для чиновников на местах, ни для "нарушителей порядка", к которым комитеты могли применять "исключительно меры морального воздействия", а потерпевшей стороне предлагать обращаться в суд. Отсутствие четких инструкций и неопределенность прав создавали трудности в работе комитетов. Балансируя между гражданским долгом, о котором напоминали распоряжения губернских и уездных организаций и собственными интересами материальной выгоды, подкрепляемыми требованиями односельчан, крестьянские комитеты чаще склонялись в сторону последних. Однако давление сверху и снизу обрекало комитеты на непооследовательные и противоречивые действия.

Широко используемая всеми крестьянскими организациями и особенно земельными комитетами в ответ на крестьянские запросы формула о недопущении земельного переустройства вплоть до созыва Учредительного собрания при попытке рассмотреть ее во всем комплексе вза-

и соотношений и действий крестьянских комитетов позволяет видеть, что за расхожей формулировкой чаще скрывалось не стремление к консервации земельных отношений любыми средствами, а соображения целесообразности и осознание опасности решения вопроса без посредничества этих организаций. Подтверждением сказанного служат постановления сохранявших преемственность исполнительного и земельного комитетов Даурской волости Ачинского уезда, которые с самого начала проявляли большую активность и оставили немало свидетельств о своей деятельности. С первых дней своего существования волостной исполнительный комитет повел решительную борьбу с самогонварением и торгово-ростовщической эксплуатацией. Он установил в волости твердые цены на продукты потребления, за сокрытие и продажу товаров выше установленной комитетом таксы арестовал местного торговца и наложил на него штраф в 1000 руб. Штраф был взыскан и часть его пошла на нужды малоимущих жителей волости. В июле волостной земельный комитет пересмотрел арендную плату за покосы и сдал все участки, в том числе и наделы лесной администрации по 30 коп. за десятину¹³⁾. На этот же земельный комитет под угрозой нарастающего захватного движения 8 августа постановил "...безотлагательно вменить в прямую обязанность всем сельским управам волости обязать население подписками, чтобы оно ни в коем виде не имело право самостоятельно производить разделов и захватов земельных угодий..."¹⁴⁾

Учет земель являлся официальной задачей земельных комитетов и на этом основании в исторической литературе он рассматривался как помеха, отвлекавшая комитеты от решений практических вопросов и создававшая у крестьян иллюзию решения аграрного вопроса. Материалы о деятельности земельных комитетов позволяют несколько иначе взглянуть на эту казенную функцию. На первом этапе основная нагрузка ложилась на волостные земельные и сельские и волостные исполнительные комитеты. В ходе работ по сбору информации и заполнению опросных листов, предполагавших демографическое, хозяйственное, бюджетное обследование крестьянских хозяйств, проводился переучет земельных угодий, выяснялись размеры и качество используемого фонда, реальные потребности и резервы. Полученные из волостей данные обобщались уездными земельными комитетами. Несмотря на неточность и неполноту полученных материалов создавалось приближенная к действительности картина, делавшая очевидной несправедливость в поль-

зовании земель. Сообразуясь с местными условиями и возможностями, Барнаульским, Бийским, Кузнецким и Омским земельными комитетами были разработаны потребительские нормы наделения земель. Туринский земельный уездный комитет, заслушав материалы прошедших в уезде районных совещаний по землепользованию, поддержал требования крестьян о передаче им частновладельческих, монастырских, церковно-причтовых и граничивших с крестьянскими казенных земель и признал обоснованными разработанные на совещаниях нормы душевого надела. Комитет поручил земельной управе "ходатайствовать, где будет следовать о проведении этих требований в жизнь"¹⁵⁾.

Принятие земельными комитетами норм душевого надела, конечно, не гарантировало права каждого земледельца требовать немедленного увеличения землепользования, но вынуждало комитеты придерживаться этих норм при рассмотрении жалоб крестьян. Изучение материалов о деятельности губернских и уездных земельных комитетов позволяет обнаружить различия между разработанными и тиражируемыми ими циркулярами, инструкциями и "Временными правилами о пользовании землей и лесом", которые отвечали установкам Временного правительства, возводя в основной принцип "недопущение самовольных захватов" и подходом к конкретным делам о "захватах и пользованиях". Соприкосновение о фактами захвата крестьянами казенно-оброчных отаей, лесных полян и причтовых земель заставляло комитеты поступиться принципом и в своих решениях лишь фиксировать новые отношения в пользовании землей и лесом.

В отчетах о проделанной работе многими комитетами приводились сведения о количестве и характере рассмотренных ими дел, число которых колебалось и в зависимости от месяца в уезде составляло в среднем от 29 до 100 обращений. Большинство ходатайств несли в себе заряд социального недовольства и естественно предположить, что без вмешательства крестьянских комитетов они могли вылиться в конфликты, увеличив, тем самым, размах крестьянского движения.

Путем предупредительных мер, уступок, поиска компромиссов, крестьянским комитетам удавалось сдерживать разрушительные тенденции в крестьянском движении и ограничивать его мирными формами. Не случайно, что за весь период с марта по декабрь 1917 г. было обнаружено лишь шесть случаев обращения комитетов с просьбой о вмешательстве в конфликты вооруженные силы, но оружие было приме-

нено лишь однажды в кровопролитном конфликте между сельскими обществами.

Деятельностью по удовлетворению наиболее острых нужд крестьянства комитеты одерживали процесс обнищания деревни и нарастание в ней имущественной дифференциации, что нашло косвенное подтверждение и в сократившемся к осени 1917 г. крестьянском движении.

Примечания:

1. РГИА. Ф. 387. Оп. 20. Д. 72394. Л. 89-91.
2. ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 195. Л. 110.
3. ТФ ГАТО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 45. Л. 59; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 94. Л. 5.
4. Там же. Д. 78. Л. 196, 205.
5. ГАОО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
6. ТФ ГАТО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 67, 68, 77, 80, 101; Д. 25. Л. 2, 3.
7. ТФ ГАТО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 78. Л. 55, 131, 132.
8. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 71. Л. 28-30.
9. Там же. Д. 50. Л. 156.
10. ТФ ГАТО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.
11. ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 15. Л. 34.
12. Крестьянский союз. 1917. 7 мая.
13. Наш голос. 1917. 21 апр.; Свободная Сибирь. 1917. 2 сент.;
Рабоче-крестьянская газета, 1917. 16 дек.
14. ГАКК. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
15. ТФ ГАТО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 48. Л. 59-61.

Е. К. Андрющенко

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ
СИБИРИ (60-90-Е ГГ. XIX В.)

Сибирские ярмарки пореформенного периода представляли собой типичную и наиболее распространенную форму торговли, особенно в сельской местности. Их эволюция была сложным социально-экономическим процессом, в котором вопросы правовой политики государства, законодательной деятельности центральных и местных органов власти играли существенную роль. Однако эта тема не получила должного внимания, хотя ее отдельные аспекты рассматривались в отечественной литературе¹⁾.

Ярмарки, по определению законодателя, — "суть общие торги, на которых в продолжение определенного в установленном порядке срока производится торговля всякого рода или определенного рода товарами"²⁾, собирались жителями соседних населенных пунктов с незапамятных времен и приурочивались, как правило, к каким-либо церковным праздникам (отсюда название значительной части ярмарок, например: Никольская, Воскресенская, Креотовоздвиженская, Козьмо-Демьянская и т.п.). Со временем эта торговля становилась традиционной, расширялись ассортимент и товарооборот, круг продавцов и покупателей. Торгам придавался официально ярмарочный статус, устанавливались дни их проведения.

По форме и содержанию ярмарочная торговля соответствовала укладу и характеру хозяйственной деятельности сибирского населения. В условиях экономической замкнутости отдельных районов, неразвитости дорожно-транспортной сети ярмарки были длительное время практически единственной формой товарообмена и в значительной степени способствовали развитию товарно-денежных отношений.

Законодательные реформирование, закрепление юридических норм и установлений относительно ярмарочной торговли проходило в рамках общего пересмотра торгово-промышленной политики России в связи с коренными переменами социально-экономического характера и в русле готовившихся реформ 60–70-х гг. XIX в. Не вдаваясь в подробности этого процесса, следует отметить несколько моментов, важных с точки зрения рассматриваемой темы.

Действовавшее в первой половине XIX в. торговое законодательство в новых условиях было естественно устаревшим. Вследствие высоких цен на торговые документы и сословных ограничений в промысловых правах оказалась неэффективной и система торгово-промышленного обложения, введенная в 1824 г. министром финансов Е.Ф. Канкриным. Для приведения в соответствие законодательства в 40–60-х гг. было последовательно учреждено ряд комиссий из представителей министерств финансов, внутренних дел, государственных имуществ и Собственной его императорского величества канцелярии.

Итогом их деятельности явилась выработка основных начал новой системы обложения, проектов торгового устава и других правовых актов, связанных с проблемой торгово-промышленного развития страны. В конечном счете, реформирование позволило исключить, хотя и

не в полной мере, разрыв между реальным положением, потребностями торговли и хозяйственным законодательством, а самое главное — устранило основные преграды в сфере промысловых занятий. Для России, с ее многомиллионным крестьянским населением, это было достаточно сильным фактором оживления экономической и социальной жизни.

В системе новых подходов к торговле были сформулированы положения о ярмарках. К ним относились общие торги, на которых в течение определенного времени разрешалась вольная торговля любым товаром для всех сословий. Открытие ярмарок (сроком не более недели) по ходатайству местных общественных учреждений было в компетенции губернского или областного начальства. Напротив, открытие ярмарок на более длительный срок, а также перевод их действия с одного времени на другое, по представлению местных властей, зависело от совместного решения Министерств внутренних дел и финансов³⁾.

Общие установления о ярмарках, связанные с их регламентацией и налогообложением, содержались в торговом уставе и Положении о пошлинах за право торговли и промыслов, а также во всех последовавших к ним позднейших изменениях, дополнениях и разъяснениях. Причем в торговом уставе имелась ссылка на ряд законодательных актов административно-правового характера, где были обозначены правила в отношении ярмарок и определялся порядок их осуществления.

Подобные правила были изложены в Своде губернских учреждений, Положении о губернских и уездных земских учреждениях, Положении об инородцах и т.п. Внутренний распорядок функционирования ярмарок, касавшийся устройства помещений для лавок, балаганов, весовых, одачи их в наем, сборов за торговые места, противопожарных и санитарных мер, регламентировался постановлениями органов власти, соответствовавших административному устройству конкретных местностей (казачьих, инородческих, земских). Нередко эти постановления издавались вследствие циркулярных предписаний министерств внутренних дел, финансов и других центральных ведомств.

Ярмарочная торговля в сравнении с другими видами, кроме естественных различий с ними по форме и содержанию, имела свою специфическую особенность, закрепленную в законодательном порядке. Речь идет о праве беспошлинной торговли на всех ярмарках товаром определенного рода (продукты, топливо, строительные материалы и т.д.) и любым товаром на ярмарках пятого разряда, т.е. сроком действия не более 7 дней⁴⁾.

Эта льгота, бывшая по сути дела протекционистской, имела свою предысторию. До начала XIX в. торговавшие на ярмарках не освобождались от уплаты пошлин. Вследствие основных ограничений и крепостного состояния было практически отстранено от торговых занятий сельское население, что существенно замедляло развитие экономической жизни страны. Поэтому в 1814 г. был издан закон, временно до последующего общего решения по этой проблеме, которым позволялась свободная торговля на ярмарках для всех сословий. С принятием новых законодательных актов данное положение в части своей утратило силу. Однако право беспошлинной торговли на ярмарках при некоторых изменениях осталось⁵⁾.

Все рассмотренные законодательные акты, за исключением Положения о губернских и уездных земских учреждениях, имели практический смысл для Сибири. Здесь были местности, заселенные инородцами, в западной и восточной частях региона располагались территории Сибирского и Забайкальского казачьих войск. Значительная часть местных ярмарок относилась к пятому разряду, т.е. подлежала льготному налогообложению. Подготовленная на начальном этапе реформ, правовая база создала нормативное пространство, приближенное к реальной действительности в социальной и экономической жизни России и ее отдельных регионов.

Местные органы власти в своей административно-распорядительной деятельности получали возможность стабилизировать положение в торговле после всех неизбежных потерь и потрясений, свойственных периодам радикальных преобразований. Законодательная основа с известными оговорками позволяла на практике соединить экономические интересы населения с потребностями страны и ее территорий; более гибко регулировать и контролировать этот процесс.

О том, как воспринимался данный процесс непосредственно населением, свидетельствуют приговоры сельских сходов, которые собирались с целью учреждения ярмарок. Приводимый ниже фрагмент прошения (с сохранением орфографии) с достаточной полнотой отражает понимание крестьянами своих интересов, одобрение, с долей лести, действиям начальства, содержит общую оценку жизненной ситуации. Участники схода в с. Кочковском Бурлинской волости Алтайского горного округа Томской губернии писали в 1879 г.: "... обить (продукцию - В.А.) совершенно некуда и поневоле отдает (крестьянин - В.А.) в

половинную цену, да к тому же еще не на наличные деньги. Почему сельское население ныне узнав пользу в торговом обороте, а также и высшее начальство старается развить таковое и дает возможность каждому по всем отраслям наилучшее понятие сельского быта, расширяет училища для развития грамотности и разрешает по ходатайству поселян - ярмарки, базары, торжки и проч., через что даже и молодое наше поколение весьма легко может познакомиться с познаниями торгового оборота и разного рода занятий, а также может развить и образовать умственные способности к сельскому быту... "6)

Анализ содержания крестьянских приговоров относительно учреждения ярмарочной торговли, не смотря на некоторую разность, позволяет выделить общее, что было характерно для интересов и потребностей сельских обывателей Сибири. Во всех прошении подчеркивалось наличие в крестьянских хозяйствах излишков зерна, крупного рогатого скота, мяса, сала, продукции охотничьего, рыболовного, лесного промыслов, с другой стороны - нехватки денег для уплаты податей и покупки необходимых вещей, домашней утвари, орудий труда. Подобное сочетание было результатом развития рыночных отношений, ориентировавших крестьянские хозяйства на отход от натурального к товарному производству. Стимулировала этот процесс и постепенная замена натуральных повинностей деньгами.

В данных условиях ярмарки были наиболее удачным средством разрешения всех проблем. Тем более, что по мнению участников одного из сходов, общие торги позволяли создать конкуренцию среди торговцев, понизить цены к выгоде покупателей, а "сами крестьяне разных волостей более ознакомятся с произведениями окрестными, с качеством и ценностью на произведения; между них также должно произойти соревнование к лучшему приготовлению оных произведений и уравнение в ценах"7).

Примерно такие же убеждения в необходимости и полезности ярмарочной торговли высказывали и представители сибирской администрации. Один из чиновников по крестьянским делам, ознакомившись с материалами по открытию ярмарки в с. Бачатском, писал в рапорте томскому губернатору: "Учреждение проектируемой ярмарки для среднего и бедного класса населения окажет большое благодеяние, т.е. освободит его от нескольких эксплуататоров, забирающих ныне скот

и жировые товары во время вноса крестьянами податей по самым низким ценам⁸⁾.

Особое внимание в приговорах обращалось на обоснование возможностей устройства ярмарки в конкретном населенном пункте, поскольку в этом деле было необходимо соблюсти ряд условий. Во избежание конкуренции с другими ярмарками вновь организуемая должна была располагаться вне сферы их влияния. Причем действие данной ярмарки не могло совпадать по времени с деятельностью соседних. Таким образом торговцы и покупатели переезжали с одной ярмарки на другую без особого ущерба для себя и для сельских обществ. Разумеется важным условием было местоположение будущей ярмарки, заселенность территории, уровень развития производства, характер и качество подъездных путей и т.п. Кстати, авторы прошений не забывали перечислять количество годных работников, домохозяев, проживавших в одном селе или нескольких окрестных. Нередко указывалось обязательство построить за счет общества балаганы, лавки, расчистить площадь под торговые места с тем, чтобы впоследствии часть денежных поступленийратить в свою пользу.

Административно-правовая практика рассмотрения всех формальностей, связанных с устройством ярмарок носила, по сути дела, разрешительно-регистрационный характер. При соблюдении обусловленных законом правил ходатайства в отношении ярмарочной торговли почти всегда удовлетворялись. Схема прохождения официальных бумаг, за небольшим исключением, была однотипной. Промение с приговором проходило по всем инстанциям властной вертикали, соответственной административному устройству различных сибирских территорий.

Материалы проверялись на достоверность, при необходимости сведения уточнялись и дело, в зависимости от инстанции, обрасталось отзывами волостных старост, мировых посредников, чиновникам по крестьянским делам, купцов. В губернских учреждениях готовилось окончательное заключение и подавалось на утверждение губернатора. Правда, на этом уровне заканчивалось рассмотрение дел о ярмарках пятого разряда. Материалы о ярмарках других разрядов поступали в хозяйственный департамент МВД для утверждения по соглашению министрам внутренних дел и финансов, о чем сообщалось Правительствующему сенату "для зависящего распоряжения к опубликованию во всеобщее сведение".

Развитие рыночных отношений способствовало разрушению экономической локализованности отдельных местностей, расширяло производственно-торговые связи. В процессе этого неизбежно возникала конкуренция соседствующих ярмарок, которая, как правило, проявлялась в бумажных тяжбах сельских общин с целью закрытия торговли оперничавшей стороны.

Согласно действовавшему законодательству местные власти имели возможность на формальном уровне решать подобные конфликты, что иногда и происходило. В то же время обнаруживались и другие подходы, свидетельствовавшие о ясном понимании сути происходивших рыночных преобразований и желании содействовать им. Так, разбирая многолетний конфликт по поводу конкуренции двух ярмарок Каинского округа, генерал-губернатор Западной Сибири не согласился с упразднением одной из них и сформулировал свою позицию следующим образом: "Наконец должен заметить, что торговля, по естественному порядку вещей, развивается и упрочивается только там, где она действительно необходима и где приносит достаточные выгоды; там же, где таковой нет, она сама собой падает и уничтожается и что насильственно сделать тот или другой пункт торговым нельзя, а должно ожидать указаний в оем отношении от времени и опыта. Поэтому и относительно того: могут ли существовать обе упомянутые ярмарки или нет и, в случае невозможности, которая из них будет полезнее и которая должна уничтожиться, решит время и ход торговых дел и тогда уже должно будет закрыть ту ярмарку, упадок оборотов которой покажет бесполезность оной"⁹⁾.

Завершая краткий анализ торгового законодательства периода реформ XIX в., следует отметить, что, несмотря на свою паллиативность, оно сыграло важную роль в развитии товарно-денежных отношений, становлении рыночных механизмов в экономике Сибири. Будучи вызванной к жизни естественным ходом событий, деятельным участием государственных структур и общества, система данных законодательных актов, в свою очередь, оказала существенное влияние на эволюцию ярмарочной торговли сибирского региона, придав ей упорядоченный характер.

В административно-распорядительной деятельности местных органов власти прослеживалась достаточно четко тенденция поддержки торговых интересов населения. Об этом косвенно свидетельствуют фраг-

ментарные сведения по Томской губернии о числе поданных прошений относительно учреждения ярмарок. В 60-е гг. XIX в. было подано 16, в 80-е гг. - 43, в 90-е гг. - 77 прошений¹⁰⁾.

Ярмарочная торговля была одним из факторов преодоления экономической замкнутости региона. В торговой сфере реализовались предпринимательские наклонности и социально-производственный статус различных сословных групп сибирского населения.

Примечания:

1. Речь идет о работах Т.К.Щегловой по истории алтайских ярмарок и диссертации на эту же тему (См.: Ярмарки Алтая в XIX веке: Автореф. дис... канд.ист.наук.Томск, 1990. 19 с.

2. РГИА.Ф.23.Оп.7.Д.301.Л.40.

3. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893.С.130.

4. Движение ярмарочной торговли в России за последние пять лет (1868-1872). Б.м.,б.,С.1-2; Папков М.Н. Положение о сборе за право торговли и промыслов.СПб., 1896.С.160.

5. РГИА.Ф.20.Оп.4.Д.3382.Л.23.

6. ГАТО.Ф.3.Оп.48.Д.93.Л.14-15.

7. ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.987.Л.6.

8. ГАТО.Ф.3.Оп.48.Д.101.Л.12.

9. ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.654.Л.31.

10. Подочет наш.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
I. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ХУШ - XX вв.	
РАБИНОВИЧ Г.Х. К характеристике состава финансовой олигархии в России.....	5
ЗИНОВЬЕВ В.П. Винные откупа в Западной Сибири (ХУШ в.-1863 г.).	36
БОЙКО В.П. Предпринимательская деятельность дворян Базилевских в Сибири.....	52
РАЗУМОВ О.Н. Из истории биржевого дела в Сибири.....	63
II. ПРОМЫШЛЕННОЕ И ТРАНСПОРТНОЕ ОСВОЕНИЕ	
БОЛЫШАКОВ В.Н. К истории Обь-Енисейского водного пути (начало XX в.).....	69
КОСЫХ Е.Н. Полиграфическая промышленность Сибири (конец XIX в. - 1919 г.).....	83
КОНОВАЛОВ П.С. Рабочая сила на строительстве Алтайской железной дороги (1913-1915 гг.).....	96
III. АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ	
НИКУЛИН П.Ф. Рыночный фактор в функционировании крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX века.....	107
БУЗАНОВА В.А. Сельскохозяйственные рабочие Западной Сибири в конце XIX - начале XX вв.: численность и состав.....	120
ЗЫКОВА В.Г. Хозяйственная деятельность крестьянских комитетов в 1917 г.....	137
АНДРЕЩЕНКО В.К. Правовые аспекты развития ярмарочной торговли Сибири 60-90-е гг. XIX в.....	149

Подписано к печати 15.06.94г.

Печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,3. Бумага типографская № 3.

Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ № 301.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск-29, ул. Никитина, 4.

Ротапринт ТГУ, 634029, г. Томск-29, ул. Никитина, 4.

02

1-813796

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
<http://vitalib.tsu.ru>

Томский государственный университет

Научная библиотека 00285865